

Погоня за отцом

Глава 1

Обычно такое случается раз или два в неделю. Мы с Лили Роуэн, возвращаясь из театра, с вечеринки или с хоккейного матча, выходим из лифта и останавливаемся перед дверью ее апартаментов, что занимают всю крышу многоквартирного дома на Шестьдесят третьей улице между Мэдисон-авеню и Парк-авеню. Вот тут-то и возникает главный вопрос. Я спрашиваю себя: следует ли мне отомкнуть дверь или предоставить сделать это Лили? Лили тоже мучается - открыть ли дверь самой или уступить эту честь мне. До междоусобиц по этому поводу у нас пока не доходило, тем более что решается дилемма всегда одинаково. Лили вынимает свой ключ и улыбается мне, словно желает сказать:

"Да, мол, я знаю, что ключ у тебя есть, но дверь-то все-таки моя!" Я улыбаюсь в ответ. У нас принято считать, что мой ключ можно пустить в ход в ситуациях, которые возникают не очень часто.

В тот августовский четверг я водил Лили на бейсбол, где "Гиганты" были в пух и прах разгромлены "Метеорами", а достала ключ и отомкнула дверь Лили в двадцать минут шестого. Зайдя, она окликнула горничную Мими, известив ее о нашем приходе, и отправилась в ванную, я же прошествовал в неприлично огромную гостиную, застланную персидским ковром размером девятнадцать футов на тридцать четыре. Я разыскал в стоящем в углу гостиной баре джин, тоник, ведерко со льдом и стаканы, водрузил все это на поднос и вышел на террасу.

Лили сидела уже там под навесом, изучая программку матча, которую я сохранил.

- Ну и молодчага этот Харрелсон, - сказала она, когда я поставил поднос на столик. - Целых пять очков добыл. Будь он здесь, я бы обняла его и расцеловала.

- Тогда я рад, что его здесь нет, - ухмыльнулся я - Ты бы бедняге все ребра переломала.

Из гостиной донесся голос.

- Мисс Роуэн, я ухожу.

Мы повернули головы. Девушка, стоявшая в проеме дверей появилась в квартире Лили недавно. Я видел ее всего два раза, хотя смотреть на нее было вполне приятно: приличная фигурка, все на месте, рост примерно пять футов и четыре дюйма, гладкая смуглая кожа и смышленные карие глаза. Волосы каштановые, перехваченные узлом на затылке. Звали девушку Эми Деново, в июне она получила диплом об окончании смитовского колледжа. Десять дней назад Лили за сто долларов в неделю подрядила Эми на работу, которая состояла в том, что Эми помогала Лили в поиске и систематизации материалов для книги о покойном отце Лили. Отец нажил огромное состояние, прокладывая канализацию и водопроводы, и оставил дочке

наследство, которого запросто хватило бы на то, чтобы содержать дюжину подобных апартаментов. Кто будет писать книгу, Лили еще не решила.

Ответив на пару вопросов, Эми ушла, а мы с Лили пустились в обсуждение бейсбольного матча, перебивая косточки Томми Дэвису с Томом Сивером и ставя им в пример Бада Харрелсона. Потягивая коктейли, мы скоротали время до шести часов, после чего я поднялся, чтобы уйти; у Лили оставалось еще предостаточно времени, чтобы переодеться к званому ужину, на котором приглашенные всерьез собирались облегчить положение неимущих, произнося пыльные речи об уничтожении гетто. У меня на вечер тоже была назначена встреча, на которой я также всерьез намеревался облегчить бумажники кое-каких моих друзей с помощью удачно прикупленного туза или валета.

Однако внизу в вестибюле меня перехватили. Консьерж Альберт уже собирался распахнуть передо мной дверь, когда меня окликнули. Обернувшись, я увидел Эми Деново, которая поднялась со стула и устремилась ко мне. Девушка робко, но очень мило улыбнулась и спросила:

- Вы не могли бы уделить мне несколько минут? Мне нужно вам кое-что сказать.

- Конечно, выкладывайте, - ответил я.

Эми Деново посмотрела на Альберта, который сообразил, что от него требуется, и вышел на улицу. Я предложил присесть, и мы прошли и уже уселись на диванчик, когда входная дверь распахнулась. Вошедшие - мужчина и женщина - неспешно прошествовали к лифту и остановились выжидая.

- Здесь довольно людно, да? - сказала Эми Деново. - Я просила у вас несколько минут, но, возможно... это займет больше времени. Это ничего? И потом... Это дело очень личное... В том смысле, что оно касается меня.

Только сейчас я заметил ямочки на щеках. На смуглой коже они смотрятся даже симпатичнее, чем на светлой.

- Вам двадцать два, - заявил я.

Девушка кивнула.

- Тогда, возможно, нам хватит и одной минуты. Итак, сейчас ни в коем случае за него не выходите - вы еще слишком молоды и несмышлены. Потерпите хотя бы годик, а потом...

- О, дело вовсе не в этом! Это совсем личное.

- А по-вашему, замужество - не личное? Даже чересчур личное, вот в чем беда-то. Так вот, если ваше дело займет не несколько минут, а несколько часов, то на восемь у меня назначена встреча: тем не менее я знаю тут за углом одно местечко, где подают коктейли и готовят вкуснейшие сэндвичи с яйцом и анчоусами. Вы любите анчоусы?

- Очень.

Вновь открылась дверь, пропустив двоих женщин, которые решительно двинулись к лифту. Да, для личной беседы место было и впрямь неподходящее.

Идти рядом с Эми было одно удовольствие: она не отставала и не забегала вперед, не шаркала и не семенила. Время было не бойкое, так что в "Кулере" было немногочисленно и мы заняли угловой столик, за которым я частенько перехватывал что-нибудь на пару с Лили. Когда официантка, приняв у нас заказ, удалилась, я поинтересовался у Эми, не стоит ли отложить разговор о личном деле, пока мы не заморим червячка.

Девушка покачала головой.

- Нет, я не могу... - Она примолкла секунд на десять, потом вдруг выпалила:

- Я хочу, чтобы вы разыскали моего отца.

Я приподнял бровь.

- Вы его потеряли?

- Нет, но это потому, что я его никогда и в глаза не видела. - Эми быстро-быстро протараторила эти слова, словно боясь, что ее оборвут. - Я решила, что должна кому-то рассказать - еще месяц назад, - а потом, когда мисс Роуэн поручила мне эту работу, я узнала, что вы знакомы и вот тогда...

Я-то давно уже знаю про вас и про Ниро Вулфа. Но я не хочу, чтобы этим занимался Ниро Вулф, - мне бы хотелось, чтобы это сделали вы.

Ямочки уже не появлялись, а карие глаза пристально смотрели на меня.

- Увы, так не выйдет, - сказал в. - Двадцать четыре часа в день и семь дней в неделю, когда так требуется, я работаю на Ниро Вулфа и не могу заниматься своими делами. Но вот сейчас у меня выдался свободный часок... - Я кинул взгляд на часы. - И двадцать минут, так что, если вам нужен совет, то я готов помочь. Бесплатно.

- Но мне нужно больше, чем совет.

- Вам трудно судить - вы слишком завязаны.

- Да, я и впрямь сильно завязана. - Карие глаза буравили меня насквозь.

- И поделиться мне не с кем, кроме вас. Вернее - я не смогу больше ни с кем поделиться. Когда на прошлой неделе я впервые увидела вас, я сразу поняла, что вы единственный человек в мире, которому я могу довериться. Мне никогда прежде не приходилось испытывать подобное по отношению к любому мужчине... или к женщине.

- Очень трогательно, - произнес я, - но я не падок на лесть. Так вы сказали, что отца у вас не было?

Глаза Эми метнулись в сторону официантки, которая принесла нам коктейли и сэндвичи. Когда нас обслужили и мы вновь остались вдвоем, Эми попыталась улыбнуться.

- Я так выразилась, конечно, в переносном смысле. Я просто никогда его и в глаза не видела и даже не знала, кто он такой. И сейчас не знаю. Не знаю даже, каково мое настоящее имя. И никто этого не знает - никто! Вот в чем дело. Мне кажется, что Деново - не настоящая фамилия моей матери. Я думаю даже, что моя мать вообще не была замужем. Вам известно, что означает Деново? Это два латинских слова; "de novo".

- Что-то новое. Нова, например, это новая звезда.

- Это означает - "заново", "снова" или "сызнова". Моя матушка как бы начала жизнь заново, сызнова, вот и взяла себе фамилию Деново. Жаль, что я не знаю этого наверняка.

- А вы ее спрашивали?

- Нет. Хотела и даже собиралась, но опоздала. Она умерла.

- Когда?

- В мае. Всего за две недели до того, как я окончила колледж. Ее сбила машина. Водитель скрылся.

- Его нашли?

- Нет. Но говорят, что до сих пор ищут.

- А родственники у вас есть? Сестра, брат...

- Нет, никого больше нет.

- Так не бывает. У всех есть родственники.

- Нет. Никого. Хотя, конечно, кто-то может носить настоящую фамилию матери.

- А двоюродные братья и сестры, дяди, тети...

- Нет.

Да, дельце становилось довольно запутанным. Или, напротив, предельно простым. Я знал людей, которые предпочитали считать себя одинокими - а вот Эми Деново и в самом деле была

совсем одна. Я предложил ей попробовать сэндвич - она согласилась и откусила кусочек. Обычно, когда я сижу с кем-то за одним столом, я замечаю определенные мелочи и особенности, поскольку это позволяет получше узнать человека, а вот в тот раз я позволил себе расслабиться, поскольку то, как Эми кусала сэндвич, жевала, глотала или облизывала губы не имело ни малейшего отношения к ее делу. Впрочем, я все-таки подметил, что отсутствием аппетита девушка не страдала, что она и доказала, проглотив половину сэндвичей с яйцом и анчоусами. Покончив с сэндвичами, Эми осведомилась, входят ли они в число излюбленных лакомств Ниро Вулфа и, похоже, была несколько разочарована, когда я ответил, что нет, не входят. Когда блюдо опустело, она сказала, что даже не ожидала, что так проголодается после того, как наконец поделится с кем-то столь долго вынашиваемой тайной. Потом чуть заметно улыбнулась (ах, эти ямочки!) и добавила:

- Как все-таки плохо мы сами себя знаем.

- И да и нет, - сказал я. - Некоторые из нас знают себя даже слишком хорошо, другие - совершенно недостаточно. Я, например, совсем не желаю знать, почему встаю утром и блуждаю в тумане - если стану ломать над этим голову, то, возможно, никогда больше не засну. Впрочем, я всегда сумею выбраться из любого тумана. Что же касается вас, то вы вовсе не в тумане.

Напротив, вы - под лучами прожектора, который сами же на себя и наставили.

Но что вам мешает самой же и отключить его?

- Это вовсе не я. Прожектор включили другие люди, в первую очередь - моя матушка. Я ничего не могу с ним поделать.

- Ну, хорошо. Тогда что вас больше всего заботит? Подлинная фамилия вашей матери или отца?

- Конечно, отца. В конце концов, с матерью я прожила вместе всю жизнь, так что мое желание выяснить ее настоящую фамилию объясняется простым любопытством. Отец - другое дело. Жив ли он? Кто он? Что он из себя представляет? Ведь во мне его гены!

Я серьезно кивнул.

- Да, вы закончили Смит. Там, должно быть, много рассказывали про гены.

Мистер Вулф как-то раз сказал, что ученым следовало бы умалчивать про свои открытия: делаясь ими, они порой усложняют людям жизнь. Кофе не хотите?

- Нет, спасибо.

- Здесь к кофе подают очень вкусные штучки.

Эми помотала головой.

- Признаться честно, я готова проглотить все что угодно - даже не знаю, что это вдруг на меня нашло, - но все же воздержусь. А что вы?.. Вы сказали, что готовы дать мне совет.

- Да. - Я положил руку на стол. - Дело у вас и впрямь заковыристое. Тут советом не обойдешься, даже если он исходит от человека, которому вы доверяете. Так вот, у вас есть примерно один шанс из миллиона, что через неделю кропотливого и добросовестного труда поиски могут увенчаться успехом, однако с наибольшей вероятностью можно предсказать, что работа затянется надолго и влетит вам в копеечку. Сколько у вас денег?

- Немного. Но я, конечно, заплачу вам.

- Не мне. Я уже объяснил. А у Ниро Вулфа гипертрофированные представления о размерах гонорара; вот почему мне нужно точно знать, какими средствами вы располагаете. Если вы не против, конечно.

- Нет, я не против. У меня никогда не было особых сбережений - я тратила все, что зарабатывала. У меня есть только то, что оставила в наследство мама, за вычетом расходов на...

кремацию. Мама оставила особое распоряжение на этот счет. В банке у меня немногим больше двух тысяч, вот и все. Но долгов никаких нет, хотя и мне никто не должен.

Я приподнял бровь.

- А что делала ваша мама... Нет, это не имеет значения. Ясно, что зарабатывала она достаточно, раз послала вас в дорогой колледж. Или кто-то помог ей?

- Нет, она сама. Вы хотели спросить, как она зарабатывала на жизнь? Она помогала телевизионному продюсеру, причем, насколько я помню - это был всегда один и тот же человек. Она получала тысяч пятнадцать в год, может быть, немного больше. Она мне не рассказывала. - Живые карие глаза вновь вперились в меня. - Если я уплачу Ниро Вулфу две тысячи, он позволит вам заняться этим делом?

Я потряс головой.

- Он даже обсуждать это не станет. Он прекрасно понимает, что такая работа может растянуться на целый год, тогда как ему ничего не стоит содрать с какого-нибудь клиента пять тысяч за одну неделю. Должно быть, вы плохо его знаете. Он невероятно упрям, чудовищно честолюбив, вздорен и почему-то вбил себе в голову, что он - самый непревзойденный и лучший сыщик в мире. Я, впрочем, придерживаюсь того же мнения; в противном случае уже давно сменил бы шефа и место работы. Мне кажется, что вам нужно помочь - вы и сами того заслуживаете, к тому же мне нравятся ямочки у вас на щеках, но если я ни с того ни с сего попрошу Ниро Вулфа принять вас, он просто злобно воззрится на меня - и все. Решит, что у меня крыша поехала. Но у меня есть одна задумка, которая, возможно, придется вам по душе. Мисс Роуэн обожает делать добрые дела, денег у нее куры не клюют, так что вы можете...

- Не вздумайте рассказать ей про меня!

- Спокойно. Я вовсе не собираюсь про вас рассказывать. Ни ей, ни кому другому. Я просто подумал, что вы могли бы сами обратиться к ней и...

- Я ни к кому не стану обращаться!

- Хорошо, я тоже. Как у вас сразу глаза запылали. - Я внимательно посмотрел на нее. - Послушайте, мисс Деново, я умываю руки только потому, что другого выхода нет. Будь я вправде, я бы с удовольствием взялся за это дело - и не только потому, что оно сулит какие-то неожиданные повороты, но и потому, что мне просто приятно иметь дело с очаровательным клиентом. К тому же не исключено, что пришлось бы столкнуться даже с убийством...

- С убийством?

- Конечно. Правда, пока это совершенно бездоказательно, но очень часто в делах, связанных с наездом, при котором водитель скрывается, а его не находят, потом выясняется, что произошло преднамеренное убийство. Впрочем, я упомянул это лишь для того, чтобы подчеркнуть еще одну причину, по которой я охотно взялся бы сам за ваше дело. Однако у вас нет ни единого шанса заинтересовать мистера Вулфа своим делом, вот в чем беда. Очень сочувствую, но, увы, это так.

Эми потрясла головой, не спуская с меня глаз.

- Но, мистер Гудвин, что же мне тогда делать? - Похоже, мое предположение насчет убийства несколько ее не обескуражило. - Положение у меня совершенно безвыходное - мне даже не с кем поделиться.

Такие вот дела. Скажу сразу: двадцать минут спустя, когда я остановил такси и назвал водителю адрес Сола Пензера, на душе у меня скребли кошки.

Конечно, жить вместе и работать на самого выдающегося сыщика в мире это замечательно, но когда к тебе обращается хорошенькая девушка и говорит, что ты ее единственная надежда (пусть это просто слова, которые гроша ломаного не стоят), а ты вынужден ее отшить, ясно, что настроение после такого отнюдь не рыцарского поступка далеко не безоблачное. Сидя в такси, я

усиленно пытался заставить себя думать о перипетиях бейсбольного матча и о блистательных подвигах Харрелсона.

Когда таксист высадил меня на углу Парк-авеню и Тридцать восьмой улицы, было без шести восемь. О том, как изменилось после этой встречи благосостояние моих приятелей и мое собственное, я умолчу. Карты порой бывают поразительно капризны, сами знаете.

Глава 2

В пятницу у нас все было строго регламентировано. Без четверти десять я вышел из нашего старого особняка на Западной Тридцать пятой улице, прошагал до пересечения с Десятой авеню, завернул за угол, вывел из гаража наш "герон" (владеет им Вулф, а я только вожу) и покатил к Лонг-Айленду за Вулфом, который вот уже три дня гостил там у Льюиса Хьюитта, коллекционера, обладавшего десятками тысячами орхидей и двумя оранжереями длиной по сто футов. На обратном пути Вулф громоздился на заднем сиденье, судорожно вцепившись в изготовленный для него по специальному заказу поручень, а я бдительно следил, чтобы наш седан не ухнул в рытвину или не выскочил на ухаб. Правда, вовсе не из-за Вулфа (я свято убежден, что тряска ему только полезна), а из-за горшочков с орхидеями, которые мы везли в багажнике. А орхидеи того стоили - среди них были, например, два новых гибрида Лейлии шредери и Лейлии ашвортиана. Мало того, что стоили они кругленькую сумму - не меньше двух кусков, - но во всем мире только Хьюитт и Вулф могли похвастать, что располагают подобными униками. Притормозив перед крыльцом нашего особняка, я нажал на клаксон. Несколько секунд спустя, как было условлено, вышел Теодор Хорстман, спустился к машине и помог мне перетаскать горшочки к лифту, а потом отвезти их в оранжерею. Свой портфель Вулф донес сам. Тут уж я не просто убежден, а всегда на этом настаиваю: хоть как-то упражняться Вулф должен. Когда я наконец спустился в кабинет, Вулф уже восседал за столом в единственном кресле, способном вместить его тушу и выдержать ее вес, и просматривал почту. Почти одновременно со мной вошел Фриц и возвестил, что обед подан. Мы перебрались в столовую.

За столом, как было заведено, деловые вопросы не обсуждались, да у нас, собственно, и дел-то никаких не было, а упоминать Эми Деново с ее просьбой я не собирался. Обычно мы беседовали о чем угодно, по выбору Вулфа, но на сей раз разговор начал я. Накладывая себе мясо с серебряного блюда, я заметил, что, по мнению одного моего знакомого, шиш-кебаб куда вкуснее, если готовить его не из телянка, а из козленка. Вулф тут же заявил, что любое блюдо вкуснее, если готовить его из козленка, но достать в Нью-Йорке мясо только что забитого козленка практически невозможно. Потом он переключился с кулинарии на фонетику и сказал, что шиш-кебаб - это не правильно. Нужно говорить "сикхкебаб". И произнес раздельно по буквам. Именно так, оказывается, говорят в Индии, откуда родом это кушанье. На языке хинди или урду "сикх" означает "тонкий железный прут с петлей на конце", а "кебаб" - мясной шарик. Какие-то болваны на Западе изменили произношение на "шиш" вместо "сикх" - им пошло бы только на пользу отведать сикх-кебаб из старой жесткой ослатины вместо нежной козлятинки. Мы успели покончить с вкуснейшим десертом, приготовленным Фрицем из малины со сливками, сахаром, яичным желтком, шерри и экстрактом миндаля, а Вулф все еще разглагольствовал о бездельниках, которые коверкают иностранные слова. Наконец, мы вернулись в кабинет. Вулф занялся почтой, а я сел за свой стол и принялся заносить в картотеку новые приобретения, которые Вулфу удалось выманить у Льюиса Хьюитта.

В четыре часа Вулф протопал к лифту и поднялся в оранжерею на второе ежедневное двухчасовое священнодействие в обществе орхидей и Теодора, а я поднялся по лестнице в свою комнату и занялся личными делами - проверил, не продырявились ли носки, и поменял ленту на пишущей машинке. Почему-то времени такие дела отнимают больше, чем кажется. Вот почему,

услышав звонок в дверь, проведенный и в мою комнату, и кинув взгляд на часы, я с удивлением заметил, что уже без двадцати шесть. Дверь открыл Фриц, как у нас принято, когда я наверху, но пару минут спустя зазвонил мой телефон. Я снял трубку.

Фриц сказал, что молодая женщина по имени Эми Деново хочет поговорить со мной, и я попросил отвести ее в гостиную.

После того как, поднявшись по ступенькам на крыльцо, вы входите в наш дом и попадаете в прихожую, вторая дверь слева ведет в кабинет. Первая же дверь открывается в гостиную, которой мы пользуемся довольно редко - большей частью для того, чтобы заводить туда посетителей, присутствие которых в кабинете нежелательно. В отличие от кабинета и кухни, обставлена гостиная довольно непритязательно, поскольку Вулф заглядывает в нее редко и относится к этой комнате с явной прохладцей.

Когда я вошел в гостиную, Эми Деново сидела в кресле у окна.

- Вот и я, - сказала она, вставая.

- Вижу. - Я приблизился к ней. - Я, конечно, рад вас видеть и не хочу, чтобы вы сочли меня грубым, но мне казалось, что вчера я объяснил все достаточно ясно.

- О да, я все поняла. - Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась довольно вымученная. - Тем не менее я решила, что должна снова поговорить с вами и еще встретиться с Ниро Вулфом. Поэтому я... Я кое-что сделала.

Она держала под мышкой коричневую кожаную сумочку с крупной застежкой.

Раскрыв сумочку, девушка извлекла из нее бумажный сверток, перетянутый резиновой обхваткой. Она протянула сверток мне, а я, не желая показаться неучтивым, взял его.

- Здесь двадцать тысяч долларов, - сказала Эми. - В сто долларовых банкнотах. Вы бы сказали, - вот теперь улыбка получилась, - что здесь двадцать кусков. Пересчитайте, пожалуйста.

Поскольку язык у меня слегка отнялся, я не стал спешить с ответом, а снял резинку, развернул бумагу и посмотрел на содержимое свертка. Да, самые настоящие сотенные бумажки, некоторые новенькие и хрустящие, другие - поблекшие и залапанные. Те, что я повертел в руках, были, похоже, не фальшивыми. Двадцать тоненьких стопок, скрепленных металлическими скрепками - по десять купюр в стопке. Я снова завернул их в бумагу и перехватил резинкой.

- По пять кусков в неделю, - сказала Эми. - На четыре недели хватит.

Из прихожей послышался ляг спустившегося лифта. Вулф прибыл из оранжереи.

- Пять кусков это только гонорар, - заметил я. - Расходы сюда не входят. Впрочем, порой пяти кусков бывает достаточно. Если я верно понял, то вы хотите нанять Ниро Вулфа и предлагаете эти деньги как аванс?

- Да, совершенно верно. При том условии, что возглавите расследование вы.

- Возглавляет всегда он. На меня возложена только черновая работа.

- Хорошо, но эту работу проделаете вы.

- Конечно. Вулф только ворочает мозгами. Я все ему объясню, потом позову вас. Вы подождете?

Эми Деново нахмурила брови и помотала головой.

- Я не хочу говорить на эту тему ни с кем, кроме вас.

- Тогда ничего не выйдет. Вулф никогда не согласится иметь дело с клиентом, которого он и в глаза не видел. Такого никогда прежде не случалось, и он этого не допустит.

Эми плотно сжала губы, чуть помялась, потом сказала:

- Хорошо, я согласна. Будь по-вашему.

- Прекрасно. Вряд ли вы проникнетесь к нему с особой симпатией, но доверять можете в той же степени, как и мне. - Я похлопал по свертку. - Не желаете просветить меня на сей счет?

- Нет, мне больше нечего добавить. Главное, что деньги перед вами.

- Надеюсь, вы добыли их законным путем?

- Разумеется. - Она по-прежнему хмурилась. - Никаких банков я не грабила.

- Деньги остаются вашими, пока Вулф не согласится взяться за ваше дело.

- Я протянул ей сверток. - Возможно, мне хватит пяти минут, но не исключено, что потребуется и полчаса. Если надоест ждать, можете посмотреть журналы на столике.

Я шагнул было к двери, ведущей в кабинет, но передумал и пошел в обход, через прихожую.

Вулф сидел за столом, погрузившись в очередную книгу - "Невероятная победа" Уолтера Лорда. Должно быть, у Хьюитта особо наслаждаться чтением ему не привелось, так что теперь он наверстывал упущенное. Я протопал к своему столу, уселся лицом к Вулфу и принялся терпеливо дожидаться, пока он дочитает до конца абзаца. Наконец Вулф поднял глаза и прорычал:

- Что там?

- Не что, а кто, - поправил я. - В гостиной ждет девушка по имени Эми Деново. Кажется, я как-то упоминал, что мисс Роуэн собирает материалы для книги о своем отце и привлекла в помощь эту девушку, с которой я познакомился на прошлой неделе. Вчера днем, когда я уходил от мисс Роуэн, она - я имею в виду эту девушку - остановила меня внизу в вестибюле и мы заскочили в одно местечко отведать сэндвичей с яйцом и анчоусами. Я рекомендовал также сэндвичи Фрицу, но он не проявил особого рвения. Мисс Деново обратилась ко мне за помощью, поскольку я единственный человек в мире, кому она доверяет, но я отказался на том основании, что занят, постоянно работая на вас. Тогда она высказала желание нанять вас, но с условием, что всю работу буду выполнять я. Я сказал, что я всегда выполняю всю работу. Дальше, естественно, я задал вопрос насчет денег, и она ответила, что на ее счету в банке есть около двух тысяч, оставшихся от матери, и больше ни цента. Ни каких-либо других средств, ни возможностей.

Поскольку дело показалось мне довольно сложным и могло отнять несколько месяцев, я сказал, что ничего не выйдет и что я даже не стану докладывать об этом вам. Мне, конечно, было ее жаль, потому что...

- Фу, - хрюкнул Вулф. - Почему же теперь передумал?

- Позвольте мне закончить. Так вот, мне было ее жаль, поскольку дело показалось мне довольно любопытным и сложным, к тому же как раз по вашей части. А передумал я потому, что мисс Деново принесла с собой сверток, в котором упакованы двести сто долларовых бумажек - то есть двадцать тысяч долларов, - которые она хочет вручить вам в качестве задатка.

- Откуда у нее деньги?

- Не знаю. Говорит, что все законно.

Вулф вложил между страниц золоченую закладку - подарок одного клиента - и отложил книгу в сторону.

- О чем именно она тебя вчера попросила? Подробно.

Я этого ожидал. Вулф совершенно ненавидит работу; он способен на любые уловки, лишь бы оттянуть тот час, когда придется взяться за дело. Вот и сейчас он явно рассчитывал, что сумеет придаться к какому-нибудь пустяку и отказаться. Я доложил. Должен сказать, что я далеко не сразу научился запоминать и дословно излагать содержание любой беседы, но теперь делал это совершенно запросто, даже если в разговоре принимали участие три или четыре собеседника. Вулф, как всегда, сидел, откинувшись на спинку кресла с закрытыми глазами, и не перебивал. Он смолчал даже тогда, когда я дошел до слов: "невероятно упрям, чудовищно честолюбив и вздорен". Я не упустил ничего, за исключением некоторых ничего не значащих фраз, которыми

мы с Эми обменялись, пока поглощали сэндвичи. Когда я закончил, Вулф еще с минуту сидел с закрытыми глазами, потом открыл их и выпрямился.

- На тебя это не похоже, Арчи, - сказал он. - Ты почти ничего не выведал. Буквально не за что зацепиться.

- Естественно. Зачем зря терзать бедную маленькую беззащитную девушку.

Вулф оросил взгляд на настенные часы, потом вновь посмотрел на меня.

- Ты мог... Впрочем, это уже несущественно. Хорошо. Приведи ее.

Я встал и отворил дверь в гостиную. Эми Деново по-прежнему сидела в кресле у окна, а сверток покоился у нее на коленях. Я сказал, чтобы она заходила.

Вулф редко привстает, когда кто-то входит в кабинет, и уж никогда не встанет, если входит женщина. В присутствии женщины его физиономия всегда сохраняет одно и то же выражение - он собирает в кулак всю свою волю, чтобы не морщиться и не гримасничать. Поэтому я не рискнул сказать с уверенностью, заметил ли Вулф, что Эми Деново пришла вовсе не в мини-юбке, а край ее платья не доходил до колен на каких-то пару дюймов. Впрочем, Вулф считает, что длина юбки не должна влиять на его отношение к клиенту. Сиденье красного кожаного кресла, расположенного напротив стола Вулфа, было слишком глубоким для девушки, поэтому она примостилась на самом краешке, держа сверток на коленях, а сумочку положив на маленький столик слева.

Вулф впери в девушку изучающий взгляд и, вцепившись пальцами в подлокотники своего кресла, провозгласил:

- Итак, мистер Гудвин поразил вас с первого взгляда.

Глаза Эми, устремленные на Вулфа, несколько расширились.

- Да, это так.

- Что ж, мистеру Гудвину не впервой производить благоприятное впечатление на женщину. Он изложил мне содержание вашего вчерашнего разговора. Он также сказал, что сейчас вы располагаете двадцатью тысячами долларов, полученных, по вашим словам, вполне законным путем, и что вы предлагаете мне эти деньги в качестве задатка за определенную работу.

Правильно?

- Да, если эту работу будет выполнять мистер Гудвин.

- Мистер Гудвин выполнит свою часть работы под моим руководством, за исключением ситуаций, требующих применения безотлагательных мер. Деньги находятся в этом свертке? Вы позволите мне взглянуть на них?

Эми Деново встала и протянула сверток Вулфу, потом вернулась на место.

Вулф аккуратно снял резинку, развернул сверток, поочередно рассмотрел каждую стопку купюр и разложил их перед собой, все двадцать. Потом повернулся ко мне.

- Я не заметил ничего, что указывало бы на происхождение этих денег. А ты?

Я сказал, что тоже.

Он повернулся к Эми Деново.

- Вы получили деньги от мисс Роуэн?

- Нет!

- Но кто-то все-таки дал их вам, это очевидно. В свете того, что вы вчера сообщили мистеру Гудвину, я хочу знать, откуда у вас деньги. Итак, где и как вы их раздобыли?

Девушка плотно сжала губы. Потом разлепила их и сказала:

- Я не понимаю, почему должна объяснять вам это. В том, как я получила эти деньги, нет ничего предосудительного. Это мои деньги. Если я пойду в магазин и предъявлю любую из этих бумажек для оплаты покупки, никто не спросит, откуда у меня деньги.

Вулф потряс головой.

- Это неубедительно, мисс Деново. Вчера вы сказали мистеру Гудвину, что кроме двух тысяч в банке у вас больше ничего нет, и отвергли предложение мистера Гудвина обратиться за помощью к мисс Роуэн. - Он похлопал пухлыми пальцами по стопкам банкнот. - Здесь ровно в десять раз больше, чем две тысячи. Если деньги вам дали займы или подарили, я хочу знать - кто. Если вы что-то продали, я хочу знать - что именно и кому. Вы еще слишком молоды и не понимаете, что я вынужден принять самые простые меры предосторожности.

Взять столь значительную сумму в качества задатка для выполнения весьма сложной и запутанной миссии и не знать при этом происхождение денег - просто безрассудно, поэтому, если вы отказываетесь выполнить мою просьбу, то я не могу принять от вас деньги. Если же вы мне все расскажете, то я должен еще удостовериться в истинности ваших слов. Судить об этом предоставьте мне самому.

Девушка снова нахмурилась, не глядя при этом ни на Вулфа, ни на меня; она явно задумалась над тем, что делать. Впрочем, думала она недолго.

- Он прав, мистер Гудвин? - обратилась она ко мне. - Или он тоже умывает руки, как и вы?

- Нет, - ответил я. - Боюсь, что он прав. Это и в самом деле лишь обычные меры предосторожности. В конце концов, если деньги принадлежат вам по закону, как вы сказали мне, и если в том, как вы их получили, и впрямь нет ничего предосудительного, как вы сказали ему, то почему бы вам не выложить все начистоту. Вряд ли это большая тайна, чем та, которой вы уже с нами поделились.

Эми Деново посмотрела на Вулфа, потом перевела взгляд на меня.

- Вам бы я это сказала, - призналась она.

- Хорошо, скажите мне, а мы сделаем вид, что его здесь нет.

- Да, пожалуйста, я просто дурью маюсь, - вздохнула она. - Вам уже столько известно, что я, конечно, могу рассказать вам и все остальное. Это деньги - от моего отца. Не только эти, а гораздо больше.

Мои брови взлетели вверх.

- Значит, вчера вы мне наврали. Вчера вы сказали, что отца у вас не было и что вы его никогда не видели и даже не знаете, кто он такой. А две тысячи...

- Я знаю. Все это правда, отца у меня и вправду никогда не было. А случилось вот что. Когда мама умерла, я, естественно, поехала в Нью-Йорк, но мне нужно было вернуться назад, чтобы пройти выпускные экзамены, да и потом мама оставила мистеру Торну завещательное распоряжение насчет кремации - она настаивала именно на кремации - и мистер Торн взял все хлопоты на себя.

Потом, когда после экзаменов я снова прилетела в Нью-Йорк, он пришел...

- Мистер Торн?

- Да. Он пришел...

- А кто он такой?

- Телевизионный продюсер, с которым она работала. Он пришел ко мне и принес всякие бумаги, счета, письма и другие вещи, которые хранились у мамы в столе на работе. И еще коробку, запертую металлическую коробку, к которой была приклеена этикетка с надписью "Собственность Эми Деново". И ключ с биркой, помеченной "Ключ к коробке Эми Деново". Он хранился...

- Вашу маму звали Эми?

- Нет, ее звали Элино́р. Ключ хранился в запертом ящике стола мамы на работе. Коробка была в сейфе. Очень давно - лет пятнадцать, так сказал мистер Торн. Коробка примерно такая. - Эми Деново развела руки в стороны дюймов на шестнадцать. - Я не стала открывать ее при мистере Торне и очень рада, что сделала именно так. Там лежали деньги, стодолларовые бумажки - коробка была заполнена почти наполовину - и запечатанный конверт, адресованный мне. Я вскрыла конверт и нашла в нем письмо от мамы, небольшое - всего одна страничка. Вы хотите знать его содержание?

- Конечно. Письмо у вас с собой?

- Нет, оно дома, но я помню его наизусть. Оно написано на мамином бланке. Дата не проставлена. Вот, что в нем написано:

"Милая Эми!

Эти деньги от твоего отца. В последний раз я общалась с ним за четыре месяца до твоего рождения, но через две недели после твоего появления на свет я получила по почте банковский чек на тысячу долларов и с тех пор получала такой чек ежемесячно, так что общая сумма составляет сейчас ровно сто тысяч долларов. Не знаю, какова она будет, когда ты прочтешь это письмо.

Я не просила у него эти деньги, и они не нужны мне. Ты моя дочь, и я сама способна прокормить и одеть тебя, а также предоставить тебе крышу над головой. И еще, конечно, дать тебе приличное образование. Но эти деньги прислал твой отец, так что они принадлежат тебе по праву. Я могла бы положить их в банк, чтобы получать проценты, но тогда придется платить налоги и так далее, так что я решила поступить по-своему.

Твоя мама".

И она подписалась "Элино́р Деново", хотя, повторяю, я не думаю, что это ее настоящая фамилия. Деньги, должно быть, поступали до самой ее кончины, потому что всего в коробке было двести шестьдесят четыре тысячи долларов.

Конечно, я не могу поместить их в банк, потому что мне пришлось бы объяснять, откуда я их получила. Ведь это так, да? А я не хочу.

Я посмотрел на Вулфа. Он смотрел не на меня и не на Эми Деново, а на стопки банкнот на столе. Кто-нибудь другой на его месте думал бы, что жизнь порой выкидывает удивительные фортели, а он же почти наверняка высчитывал, сколько недоплатил отец, который так дешево отделался.

Я сказал, обращаясь к Вулфу:

- Итак, это не заем и не подарок, и она ничего не продала, так что мы вправе исходить из того, что деньги принадлежат ей по закону. Конечно, налоговые инспектора были бы рады наложить свою лапу на часть этой суммы, но это уже не наша забота. Что мне еще узнать у нее?

Вулф хмыкнул и повернулся к девушке.

- Деньги все еще лежат в коробке?

- Да, кроме этих, - она указала на стол. - А коробка у меня дома - на Восемьдесят второй улице. И письмо тоже. Но я не хочу... Мистер Гудвин говорил про налоговых инспекторов.

- Мы не правительственные агенты, мисс Деново, и не должны раскрывать сведения, которые получили конфиденциально, - Вулф повернул голову и посмотрел на настенные часы. - До ужина осталось десять минут. Может мистер Гудвин прийти к вам завтра в десять утра?

- Да, по субботам я не хожу к мисс Роуэн.

- Тогда ждите его в десять. Он должен посмотреть на коробку с ее содержимым, на письмо, а также выслушает все, что вы сочтете нужным ему рассказать. То, что вы рассказали мистеру Гудвину вчера, можно рассматривать только как пролог.

Он повернулся ко мне.

- Арчи, выдай ей расписку на получение этих денег. Но не в качестве задатка - это подождет, пока ты не увидишь коробку с письмом и не убедишься в подлинности почерка. Только расписку в получении данной суммы, принадлежащей мисс Деново и оставленной у меня на хранение.

Я развернул свой стул, вытащил пишущую машинку и потянулся к ящику за писчей бумагой и копиркой.

Глава 3

Понятное дело - мне было любопытно взглянуть на квартиру Элинора Деново.

Похоже, нам могла понадобиться любая мелочь, способная пролить хоть какой-то свет на ее жизнь, а в женской квартире таких мелочей сотни, хотя разглядеть их бывает ох как непросто. Поэтому, прежде чем уединиться с девушкой в гостиной, чтобы взять интервью, я попросил Эми провести меня по квартире.

Небольшая прихожая, довольно просторная гостиная, две спальни, ванная и крохотная кухонька. Если в прихожей, кухне или ванной и таились какие-то важные для расследования мелочи, то я их не углядел; в ванной, например, я не заметил ничего, что бы указывало на то, что ею когда-либо пользовался мужчина. Правда, Элинора уже почти три месяца не было в живых.

Спальню Эми я не слишком разглядывал - в данном случае любые интересующие меня подробности я мог выяснить и у самой Эми. Она сказала, что в маминой спальне ничего менять не стала. Возможно, кому-то другому, особенно Лили Роуэн обстановка в спальне Элинора Деново что-то и подсказала бы, я же вынес лишь то, что покойная пользовалась тремя видами духов (все три очень дорогие) и не слишком беспокоилась по поводу того, что на ковре возле двери в ванную темнело здоровенное пятно. На стенах было развешено пять картин, вернее цветных репродукций с картин Джорджии О'Киффе, как сообщила Эми. Я взял себе на заметку, что надо будет выяснить, кто такая эта О'Киффе. На диване было всего две подушки. Четыре стула все отличались друг от друга, и ни один из них не подходил по цвету к дивану. Зато книг было много, целых семь полок, причем настолько разных, как художественных, так и нет, что, просмотрев двадцать - тридцать корешков, я бросил это занятие.

Что меня на самом деле заинтересовало, так это полное отсутствие фотографий. За исключением фото самой Эми в ее спальне, во всей квартире не были больше ни единого снимка. Трудно поверить, что Эми сказала, что у нее нет ни одной маминой фотографии, даже маленькой, что меня здорово обескуражило, поскольку нам безусловно следовало бы знать, как выглядела при жизни Элинора Деново. Не представляю даже, существует ли еще хоть одна женщина среднего возраста, способная вот так вот просто умереть, не оставив после себя ни одной своей фотографии.

Бумаг, писем, оплаченных счетов и всякой прочей всячины было предостаточно, а вот дневника или чего-нибудь еще полезного найти не удалось. Конечно, если придется совсем туго, я попробую покопаться здесь еще разок или даже привлеку на помощь Сола Пензера, решил я. Впрочем, кое-чего я все-таки добился: сравнил письмо из коробки с несколькими бумагами, написанными рукой Элинора - почерк совпал.

Когда я наконец устроился на диване с записной книжкой, сев посередине между Эми и металлической коробкой, время уже близилось к полудню. Эми выглядела года на два моложе

обычного; волосы она не укладывала, так что при каждом ее движении они свободно колыхались. Я вытащил из наружного кармана пиджака сложенный листок бумаги.

- Вот расписка за подписью Ниро Вулфа, которую он велел вручить вам в том случае, если ваш рассказ о коробке с деньгами подтвердится, а он подтвердился. Так что отныне вы - наш полноправный клиент.

Я вручил Эми расписку.

- Теперь выслушайте предложение. Вчера за ужином мы обсуждали ваше дело. Вам чертовски повезло - полка платяного шкафа не лучшее место для четверти миллиона зеленых. Не думайте, что нас интересует только - хватит ли вам средств на тот случай, если работа затянется, нет - мы печемся еще и об интересах клиента, то есть вас. Поэтому мы делаем вам следующее предложение.

Сегодня и завтра банки закрыты. Когда я уйду, то прихватю коробку с собой и помешу в сейф, что стоит в кабинете у Ниро Вулфа. В понедельник утром я отвезу коробку в ваш банк, где мы с вами и встретимся. Какой это банк?

- "Континентал". Филиал, что на Шестьдесят восьмой улице.

- Прекрасно. А наш банк - на Тридцать четвертой. Я заготовлю двенадцать банковских чеков на сумму в двадцать тысяч долларов каждый, выписанных на ваше имя, а также захвачу с собой письма в двенадцать банков с просьбой от вашего имени открыть счет до востребования. Подписанные вами чеки мы приложим к письмам. Вы будете получать проценты, которые составят по тысяче долларов с каждого счета - забавное совпадение, не правда ли? Оставшиеся четыре тысячи вы положите на свой собственный счет в "Континентал".

Эми нахмурилась.

- Но... Как я объясню...

- Вам не придется ничего объяснять. Если когда-либо ищейки из Налогового управления проявят излишнее рвение и станут домогаться, откуда у вас деньги, то вы всегда легко докажете, что получили деньги в подарок от отца. Мистер Вулф уверен, что ничего у них не выйдет, Я тоже так считаю.

Если вы упрячете деньги в сейф и станете расходовать по двенадцать тысяч в месяц, то продержитесь двадцать лет. Если же последуете нашему совету, то каждый год будете получать по двенадцать тысяч, а общая сумма не изменится.

Не говоря уж о том, что в любой миг вы сможете забрать деньги, чтобы купить себе рысистого скакуна или что-нибудь еще в этом роде.

Эми Деново улыбнулась.

- Я бы хотела немного обдумать ваше предложение. Это вовсе не значит, что я вам не верю - напротив, я безгранично доверяю вам, а о своем решении сообщу до вашего ухода.

- Хорошо. Теперь вопрос: приходили ли по почте какие-нибудь чеки вашей матери после ее смерти? Либо домой, либо в контору?

- Сюда не приходили, а если бы их получали в конторе, то, думаю, мистер Тори сказал бы мне об этом.

- О'кей. Должен вам сказать, что кое-какие сдвиги уже произошли, - я больше не думаю, что ваше дело может занять целый год. Возможно, мы уложимся за неделю, а то и быстрее. Ваша мать в письме допустила одну ошибку. Если она и впрямь не хотела, чтобы вы узнали, кто вам отец, а судя по всему она пыталась избежать этого, то ей не следовало упоминать, что деньги приходили по почте в виде чеков. От чеков цепочка тянется к тому, кто их отправлял, да и деньги она, судя по всему, получала в банке, поскольку они все - в сотенных купюрах. Десять сотен ежемесячно.

Скорее всего, она получала их в собственном банке. В понедельник вы это выясним. - Я открыл записную книжку.

- Теперь я хочу задать вам несколько вопросов, в том числе - очень личных.

Это заняло у меня целый час, так что я едва успел домой к обеду. Когда я вошел в дом, Вулф торчал в проеме двери, ведущей в столовую. Стоя там, он безмолвно давал мне понять, что мне следовало позвонить и предупредить о своем возможном опоздании. Впрочем, поскольку опоздал я всего на три минуты, то не стал перед ним оправдываться, а просто спросил, не желает ли он взглянуть на содержимое коробки перед обедом. Вулф отказался, так что я отнес коробку в кабинет, поставил на стол, а потом присоединился к шефу в столовой. Сев на свое место, я заявил Вулфу, что не хочу портить ему аппетит, но мисс Деново вняла нашему совету и в понедельник утром встретится со мной в банке, так что, если понадобится, с нее можно будет содрать не только задаток.

Как правило, после обеда (но не после ужина) мы пьем кофе в столовой, хотя порой, когда у меня имеются срочные донесения, Вулф велит Фрицу подать кофе в кабинет, а, спросив Вулфа, не желает ли он ознакомиться с содержимым коробки, я уже тем самым намекнул на то, что срочное донесение у меня имеется. Так что выхода у него не было. Поэтому, покончив с ломтями арбуза, залитыми подслащенным шерри, мы перешли в кабинет, а Фриц принес кофе. Я открыл коробку, но Вулф едва удостоил ее взглядом и уселся. Я прошел к своему столу, сел на вращающийся стул, развернулся и вынул из кармана записную книжку.

- Я провел у нее почти три часа, - заявил я. - Рассказать подробно?

- Нет. - Вулф налил себе кофе. - Только то, что представляет интерес.

- Тогда минут через десять вы уже сможете вновь уткнуться в свою книгу.

Для простоты я буду называть мать и дочь Элино́р и Эми. Больше всего меня поразило то, что у Элино́р не обнаружилось ни единой фотографии. Нигде, даже на дне выдвижного ящика. Ни одной! Это исключительно важно, так что, пожалуйста, объясните мне, что это означает.

Вулф издал утробный звук сродни ворчанию льва, которого отрывают от добычи.

- Значит, ты так ничего и не нашел? - спросил он, отхлебывая кофе.

- Практически ничего. Беда еще и в том, что Эми ровным счетом ничего не знает. Вряд ли найдется другая девушка, которая в течение двадцати двух лет росла с матерью, но знает про нее настолько мало. Одно, правда, ей известно наверняка - во всяком случае, она так полагает: мать ненавидела ее, хотя и пыталась это скрыть. Она говорит, что имя Эми означает "любимая" и что Элино́р, должно быть, сама не сознавала, какой насмешкой обернется наречение дочери.

Я подошел к столу Вулфа, налил себе из кофейника полную чашку, вернулся на свое место и отпил пару глотков.

- Были ли у Элино́р друзья - мужчины или женщины? Эми и этого не знает.

Да, конечно, последние четыре года она проучилась в колледже и почти не бывала дома. Характер Элино́р? Осторожная, правильная и сдержанная - больше Эми ничего добавить не в состоянии. Она использовала также словечко "интроверт" - по-моему, чересчур старомодное для выпускницы Смита.

Я перелистал несколько страничек.

- Элино́р хоть раз за двадцать лет должна была обмолвиться насчет своего детства или семьи, но Эми утверждает обратное. Она даже не подозревает, чем могла мать зарабатывать на жизнь до того, как устроилась к Реймонду Торну, с которым проработала до самой смерти. Она не знает даже, чем именно занималась мать у Торна; только отдает себе отчета том, что должность у Элино́р была достаточно солидная.

Я перевернул страничку и отпил кофе.

- Вы не поверите, но Эми даже не знает, где появилась на свет.

Предполагает" что это могло случиться в больнице "Маунт Сайней", в которой Элинол лет десять назад лежала по случаю аппендицита, но это только догадка.

В этом Эми уверена - родилась она двенадцатого апреля 1945 года. Лет пять назад ей пришло в голову повидаться с врачом, который подписал ее свидетельство о рождении, но врач, оказывается, уже умер. Так что зачата она была примерно в середине июля 1944 года, но Эми не знает, где жила мать в то время. Она помнит только, что когда ей было три года, они жили с матерью в двухэтажном доме на Западной Девяносто второй улице. Когда ей исполнилось семь, они переехали в более приличное место на Западной Семьдесят восьмой улице, а шесть лет спустя перемахнули через Центральный парк в Ист-Сайд, где я и побывал сегодня утром.

Я опустошил чашку и решил, что с меня достаточно.

- Подробности обследования квартиры я, с вашего позволения, опускаю.

Если вы не против, конечно. Как я уже говорил, меня поразило полное отсутствие фотографий. И ни малейших сведений в письмах и прочих бумагах - ни намек! Если скормить все бумаги в компьютер, он выдаст какую-нибудь реплику, вроде: "Ну и что из этого?" или "Расскажи это своей бабушке".

Конечно, куда с большим удовольствием я нашел бы, скажем, газетную вырезку про какого-нибудь мужчину, но увы. Кстати, я сказал, что у Эми нет ни одной фотографии своей матери? Придется нам самим откапывать где-нибудь. - Я закрыл книжечку и бросил ее на стол. - Вопросы есть?

- Грр-р.

- Согласен. Да, вчера вы спросили, не кажется ли мне, что Эми больше интересуют деньги, нежели гены. Не думает ли она, что у папочки, который так вот запросто расшвыривает банковские чеки, мошна так набита, что в нее можно запустить лапу? Вчера я не ответил, сегодня мне тоже нечего добавить. За три часа, проведенных в обществе Эми, я не узнал о ней ничего нового. Да и потом - так ли это для нас важно сейчас?

- Нет. - Вулф оставил чашку сторону. - Надеюсь, в понедельник мы будем знать больше. Ты уезжаешь?

Я кивнул и встал.

- Коробку положить в сейф?

Вулф сказал, что сделает это сам. Я отдал ему ключ от коробки, сунул книжечку в выдвижной ящик стола, развернул стул, придвинул его к столу, как всегда, вышел и поднялся к себе в комнату, чтобы переодеться и собрать вещи.

Потом перезвонил Лили и сказал, что к ужину приеду.

Без четверти три я вышел из дома, прошагал к гаражу, вывел "герон" и поехал по Десятой авеню. На пересечении с Тридцать шестой улицей свернул направо. Прямой путь к дому Лили лежал через Сорок пятую улицу, но я не люблю, когда посторонние мысли занимают мой мозг, в то время как я нежусь на краю принадлежащего Лили бассейна под щебетанье птичек, аромат цветов и так далее. Стоянка для машин на Восточной Сорок третьей улице была в субботний день почти пуста.

Войдя в здание "Газетт", я поднялся на лифте на двадцатый этаж. Когда я вошел в комнату Лона Коэна, он разговаривал по одному из трех телефонных аппаратов, установленных на столе, так что я присел на стул возле дальнего угла стола и стал дожидаться окончания разговора.

Положив трубку, Лон развернулся ко мне, радостно оскалив пасть, и поинтересовался:

- Как это тебе удалось сюда добраться? Я думал, после того, как мы тебя обчистили в четверг, денег на такси у тебя уже не осталось.

Я отшил нахала со свойственным мне остроумием, после чего, решив, что мы уже квиты, сказал, что, конечно, не стал бы беспокоить столь важную птицу по пустякам, но хотел бы знать подробности майского дела о наезде, когда погибла женщина по имени Элинор Деново. И не может ли он, Лон Коэн, позвонить в архив и замолвить за меня словечко. Лон позвонил в архив и сделал то, чего я от него и ждал - попросил, чтобы ему принесли нужную папку. Когда шесть минут спустя появился посыльный, Лон говорил по другому телефону, а я, на всякий случай, отодвинул стул на фут подальше от его стола. Посыльный вышел, оставив папку на столе, и я тут же нагнулся и сграбастал ее.

В папке было всего четыре вырезки и три отпечатанных заметки. Для первой полосы материал сочли недостаточно броским, так что поместили его на третьей полосе "Газетт" в субботнем выпуске от двадцать седьмого мая.

Первое, что бросилось мне в глаза, было отсутствие фотографии Элинор Деново - стало быть, даже "Газетт" не смогла разыскать ее. Я внимательнейшим образом просмотрел все материалы. Миссис Элинор Деново (ага, все-таки в быту ее называли миссис!) в пятницу после полуночи оставила машину в своем гараже на Второй авеню недалеко от пересечения с Восемьдесят третьей улицей и сказала служителю, что машина понадобится ей на следующий день часов в двенадцать. Три минуты спустя, когда она переходила Восемьдесят третью улицу в середине квартала, направляясь, должно быть, к своему дому, расположенному на Восемьдесят второй улице, ее сбила машина. Случившееся видели всего четверо: мужчина, шедший по тротуару в восточном направлении футах в ста от места происшествия, парочка, которая шагала по тротуару к западу, в том же направлении, что и машина, и примерно на таком же удалении, и, наконец, водитель такси, который как раз сворачивал на Восемьдесят третью улицу со Второй авеню. Все свидетели утверждали, что, сбив женщину, машина даже не замедлила ход, но во всем остальном их показания расходились. Таксисту показалось, что за рулем сидела женщина, кроме которой в машине никого не было. Одинокий мужчина утверждал, что за рулем был мужчина, а влюбленным показалось, что спереди сидели двое мужчин. Таксист считал (он не утверждал, что уверен), что наезд совершила машина марки "дождь-коронет", мужчина показал, что это был "форд-импала", а влюбленные описать машину не смогли.

Цвет машины, по разным версиям, был темно-зеленый, темно-синий или черный.

Вот и все, что удалось выжать из свидетелей. На самом деле совершившая наезд машина оказалась темно-серым "шевроле" и числилась в розыске. Владелица "шевроле", миссис Дэвид А. Эрнст, проживающая в Скарсдейле, заявила о пропаже в десять вечера, когда обнаружила исчезновение машины со стоянки на Западной Одиннадцатой улице. В субботу днем полицейский нашел угнанный "шевроле" на стоянке в районе Восточной Сто двадцать третьей улицы, а к понедельнику криминалисты пришли к выводу, что именно эта машина сбила Элинор Деново.

Последняя заметка была опубликована в "Газетт" в четверг первого июня.

Полиция так ничего и не добилась. Ни версий, ни улик, ни подозреваемых. По словам инспектора полиции, расследование проводилось самым тщательным образом, что почти наверняка было правдой, поскольку в полиции не скрывают особого отношения к наездам, после которых водитель удирает с места происшествия, и оставляют расследование лишь тогда, когда дело становится уже совершенно безнадежным.

Ничего нового для себя узнать мне про Элинор Деново не удалось, за исключением того, что она занимала пост вице-президента в фирме "Реймонд Торн продакшнз, Инкорпорейтед". Мисс Эми Деново расспрашивали, но ничего существенного не добились. По словам Реймонда Торна, миссис Деново внесла неоценимый вклад в искусство телепостановок и ее смерть стала страшным ударом не только по компании, но и для всей телевизионной индустрии, а следовательно и для всей страны. Мне показалось, что мистеру Торну не мешало бы на досуге разобраться, что же такое все-таки телевидение - искусство или индустрия.

Я положил папку на стол, дождался, пока Лон закончит разговаривать, и сказал:

- Премного благодарен. У меня один вопрос. Последняя вырезка датирована первым июня. Не знаешь ли ты, удалось ли выяснить что-нибудь об этом деле с тех пор?

Лон потянулся к аппарату, на сей раз к зеленому, нажал на кнопку, сказал несколько слов и стал ждать. Тем временем зазвонил соседний аппарат, который Лон просто отключил, нажав на другую кнопку. Пару минут спустя он произнес в трубку зеленого: "Да, конечно", - после чего еще две минуты внимательно слушал, не перебивая. Наконец он положил трубку и повернулся ко мне.

- Судя по всему, дело закрыто окончательно. Только один сотрудник полиции еще продолжает следить за ним. Но теперь, стало быть, этим занялся Ниро Вулф - значит, это все-таки убийство, а не случайный наезд. Я не прошу, чтобы ты назвал мне имя убийцы, но надеюсь, что материалчик для первой полосы ты мне подкинешь.

Я встал.

- Господи, до чего же любопытный народ эти журналисты, - произнес я. - Я бы с радостью задержался и поболтал с тобой на эту тему, но я спешу поплавать в загородном бассейне, который расположен среди живописной поляны в вестчестерском лесу, и я уже на двадцать часов опаздываю. Что касается наезда, то будь по-твоему: да, это и в самом деле убийство, а за рулем "шевроле" сидел тот самый негодяй, который вечером в четверг побил мою тузовую тройку двоечным каре. Надеюсь, его схватят и повесят.

Я повернулся и был таков.

Внизу в вестибюле я зашел в телефонную будку, набрал номер, который знал наизусть, назвался, спросил, на месте ли сержант Стеббинс, и вскоре в трубке прогремел знакомый голос.

- Стеббинс слушает. Что-нибудь случилось, Арчи?

Должно быть, он только что выиграл пари или получил повышение по службе. Он называл меня Арчи в лучшем случае раз в два года. Порой он не удостоивал меня даже чести именоваться Гудвином, а обращался просто:

"Послушай, ты!"

Я решил отплатить ему той же монетой.

- Ничего особенного, Пэрли, праздное любопытство. Однако, чтобы ответить на мой вопрос, тебе придется покопаться в картотеке. Ты скорее всего уже не помнишь, но почти три месяца назад на Восточной Восемьдесят третьей улице под колесами машины, водитель которой скрылся, погибла женщина по имени Элинор Деново...

- Я прекрасно это помню. Мы таких дел не забываем.

- Я знаю, просто решил поддеть тебя по привычке, чтобы не утратить формы. Кое-кто спросил меня, не напали ли вы на след. Вот я и хочу это выяснить. Есть сдвиги?

- А кто тебя спросил?

- Да просто мы с Ниро Вулфом точили лясы насчет разгула преступности и бездельников-полицейских, а он вдруг припомнил эту Элинор Деново. Сам знаешь, газеты он прочитывает от корки до корки. Я сказал, что вы, должно быть, уже поймали преступника, и вот теперь меня обуюло любопытство. Я, конечно, не прошу разглашать мне служебные тайны...

- Здесь нет никакой тайны. Мы так никого и не нашли. Но и не забываем.

- Отлично. Надеюсь, вы его поймаете.

Топая к своей машине, которую оставил на Сорок третьей улице, я подумал, что, к сожалению, так и не сумел разгрузить мозг и избавиться от посторонних мыслей.

Глава 4

Вы, должно быть, думаете, что в понедельник без десяти десять утра, сидя в такси и поставив коробку рядом с собой на сиденье, я ломал голову над тем, что мне предстояло делать дальше. Ничего подобного. Все мои мысли сосредоточились на эпизоде, случившемся часом раньше. Дело в том, что я не люблю, когда на меня орут, особенно если в роли орущего выступает Ниро Вулф.

Кроме того, я проспал всего шесть часов - на два часа меньше своей нормы, которую я обычно выполняю. Вернувшись после уик-энда домой за полночь, я решил, что уже поздно печатать двенадцать писем, поэтому завел будильник на семь утра. Когда он зазвонил, я приоткрыл один глаз, надеясь, что будильник провалится сквозь землю, но ничего не вышло. Шесть или семь минут спустя я уже выполз из постели, а в семь сорок пять сидел на кухне, за маленьким столиком, потягивая апельсиновый сок. Фриц подал мне запеченный окорок с оладьями из кукурузной муки, и в десять минут девятого я уже сидел в кабинете и печатал на машинке. В четверть десятого я закончил последнее письмо и уже начал распахивать письма по конвертам, когда в дверь позвонили.

Я подошел к двери и посмотрел сквозь одностороннее стекло. На крыльце стоял весьма внушительных размеров здоровяк со здоровенной круглой мордой, увенчанной здоровенной широкополой фетровой шляпой. Одной лишь этой шляпы было бы вполне достаточно. Инспектор Кремер из уголовной полиции, должно быть, единственный человек в Нью-Йорке, способный натянуть такую шляпу в знойный августовский день.

Черт с ним, подумал я, пусть себе звонит, пока не устанет. С другой стороны, сообразил я, пришел-то он, похоже, ко мне, поскольку прекрасно знает, что до одиннадцати Вулф не принимает. Пришлось отпереть. Впустив Кремера, я вежливо поздоровался и добавил.

- Доброе утро и наилучшие пожелания, но я страшно занят и спешу.

- Я тоже, - буркнул он. - Решил вот заскочить по дороге на службу. Чего это тебе вздумалось звонить Стеббинсу насчет того дела о наезде?

- Господи, я ведь ему все объяснил.

- Знаю. И тебя я вместе с Вулфом тоже знаю как облупленных. Так я и поверил, что вы просто лысы точили. Ну-ка, выкладывай, что вы задумали.

- Лично я - ничего. Как, впрочем, и мистер Вулф. - Я кинул взгляд на наручные часы. - Я бы с радостью предложил вам зайти в кабинет и почесать языки - вы знаете, как я люблю это занятие, - но у меня важная встреча. Ни мне, ни мистеру Вулфу не известно про этот случай ничего, кроме того, что было в газетах. Никто не обращался к нам по этому поводу. Единственный клиент, который у нас есть, это девушка, которая не может найти своего отца а обратилась за помощью к нам. - Я снова выразительно посмотрел на часы. - Черт побери, жутко опаздываю!

И принялся открывать дверь. Кремер хотел было что-то сказать, потом передумал, повернулся и спустился к ожидавшей его полицейской машине. К тому времени, как он залез в нее, я уже вернулся в кабинет.

Время поджимало, но Кремер мог позвонить Вулфу во время моего отсутствия, а Вулф не знал, что я звонил Пэрли Стеббинсу. Беспокоить его в оранжерее дозволялось лишь в случае стихийного бедствия, но выхода у меня не было, поэтому я снял трубку внутреннего телефона, нажал на кнопку, и вскоре в мое ухо ворвался родимый рык:

- Да?

- Это я, и я страшно спешу. Только что заходил Кремер - заскочил по дороге на службу. Я не успел поставить вас в известность, что в субботу днем звонил Стеббинсу и...

- Я занят! - проорал Вулф и бросил трубку.

Должно быть, изловил клеща на любимом цветке или обнаружил гниль на ложной луковице, подумал я, но легче мне не стало, поскольку, как я вам уже говорил, я терпеть не могу, когда на меня орут. Поделом ему - нагрянет Кремер, и уж тогда грубиян не отвертится, мстительно подумал я.

Распихав письма по карманам (я никогда не ношу с собой портфель), я вспомнил, что должен еще позвонить Мратимеру М. Хочкиссу, вице-президенту филиала "Континентал Бэнк энд Траст компани", расположенного на Тридцать четвертой улице. Это не заняло у меня много времени; Хочкисс был всегда рад услужить столь высокочтимому клиенту - Вулфу, конечно, а не мне, - вклад которого всегда исчислялся пятизначными числами, а порой даже и шестизначными. Покончив с этим делом, я вынул из сейфа коробку и вышел из дома.

Едва переступив порог банка, я убедился, что Хочкисс слов на ветер не бросает - привставший мне навстречу клерк вежливо осведомился, я ли мистер Гудвин, потом провел меня за перегородку и сопроводил по коридору до одной из непримечательных дверей. Он распахнул дверь передо мной и я увидел Эми Деново, которая сидела на стуле перед большим столом, покрытым стеклом. За столом восседал немолодой уже банкир с сияющей лысиной и в очках без оправы.

Он поднял на меня глаза, близоруко прищурился, встал, протянул руку и проквашал, что страшно рад меня видеть. Еще бы он был не рад - все-таки меня ждал сам вице-президент Хочкисс. Я поинтересовался, имею ли удовольствие видеть мистера Этвуда, и, получив утвердительный ответ, поставил на стол коробку, выудил из кармана ключ, отомкнул ее и откинул крышку. После чего подсел к столу. Этвуд уже тоже начал присаживаться, но тут же выпрямился и заглянул в коробку. Да, ее содержимое стоило такого пристального внимания - даже со стороны банкира.

- Это собственность мисс Деново, - пояснил я. - Надеюсь, мистер Хочкисс поставил вас в известность, что я работаю на Ниро Вулфа. Мисс Деново прибегла к услугам Ниро Вулфа, так что я представляю здесь ее интересы.

Всего в этой коробке двести сорок четыре тысячи долларов в стодолларовых купюрах. Мисс Деново хотела бы получить двенадцать именных банковских чеков на двадцать тысяч каждый, а оставшиеся четыре тысячи зачислить на свой счет.

- Да, конечно, - неуверенно пробормотал Этвуд. Он посмотрел на Эми Деново, потом перевел взгляд на меня, - Это... Дело в том... Если хотите...

На это потребуется время, вы понимаете... Пересчитать деньги, выписать чек...

Я великодушно кивнул.

- Да, я понимаю. Кстати, если вы не слишком заняты, мы бы хотели еще обсудить с вами кое-что.

- Конечно... С радостью, мистер Гудвин.

Его рука скользнула было к телефону, но потом он, видимо, передумал.

Закрыв коробку, взял ее под мышку, сказал, что скоро вернется, и вышел.

- Что он собирается сделать? - спросила Эми, едва только за Этвудом закрылась дверь.

- Выполнить свой долг, - ответил я, - Девиз их банка: "МЫ ТОТ БАНК, НА КОТОРЫЙ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛОЖИТЬСЯ!" Вы уже трижды клали ногу на ногу и меняли ноги. Расслабьтесь.

"Скоро" в разных случаях может означать нечто совершенно несопоставимое. Я прикинул, что Этвуд вернется минут через пять, на самом же деле прошло целых двенадцать минут, когда наконец дверь открылась. Этвуд вошел, прошагал к столу и уселся. Он посмотрел на меня, потом

на Эми и снова перевел взгляд на меня, словно пытаюсь определить, кто именно из нас наиболее достоин чести положиться на его банк.

- Вам придется немного подождать, - произнес он. - А что вы хотели обсудить?

Я кивнул.

- Я прекрасно понимаю, что банк обязан соблюдать осторожность при разглашении каких бы то ни было сведений, но в данном случае я представляю интересы мисс Деново. Ее мать держала в вашем банке счет в течение девяти лет. Естественно, что, увидев содержимое коробки, вы забеспокоились по поводу происхождения этих денег. Мы считаем, что они поступили из вашего банка.

Он вылутился на меня с отвисшей челюстью. Банкир никогда не должен терять самообладания, Этвуд же явно растерялся. Он судорожно глотнул, закрыл рот, потом снова открыл и проблеял:

- Объясните, пожалуйста, свои слова, мистер Гудвин.

- Охотно. Каждый месяц в течение двадцати двух лет миссис Элино́р Деново предъявляла к оплате чек на тысячу долларов. Выплату по ее просьбе всегда производили в столларовых банкнотах. Все они сейчас в этой коробке. Миссис Деново не потратила ни единого цента из этих денег. Судя по выражению вашего лица, вы опасаетесь, не связано ли это с какой-нибудь зловещей историей, с шантажом, например. Так вот, заверяю вас, все здесь абсолютно чисто. Наше же дело заключается вот в чем: мы предположили, что в течение последних девяти лет миссис Деново получала по этим чекам деньги здесь, в вашем банке, и мисс Деново, ее дочь, хочет знать, какой именно банк выписывал чеки. Кроме того, она хотела бы знать, как именно выписаны чеки - на имя Элино́р Деново или на предъявителя.

Взгляд Этвуда переметнулся на Эми, словно банкир хотел спросить ее о чем-то, потом вернулся ко мне. Лицо Этвуда уже несколько разгладилося, хотя голос его, когда он обратился ко мне, звучал еще несколько настороженно:

- Вы сами сказали, мистер Гудвин, что банки должны соблюдать осторожность при разглашении любых сведений, особенно когда речь идет о клиентах. Это и впрямь так.

- Естественно. Я считаю, что это очень благоразумно.

- Тем не менее, поскольку речь идет о мисс Деново, а также о ее матери, я готов сделать исключение. И мне не нужно даже наводить где-то справки, чтобы ответить на ваши вопросы. Поскольку вы человек широко и разнообразно информированный, вы наверняка знаете, что для банковского служащего очень желательно быть в курсе, как бы сказать, привычек клиентов. Я уже в течение нескольких лет знал об этих чеках, которые обналачивала миссис Деново. Да, она делала это каждый месяц. Выписывала банковская компания "Сиборд Бэнк энд Траст", главный офис которой расположен на Брод-стрит. Чеки выписывали на предъявителя.

Он посмотрел на Эми, потом снова на меня и продолжил:

- Хочу еще добавить, что очень вам признателен. Понимаете, когда приходит клиент и приносит четверть миллиона наличными, любой банкир, как бы сказать, проявляет любопытство... Вы понимаете, да? Поэтому, я очень рад, что вы рассказали мне... В общем, я вам очень признателен. И вам, мисс Деново. - Он с облегчением улыбнулся. - Вот и все, что я хотел вам сказать.

- А нам больше ничего и не нужно.

- Очень хорошо. - Этвуд поднялся. - Сейчас проверю, как там у них.

Когда дверь за ним закрылась, Эми открыла рот, чтобы обратиться ко мне, но я жестом остановил ее. Во всех пяти районах Нью-Йорка было, должно быть, не меньше десяти тысяч комнат, которые прослушивались. Кто знает, возможно, кабинет банкира Этвуда тоже входил в их число, так что обсуждать в нем сокровенную тайну, хранившуюся годами, было бы неразумно. Однако, поскольку просто сидеть молча и тарашиться на Эми было неучтиво, я встал, подошел к

книжной полке и начал рассматривать корешки. Мое внимание привлек "Международный банковский справочник". Я снял его с полки, раскрыл на разделе "Нью-Йорк" и нашел нужную страницу.

Шансов на то, что среди управляющих компании "Сиборд Бэнк энд Траст" окажется кто-то хорошо нам знакомый, было не больше одного из миллиона, так что, прочитав в алфавитном списке совета директоров имя Эвери Баллу, я не сумел сдержаться и воскликнул "Черт побери!" так громко, что Эми встревоженно вскинула голову и повернулась ко мне.

- Что случилось?

Я ответил, что ничего, что мне просто очень повезло и я расскажу об этом позже.

В одиннадцать часов мы уже сидели с Эми в закуской на углу Мэдисон-авеню. На столике перед Эми стояла чашечка кофе, а передо мной стакан молока. Все двенадцать конвертов я бросил в почтовый ящик, а пустая коробка стояла возле меня на соседнем стуле. Я уже успел объяснить Эми, почему не дал ей заговорить в банке и чем было вызвано мое восклицание. Я, правда, не назвал ей имени Баллу, но предложил поспорить на пятерку, что мы разыщем ее отца в течение трех дней, но Эми отказалась, объяснив это тем, что для нее такие условия неприемлемы. В десять минут двенадцатого я отлучился позвонить, набрал до боли знакомый номер и восемь звонков спустя добился желаемого:

- Ну? - ворвался в ухо его голос.

Вулф прекрасно знал, что так говорят только невежи, но хотел бы я посмотреть на того, кто попробовал бы его переделать.

- Я, - сказал я. - Мы тут сидим с клиентом в закуской, попивая прохладительные напитки. Письма отправлены, а коробку она забирает домой в память об отце или о матери, точно не скажу. У меня три дела. Первое, которое я начал излагать вам утром, но вы не выслушали, наорав на меня.

Поскольку может позвонить Кремер, вам следует знать, что в субботу днем я звонил Стеббинсу. Я сказал ему, что накануне мы с вами точили лясы насчет разгула преступности, случайно припомнили историю о наезде, когда погибла Элинора Деново, вот я и поинтересовался у Стеббинса, нет ли чего новенького в связи с этим делом, Стеббинс наябедничал Кремеру, а Кремер, естественно, решил, что коль скоро мы этим заинтересовались, значит, тут пахнет жареным.

Я сказал, что кроме того, о чем сообщилось в газетах, нам ничего не известно. Если он позвонит, вы...

- Фу. Что еще?

- Второе. В пятницу вечером вы сказали, что после банка я должен заехать к Реймонду Торну. Вы по-прежнему на этом настаиваете?

- Да.

- Тогда третье. В банке все прошло без сучка и без задоринки. Чеки выдала банковская компания "Сиборд Бэнк энд Траст", они выписаны на предъявителя. Я заглянул в "Международный банковский справочник", откопал там "Сиборд Бэнк энд Траст" и наткнулся на одного нашего хорошего знакомого.

Не стану называть его по телефону, только напомним: позапрошлой зимой в вашем кабинете сидел человек, который сказал следующее - цитирую: "Я никогда не проводил времени в розовой спальне" <См. Рекс Стаут "Смерть потаскушки">. Так вот, этот человек является членом совета директоров "Сиборд Бэнк энд Траст компани".

- Вот как? - Последовало пятисекундное молчание. - Приемлемо.

- Еще как! Такое только в сказках случается. Может, мне сперва заняться им, а Торна оставить на десерт?

- Нет. - Вновь молчание. - Я должен подумать.

- О'кей. Только не торчите больше в прихожей в обеденное время. Я могу опоздать к трапезе.

Когда я вернулся к нашему столику, Эми потягивала уже третью чашечку кофе. Увидев меня, девушка просияла.

- Я тут немного думала, мистер Гудвин, - сказала она, - и пришла к выводу, что вы просто чудо. Жаль, что... Словом, я хочу называть вас просто Арчи.

- Что ж, попробуйте, посмотрим, что из этого выйдет. Боюсь, что мне это может понравиться. Поскольку вы сказали, что мать словно в насмешку окрестила вас Эми, я думаю, что вам подошло бы имя Араминта или Хефсибая.

Впрочем, я не настаиваю, вы можете выбрать и что-нибудь другое.

- Да, я могла бы придумать имя поприятнее.

- Согласен. Теперь пора заняться делом. Мне нужно расспросить кое-каких людей про вашу матушку, и начать я собираюсь с Реймонда Торна. Вы должны позвонить ему и сказать, что посылаете меня к нему и надеетесь, что он нам поможет. Я не буду говорить, что меня интересуют только мужчины, с которыми ваша мать могла встречаться летом сорок четвертого года - тогда случилось знаменательное слияние генов, - чтобы никто не узнал и не заподозрил, что мы охотимся за вашим отцом. В связи с этим хочу сделать вам предложение, уже одобренное Ниро Вулфом. Надеюсь, вы с ним согласитесь.

- О, я согласна на все, что вы... - Она умолкла и сжала губы. Потом улыбнулась. - Вы, должно быть, считаете меня дурочкой, да? Скажите, что я должна делать.

И я сказал.

Глава 5

Контора Реймонда Торна размещалась на шестом этаже одного из выросших за последнее время как грибы многоэтажных ульев из стекла и стали, расположенного на Мэдисон-авеню в районе Сороковых улиц. Судя по размерам помещений, мебели, убранству и улыбкам секретарш, телевизионное искусство, а может быть, и индустрия процветала. Правда, прежде чем проникнуть к Торну, мне пришлось прождать целых двадцать минут, хотя этот лицемер сказал Эми по телефону, что его двери всегда открыты как для нее, так и для любого ее посланца.

Конечно, я даже в мыслях не рассматривал Торна как того человека, за которым мы охотимся. Элинон в своем письме Эми призналась, что в последний раз общалась с ее отцом за четыре месяца до рождения Эми, а никаких причин заподозрить Элинон во лжи у меня не было. Не могла же она в самом деле общаться с отцом ребенка почти каждый день в течение двадцати лет и при этом ежемесячно получать от него банковский чек по почте! Верно, конечно, что сыщик должен всегда подозревать всех и вся, но - в разумных пределах.

Торн и его кабинет хорошо подходили друг другу. И тот и другой были внушительных размеров и выглядели вполне современно. Торн крепко пожал мне руку, заверил, что готов сделать все от него зависящее, чтобы помочь Эми, предложил мне сесть, вернулся на свое место и заявил, что не имеет ни малейшего представления о цели моего визита, поскольку Эми ровным счетом ничего не объяснила.

Я кивнул.

- Да, она решила, что у меня это лучше получится. Дело совершенно простое - выеденного яйца не стоит. Она хочет, чтобы Ниро Вулф... Вы знаете, кто это такой?

- Еще бы!

- Так вот, она хочет, чтобы Ниро Вулф отыскал убийцу ее матери. Мне кажется, она немного на этом заиклилась, но это ее право. Она считает, что убийцу должны были давно поймать и что полицейские не проявляют должного рвения. По ее мнению, это было предумышленное убийство. На сей раз сомнений у Эми нет. Я спросил ее, на чем основана эта уверенность, и Эми ответила, что исключительно на интуиции. В каком возрасте вы поняли, что с интуицией не спорят?

- О, это было так давно, что я уж и не упомяну.

- Я тоже. Но интуиция не подсказала Эми, где искать убийцу. Она составила список из двадцати восьми человек, которые дружили с ее матерью или были с ней на короткой ноге, но сама же всех их и отвергла. Ни один из этих людей, по словам Эми, не имел причин для того, чтобы убить ее мать, следовательно, искать нужно вне этого круга - возможно, среди тех, кто сталкивался с Элиной по работе, или среди тех, кто знал ее раньше, когда Эми была еще слишком мала, чтобы их вспомнить. Вот почему я обратился к вам.

Элиной работала у вас. Сколько времени вы ее знали?

- Больше двадцати лет. - Он склонил голову набок. - А вы тоже считаете, что это было преднамеренное убийство?

- Мистер Вулф сказал бы, что это "неотвергаемо". Он любит такие вывихнутые словечки. Вполне возможно - фактов, доказывающих противное, у нас нет. Остается только найти хоть одного человека, у которого был мотив. Но в первую очередь мне хотелось бы получить от вас фотографию миссис Деново. У вас наверняка есть ее снимки.

Его взгляд на миг скользнул вправо и вниз, потом вернулся ко мне.

- Мне не кажется... - Он не закончил. - А Эми вам разве не дала фотографию?

- У нее нет ни одной фотографии матери. Она всю квартиру перерыла. Но у вас-то наверняка хоть одна найдется.

- Дело в том... - Он снова посмотрел вниз. - Меня вовсе не удивляет, что дома не нашлось ни одной фотографии. У миссис Деново били на этот счет свои убеждения. Когда нам требовались фотографии наших сотрудников - для повышения по службе, например, - нам всегда приходилось обходиться без нее.

Ни на какие уговоры она не поддавалась. Отказалась даже сняться для памятного альбома. Так что ни одной ее фотографии не сохранилось - Он потер подбородок кончиком пальцев. - Но одна у меня все-таки есть.

- Да... - Я вытянул руку. - В нижнем ящике стола.

Торн резко вздернул голову.

- Откуда вы знаете?

- Любой сыщик знает, как это делается, а я уж в сыском деле собаку съел. Когда я попросил у вас фотографию, вы посмотрели вниз и вправо. Потом еще раз.

Торн улыбнулся.

- Понятно, но вы ошиблись. Фотографии находятся во втором ящике снизу.

Не одна, а две. Фотограф искал лучший ракурс, и миссис Деново случайно попала в кадр. Она даже не подозревала о существовании этих снимков.

Примерно неделю спустя после ее смерти я вспомнил про эти фотографии и разыскал их в старых папках. Я, правда, не уверен, что вправде... Понимаете, если бы она знала об их существовании, она бы их давно уничтожила. Вы согласны?

- Наверное. Но она мертва. Но если интуиция не подводит Эми, и речь и впрямь идет об убийстве, то считаете ли вы нужным уничтожить фотографии?

- Нет! Конечно же, нет.

- Разумеется. Могу я взглянуть на фотографии?

Торн потянулся вниз, выдвинул ящик, достал коричневый конверт и вынул из него два фотоснимка размером примерно пять дюймов на восемь.

- Да, я даже забыл, какая она была красавица, - задумчиво произнес Торн, разглядывая фотографии. - Снимки сделаны примерно в сорок шестом или в сорок седьмом, примерно через год после того, как она пришла к нам. Господи, до чего время меняет людей.

Я встал, обогнул стол и Торн протянул мне фотографии. На одной Элинон стояла, повернувшись к фотографу боком, на второй лицо вышло анфас, примерно на три четверти. В целом сходство с Эми было довольно заметным, хотя лоб у Элинон был чуть шире, а подбородок чуть поострее. Я перевернул фотографии, но даты съемки на обратной стороне не было.

- Я не могу отдать их вам, - сказал Торн, - но закажу для вас копии.

Сколько вам потребуется.

Я еще раз взглянул на фотографии.

- Да, они нам очень нужны. Давайте я сам сделаю копии и верну вам фотографии.

Торн возразил, что это единственные фотографии, оставшиеся у него от женщины, которую он давно знал и высоко ценил, поэтому он не хочет с ними расставаться. Я протянул ему оба снимка, сказав, что мне нужны по меньшей мере шесть, а лучше десять копий, после чего вернулся к своему столу, сел и достал записную книжку.

- Теперь - самое главное, - сказал я. - Вы, конечно, отвечать не станете, но спросить я все равно должен. Эми считает, что убийцей мог быть кто-то, работавший здесь. Вы можете кого-нибудь заподозрить?

Торн потряс головой.

- Поскольку вы уже об этом говорили, я отвечаю. Это - безнадежная затея.

Сейчас в конторе служат сорок шесть человек. За последние двадцать лет здесь сменилось человек сто пятьдесят. Не все, конечно, считали, что мисс Деново, - само совершенство - случались у нас и мелкие стычки и ссоры, но убийство?

Нет, это исключено. Выкиньте это из головы.

Что я с удовольствием и сделал, поскольку еще раньше пришел к заключению, что в письме к Эми Элинон лгать бы не стала.

- Хорошо, - сказал я, открывая записную книжку, - пусть так. Теперь я хочу кое-что уточнить. Когда миссис Деново поступила к вам на службу?

- Я проверил это в тот же день, как отыскал ее фотографии. Второго июля тысяча девятьсот сорок пятого года.

- Были ли вы с ней знакомы до этого?

- Нет. В то утро она пришла и прямо с порога заявила, что, насколько ей известно, мне требуется стенографистка. Я тогда еще работал на радио и у меня в штате было всего четверо - мы ютились в трех комнатенках на Тридцать девятой улице. Моя секретарша как раз ушла в отпуск, и я сразу надиктовал миссис Деново несколько писем. Ее работа мне так понравилась, что я решил взять миссис Деново на службу.

- Ее направило к вам какое-нибудь агентство?

- Нет. Я задавал ей этот вопрос, но она ответила, что просто узнала от кого-то о том, что мне нужна стенографистка.

- Но вы проверяли ее рекомендации?

- Нет, я никогда даже не спрашивал ее об этом. За три дня я сполна убедился в ее высоком профессионализме, а остальное меня не волновало.

Я закрыл записную книжечку и упрятал ее в карман.

- Что ж, так вы мне и не помогли, - заключил я. - Сперва заверили, что никто из тех, кто здесь работал, не может иметь отношения к убийству, а теперь еще говорите, что не знаете, чем она занималась до второго июля сорок пятого года.

- Да, это так.

- Несмотря на то, что вы проработали вместе двадцать два года? Не верю.

Торн кивнул.

- Вы не первый детектив, который не может в это поверить. Тем не менее, это правда. Миссис Деново никогда не рассказывала о своем прошлом или о своей семье. Она вообще избегала говорить на личные темы. Держалась несколько отчужденно. Хотите, приведу пример? Как-то раз одна дама - важная для нас, она представляла высокопоставленного клиента - что-то рассказывала про свою сестру и ненароком спросила миссис Деново, есть ли у той сестра.

Так вот, миссис Деново просто пропустила ее вопрос мимо ушей. Не сказала ни да, ни нет. Я довольно неплохо разбираюсь в людях, и уже месяц спустя после прихода к нам миссис Деново я твердо уяснил, что есть определенные пределы, через которые, общаясь с ней, переступать нельзя. И все годы, что мы проработали вместе, я соблюдал это правило. Если хотите порасспросить еще кого-то из ее сослуживцев, я не возражаю, но только предупреждаю, что вы зря потратите время. Хотите попытаться?

В обычное время я бы ответил, что да, возможно, так и следовало бы поступить, но пришел я к нему по наущению Вулфа, в то время как мои мысли были устремлены к предстоящей встрече с Эвери Баллу. Поэтому я ответил, что не хочу нарушать их трапезу - было как раз время ленча - и зайду позже, возможно, завтра. После чего поблагодарил его от имени мисс Деново. Торн сказал, что к четырем часам следующего дня копии фотоснимков будут уже у него, и я вновь поблагодарил его и откланялся.

По дороге к лифту я решил, что обедать пойду в закусочную Эла - там замечательно готовят жареную картошку и яичницу с ветчиной. В доме Вулфа на кухне безраздельно царствует Фриц, который скорее даст отрезать себе руку, чем пожарит яичницу или картошку, но дело было не в этом. Просто мне претила сама мысль о том, что придется сидеть за одним столом с Вулфом и слушать его разглагольствования о будущем компьютерной техники или о влиянии спорта на американскую культуру, в то время как нужно было бы обсудить, какой подход подобрать к Баллу.

С другой стороны, поскольку Вулф, по зрелому размышлению, согласился с тем, что я должен был во что бы то ни стало встретиться с Баллу, я решил, попивая кофе, что можно несколько смягчить кару для этого заносчивого гордеца, но все-таки проучить его, чтобы расквитаться за это дурацкое правило - не вести деловых разговоров за обеденным столом. Поэтому я сидел и выжидал, поглядывая на циферблат наручных часов.

Ровно в два я вышел из закусочной, прошагал три квартала до нашего старого особняка, в пять минут третьего вошел в кабинет, вынул из сейфа деньги, заглянул в столовую и, остановившись в дверном проеме, провозгласил:

- Вы велели мне как можно быстрее поместить полученные от мисс Деново деньги в банк, и я уже бегу. Вернусь через полчаса.

- Нет. - Он отставил кофейную чашечку в сторону. - Это может подождать.

Нам нужно принять решение.

- Извините, - я развел руками. - Я привык подчиняться приказам.

И был таков.

Путешествие на Лексингтон-авеню и обратно заняло у меня тридцать шесть минут. Телевизор был включен, а Вулф высился посреди комнаты и свирепо пялился на экран. Похоже, он так раскипятился, что сознательно пошел на то, чтобы раскипятиться еще больше, поскольку телевизор всегда выводил его из себя.

Я упрятал банковскую книжечку в сейф, а Вулф, процедив что-то сквозь зубы, выключил телевизор и грузно протопал к своему столу. Я, в свою очередь, занял место за собственным столом.

- Где ты шлялся, черт возьми? - прорычал Вулф.

Даже не "где тебя носило".

Я неторопливо закинул ногу на ногу.

- На обед мне подали чересчур жирную пищу, и ел я слишком поспешно.

Подробности опускаю, хотя, если вы будете настаивать, готов выложить все без утайки. Потом я хотел успеть отнести двадцать тысяч в банк, прежде чем он закроется. Назад я несея как угорелый, поскольку знал, что вам не терпится поделиться со мной своим планом обработки Эвери Баллу. Но сперва, конечно, вы хотите, чтобы я рассказал о беседе с Реймондом Торном.

- Нет. Если только ты не узнал нечто такое, что делает разговор с Баллу бессмысленным.

- Увы, нет. Мне удалось только раздобыть две фотографии Элинор Деново, а в остальном - полное фиаско. Вы уже звонили, чтобы узнать, на месте ли Баллу?

- Нет. Сам позвонишь.

- Угу. Хотя в августе президент корпорации может быть где угодно. А что мне делать, если окажется, что он на месте? Уговариваться на сегодня? Вы, надеюсь, уже разработали для меня план действий.

- Не для тебя. - Вулф откашлялся. - Арчи. У тебя множество достоинств, в том числе довольно редких, но здесь нужен особый подход. К тому же и прежде вести все переговоры с ним приходилось мне. Ты только при этом присутствовал. Но я должен быть уверенным в фактах. Ты сказал по телефону, что чеки, по которым миссис Деново получала наличные деньги, были выписаны па предъявителя в "Сиборд Банк энд Траст компани". Насколько достоверны эти сведения?

- Я узнал это от главы филиала "Континентал", расположенного на Восемьдесят шестой улице, в котором миссис Деново получала деньги. Его фамилия Этвуд.

- А мистер Баллу занимает пост одного из директоров "Сиборд Бэнк энд Траст компани"?

- Да, если только его не уволили в самое последнее время. Источник информации - свежее издание "Международного банковского справочника" под редакцией Ренда Макнелли.

- Можем ли мы узнать что-нибудь про эти чеки без помощи мистера Баллу?

- Думаю, что это практически невозможно. У "Сиборда" двухмиллиардный оборот. В год они обрабатывают десятки тысяч чеков. Я даже не представляю, с какого конца подступиться. Быть может, уговорить Сью Корбетт или саму мисс Деново соблазнить одного из помощников вице-президента, а потом, если ничего из этого не выйдет, подождать годок-другой и соблазнить другого, и так по очереди...

- Позвони мистеру Баллу.

- Говорить будете вы?

- Нет. Твое нахальство должно сыграть нам на руку. Скажи, что если его устроит, я готов принять его в шесть.

Я развернулся, нашел в адресной книге телефон "Федерал Холдинг Корпорейшн" и набрал нужный номер. Как и в первый раз, когда я звонил Баллу, мне пришлось поочередно пообщаться с тремя голосами, прежде чем удалось пробиться к самому Баллу. Наконец я услышал знакомый голос:

- Гудвин? Арчи Гудвин?

- Совершенно верно. Рад, что застал вас на месте. Я звоню по просьбе Ниро Вулфа. Если это вас устроит, он готов принять вас в шесть вечера в своем кабинете. В крайнем случае - чуть позже.

Молчание. Потом:

- Сегодня?

- Да. Дело не терпит отлагательства.

Вновь молчание. Ясное дело - Баллу никак не мог спросить, что случилось. Боялся, что кто-то может подслушать. Тем не менее он все-таки исхитрился и задал вопрос:

- Сколько времени это займет?

- Думаю, что немного. Возможно, полчаса.

Короткое молчание, потом:

- Хорошо, к шести я буду.

И он положил трубку.

Я повернулся к Вулфу, который не спускал с меня глаз.

- Бедняга, должно быть, решил, что старые грешки выплыли наружу, - посочувствовал я.

Вулф ответил, что тем приятнее Баллу будет убедиться в том, что он ошибся. Потом Вулф посмотрел на настенные часы, прикинул, что у него есть еще час до посещения оранжереи и велел мне приготовить блокнот. Еще с прошлой недели накопилось несколько писем, на которые он не ответил.

В половине шестого, расправившись примерно с дюжиной писем, я поднялся в свою комнату, чтобы сменить рубашку - бегодня по нью-йоркским улицам в такую жару не лучший способ сохранить воротнички чистыми. Двадцать минут спустя я уже сидел в кабинете, дожидаясь, пока спустится Вулф.

Он вышел из лифта и направился к столу, когда в дверь позвонили.

Мне кажется, что, описывая дело о расследовании убийства Изабел Керр <См. Рекс Стаут "Смерть потаскушки".>, я упоминал, что лицо Баллу было с морщинками, но не дряблое. Так вот теперь, когда я впустил Баллу в прихожую, дряблость была уже заметна. Тем не менее бедняга силился придать себе мужественное и решительное выражение. Он мужественно и решительно прошагал в кабинет, уселся в красное кожаное кресло, сухо кивнул Вулфу и потер лоб. Этот жест мне уже приходилось видеть, когда Баллу нервничал.

- Я не привык... - начал было он, но осекся, поскольку получилось слишком хрипло. Чуть прокашлявшись, он начал заново:

- Я не привык, чтобы со мной разговаривали таким повелительным тоном!

Вулф кивнул.

- Вы правы. Просто у меня не было другого выхода. Мне нужно было срочно поговорить с вами, а я, как вам известно, никогда не выхожу из дома по делам. Кроме того, у меня есть основания полагать, что приди мы с мистером Гудвином к вам в кабинет, вам бы это тоже не пришлось по вкусу. Но первым делом...

- Что случилось?

- Сейчас, не спешите. Итак, первым делом я хотел бы вас успокоить. Эта встреча никоим образом не связана с тем, что случилось восемнадцать месяцев назад. Ни к вам, ни к вашим личным делам это вообще не имеет никакого отношения.

- Тогда почему, черт побери...

- Прошу вас, не перебивайте. Поверьте, я и так испытываю неловкость и даже смущен, что случается со мной крайне редко. Я даже не вполне уверен, с чего начать. Дело в том, что мне нужна ваша помощь, но я еще не представляю, в какие слова облечь свою просьбу, чтобы она нашла у вас понимание.

Баллу недоверчиво посмотрел на него.

- Вот уж за словами-то вы точно никогда в карман не лезете. Так вы не шутите? Это и в самом деле со мной не связано?

- Да. Это касается лично меня. И мистера Гудвина.

Баллу испустил душераздирающий вздох, откинулся на спинку кресла, перевел взгляд на меня и произнес:

- Я бы не отказался промочить горло.

- Джин со льдом и долькой лимона? - спросил я.

- Вы запомнили? Ну и память у вас, черт возьми!

Я не шелохнулся - никакая сила на свете не заставила бы меня пропустить хоть малую толику того, что должно было случиться в ближайшие пять минут.

Вулф, видя, что я незыблем как скала, нажал на кнопку и, когда появился Фриц, сделал сразу тройной заказ: джин для гостя, пиво для себя и молоко для меня.

Потом, прищурившись, посмотрел на Баллу.

- Положение чертовски затруднительное. Вы не связаны со мной ровным счетом никакими обязательствами. Вы заплатили мне вполне приемлемую сумму за щекотливую и весьма непростую работу, которую я проделал. Вы говорили, что готовы уплатить любую цену за то, чтобы я помог выволить вас из той передрыги, но ничего другого вам и не оставалось - вы были приперты к стенке. Тогда вы честно заплатили мне то, что причиталось, так что, повторяю, вы свободны от каких бы то ни было обязательств по отношению ко мне. Тем не менее мы с мистером Гудвином по-прежнему располагаем определенными сведениями, разглашение которых вы были бы готовы предотвратить любой ценой.

Понимаете теперь, в чем щепетильность этой ситуации? Как мне обратиться к вам за помощью, не рискуя быть обвиненным в вымогательстве? Или в шантаже?

Не судом, конечно, - вами.

Вулф поджал губы и покачал головой.

- Проклятье Никакие слова тут не помогут. Никакие слова не в состоянии заглушить ваши подозрения, что я способен выдать вашу тайну. Мы-то с мистером Гудвином отдаем себе отчет в том, что никакая сила на свете не заставит нас пойти на попятный и предать вас, но вы знать этого не можете, а я, в свою очередь, не могу вскрыть ваш череп и заменить одни мысли на другие.

Вулф снова покачал головой.

- Попробую по-другому. Мне необходима ваша помощь. Я могу обратиться к вам за ней, основываясь на предпосылке, что вы до сих пор цените ту услугу, что я оказал вам в свое время. Если же это не так, обращаться к вам я не стану.

- Нет, это как раз так. - Баллу даже улыбнулся. - Жаль только, что вы сразу не придумали, как донести это до меня. Я рад также, что вам не придется вскрывать мой череп. Итак, в чем состоят ваши трудности?

Вулф не ответил, поскольку в кабинет вошел Фриц с подносом, уставленным напитками. Сначала он обслужил Вулфа - пиво, как водится, подается Вулфу неоткупоренным, после чего Вулф извлекает из стола золотую открывалку - подарок Марко Вукчича - и откупоривает бутылочку сам. Когда Фриц, поставив передо мной стакан молока, вышел из кабинета и закрыл за собой дверь, Баллу успел уже наполовину опорожнить свой бокал.

Вулф слизнул с губ пену и посмотрел на Баллу.

- Что ж, - сказал он, - самое трудное позади. Облечь просьбу словами мне уже гораздо проще. Если верить мистеру Гудвину, вы занимаете пост директора "Сиборд Бэнк энд Траст компани"?

Баллу кивнул.

- Я вхожу в совет директоров. Я член совета директоров нескольких компаний. Восьми, если быть точным.

- Вот как? Я слабо разбираюсь в советах директоров, но мне представляется, что директор должен быть знаком хотя бы с некоторыми из своих подчиненных. А дело вот в чем. Двадцать два года назад, в июне тысяча девятьсот сорок пятого года, некто - назовем его Икс - получил из "Сиборд Бэнк энд Траст компани" заверенный чек на предъявителя на сумму в одну тысячу долларов. В июле, а затем в августе он получил точно такой же чек.

Это продолжалось каждый месяц в течение двадцати двух лет - всего Икс получил двести шестьдесят четыре чека. Последний из них датирован маем этого года; с тех пор ни одного чека выписано не было и не будет выписано впредь.

Мне необходимо знать, кто такой Икс. Я должен задать ему несколько вопросов.

Вот и все.

Баллу отпил из бокала.

- А остальное?

- Это все.

- Господи! Все это представление, все ухищрения, чтобы заманить меня сюда, - ради такого пустяка!

- Я не знал, что это пустяк.

- Полная ерунда. Конечно, было бы еще проще, если бы чеки были выписаны не на предъявителя, а на конкретное лицо, но я и так не вижу никаких сложностей, поскольку чеки выдавались на одну и ту же сумму в течение двадцати двух лет. Любой клерк в два счета управится с этой задачей. Гудвину достаточно было попросить меня об этом по телефону. Я завтра позвоню ему.

Или кто-то от моего имени. - Он вновь прихлебнул из бокала. - Вы, конечно, здорово меня напугали, за что я на вас зол, но, поскольку вы завели этот разговор, готов признать, что до сих пор не забыл и чрезвычайно высоко ценю ту услугу, которую вы оказали мне в то время, когда помощь требовалась мне несравненно больше, чем сейчас вам.

Он опустошил бокал и повернулся ко мне.

- Как сыскной бизнес? Процветает? Вообще-то вы меня удивили, Гудвин.

Вулфу простительно - он никуда не ходит и не знает банковского дела, но уж вы-то должны были знать, что такие дела проще пареной репы. Завтра вам позвонят.

Баллу встал, пожал Вулфу руку, потом обменялся рукопожатием со мной. Я проводил его, вернулся в кабинет и обратился к Вулфу:

- Уже другой, не тот, что был в прошлом году. Это все враки, что владельцы предпочитают ездить на одном и том же "роллс-ройсе" всю жизнь.

Возможно, вы поспешили согласиться с Баллу, что ни к чему было устраивать такое представление и прибегать к подобным ухищрениям, чтобы заманить его к нам, но делать такой поспешный вывод вам не следовало. Ведь Баллу не знал о том, что Икс - отец Эми, который вовсе не хотел, чтобы его таким образом выследили. Не говоря уже о том, что он мог оказаться и убийцей. Как бы то ни было, и вас и меня подстерегал крайне неприятный сюрприз.

На следующий день после встречи с Баллу, во вторник в четверть седьмого в нашу дверь позвонили. Я пошел открывать и увидел на крыльце Баллу.

Откровенно говоря, еще раньше, когда обещанного телефонного звонка так и не последовало, я догадался, что все не так уж просто, как казалось Баллу.

Поэтому весь день я не отходил от телефона и лишь в четыре часа, позвонив Реймонду Торну и узнав, что фотокопии уже готовы, я сказал Вулфу, что переключая телефон на оранжерею, и отлучился.

Воздух на улице был еще раскаленнее, чем накануне, так что я был несказанно рад, когда наконец, вернулся в наш дом с кондиционером. Копии получились очень удачные, почти неотличимые от оригиналов. В четверть седьмого, когда в дверь позвонили, Вулф как раз сидел за столом и разглядывал их. Когда я сказал ему, что пришел Баллу, Вулф только хрюкнул, но фотографии убрал.

На этот раз Баллу не протянул Вулфу руки. И в красное кресло уселся с таким видом, словно собирался обосноваться в нем надолго. Баллу устремил взгляд на Вулфа и выпалил:

- Дорого бы я отдал за то, чтобы узнать, что вы знали вчера.

Вулф устроился поудобнее. Похоже, меня ожидало еще одно представление.

- Вы не совсем ясно выразились, - произнес Вулф. - Я даже затрудняюсь дать вам ответ. Вчера я знал, да и сейчас знаю чрезвычайно много. Если вас интересует, что я знал про Икс, то ответ прост - ничего. Мало того, что в моем распоряжении не было ни единого факта, у меня не было и до сих пор нет серьезных оснований для предположений и умозаключений. Я совершенно...

- Вы слишком многословны. Вы знали, зачем вам нужны сведения. Вы знали достаточно, чтобы вам было важно затащить меня сюда. Это вы вполне можете мне сейчас сказать, и я настаиваю на том, чтобы вы это сделали.

Вулф запрокинул голову на спинку кресла и смежил очи. Чаще всего, когда очередной посетитель ставит его в затруднительное положение, Вулф смотрит на меня, но сейчас это ему не помогло бы. Не на того напал. Увертываться и тянуть время было совершенно бесполезно. Да и стоило ли? Чем рисковал Вулф, посвящая в случившееся Баллу? Да ровным счетом ничем. Я пришел к такому выводу за десять секунд. Вулф, судя по всему, тоже. Он открыл глаза, чуть выпрямился и сказал:

- Я бы рассказал вам это еще вчера, если бы вы об этом попросили. Все дело в том, что одна молодая женщина попросила меня помочь отыскать ее отца.

У меня имеются основания полагать, что мы существенно продвинемся вперед, если сумеем выяснить, кто выписывал эти банковские чеки. Раскрыть вам имя моего клиента я не могу, поскольку это было бы нарушением профессиональной этики, но...

Он замолк, поскольку Баллу его не слушал. Член восьми советов директоров откинул назад голову и совершенно неприлично хохотал. Вулф вопросительно посмотрел на меня, и я развел руки в стороны, одновременно изогнув брови. Баллу досыта нахохотался, утер слезы, одарил нас с Вулфом широчайшей улыбкой и сказал:

- Изумительно. Просто потрясающе. Так он скрывался целых двадцать два года? Просто не могу поверить.

- Судя по всему, вы его знаете.

- Еще бы! Кстати, возможно, вам не помешает знать, что деньги по этим чекам получала Элинор Деново.

- Да, спасибо. Моего клиента зовут не так, но к нашему делу это тоже имеет отношение. Так вот, мистер Баллу, поскольку вы знаете, кто... Я хочу только вас предупредить, чтобы не было никаких недоразумений. Если вы назовете мне имя этого человека, а я надеюсь, что вы это сделаете, то я не смогу расценивать полученные от вас сведения как конфиденциальные. Более того, я собираюсь использовать их в интересах моего клиента.

- Да, я понимаю. - Баллу явно получал удовольствие от происходящего.

Глаза его еще лучились смехом. - Еще пару часов назад я думал, что не сделаю этого; я хотел даже позвонить вам и сказать, что ничего не вышло, однако любопытство пересилило. Теперь, когда вы рассказали, в чем дело, я решил, что назову вам его. Если, конечно, вы не водите меня за нос. Вы мне сказали правду - дело и впрямь только в том, что эта молодая женщина хочет знать, кто ее отец?

- Да, это правда. Кстати, имя Элинор Деново, которое вы назвали, убеждает меня в том, что я прав.

- Поразительно! Просто не верится. А сколько лет этой женщине?

- Двадцать два. Первый чек пришел через две недели после ее появления на свет.

- Давайте посчитаем... От семидесяти шести отнять двадцать два... Ему было пятьдесят четыре. Тогда я знал его не так хорошо, как сейчас. Его фамилия Джаррет - Сайрус М. Джаррет. В том, что я вам рассказываю, ничего конфиденциального нет - в банковских кругах это знают все. Двадцать два года назад он был президентом "Сиборд". В пятьдесят третьем году - ему было шестьдесят два, - он стал председателем правления. Некоторые из нас хотели, чтобы он сложил с себя полномочия, но у него слишком большой пакет акций. К тому же он чрезвычайно богат. Обычно в шестьдесят пять принято уходить от дел, но он не захотел. Тем не менее, большинство проголосовало за его отставку, и он ушел с поста председателя правления, оставшись, правда, в совете директоров. Хотя на заседаниях он почти не появляется.

Баллу чуть приумолк, словно переводя дыхание, потом продолжил:

- Все это общеизвестно, но я хочу еще добавить, что никогда не симпатизировал Джаррету, да и сейчас мое отношение к нему не изменилось.

Кстати, его многие недолюбливают. И меня вовсе не беспокоит, если станет известно, что именно я рассказал вам про него. Сомневаюсь, чтобы вам удалось лишить его сна - этого никому еще не удавалось, - но буду рад, если вы попытаетесь.

Баллу кинул взгляд на часы.

- Мне пора. - Он встал, шагнул к двери, но обернулся. - Если у вас появятся вопросы, Гудвин, приходите.

И вышел так быстро, что я даже не успел его проводить.

Когда хлопнула входная дверь, Вулф посмотрел на часы. До ужина оставалось тридцать пять минут. Вулф перевел взгляд на меня.

- Что скажешь?

Я поскреб себя за ухом.

- Скакать козлом и кричать "ура!" я не собираюсь, - признался я. - Теперь мы знаем, что он уже стар и, судя по всему, крепкий орешек. Если в сорок пятом ему было пятьдесят четыре, значит,

сейчас ему семьдесят шесть. Я слышал о нем; даже читал статью в "Форчун", но как к нему подкопаться - не знаю.

- У тебя есть номер телефона мисс Деново?

- Конечно.

- Набери его. Я сам поговорю.

Я сверил номер в записной книжке, развернул к себе телефон и, накручивая диск, решил представиться как Арчи Гудвин, а не просто Арчи. Не хотелось давать Вулфу лишний повод язвить по поводу моей способности быстро находить общий язык с молоденькими особами женского пола.

- Алло!

- Эми Деново?

- Да. Это Арчи?

Пришлось на ходу менять сценарий.

- Совершенно верно. Я звоню из кабинета. Мистер Вулф хочет поговорить с вами.

Вулф снял трубку. Я слушал по параллельному аппарату.

- Мисс Деново, это Ниро Вулф. Я хочу кое о чем спросить вас. У вас один телефонный аппарат?

- Да.

- Я все равно буду осторожен. Терпеть не могу телефонов и не доверяю им. Пожалуйста, не говорите ничего лишнего. Мы уже выяснили, кто посылал эти чеки. Сведения...

- Как? Уже?

- Пожалуйста, не перебивайте. Так вот, сведения получены из вполне надежного источника. Человек, который подписывал эти чеки, жив, ему семьдесят шесть лет, он богат и принадлежит к высшему обществу. Живет он в Нью-Йорке... Впрочем, в этом я не могу быть уверен, но знаю, что связаться с ним можно. Итак, теперь мой вопрос. Вы сами знаете, с какой целью прибегли к моим услугам. Человек, приславший чеки, найден. Хотите ли вы...

- Я хочу знать, кто он!

- Вы непременно узнаете. Если придете сегодня вечером в девять часов или позже. Хочу же я спросить следующее - хотите ли вы, чтобы я продолжил расследование или сами возьметесь за него? Я должен знать это до ужина.

- Конечно же, я хочу, чтобы расследование продолжили вы. Я сейчас приеду. Я... я могу сейчас приехать?

- Нет. Как же можно - посреди ужина? Я жду вас, начиная с девяти.

Вулф положил трубку, вынул из ящика фотографии, хмуро посмотрел на них и бросил на стол. Я развернулся к Вулфу лицом и спросил:

- Может быть, я позвоню Сайрису М. Джаррету и скажу, чтобы завтра к одиннадцати утра он явился сюда, если это его не слишком затруднит?

- Да-с, - прошипел Вулф. Очень странно - он никогда не шипит. Потом Вулф извлек свою многопудовую тушу из кресла и протопал на кухню.

Глава 6

В половине четвертого в среду я сидел в шезлонге под сенью развесистого клена на самой вершине обрывистого утеса в округе Датчес. Внизу раскинулась живописная долина Гудзона.

Слева от меня ярдах в ста высилась увитая плющом стена огромного особняка (с таким же успехом я мог бы назвать его дворцом, чертогом или даже замком), насчитывающего, должно быть, не менее полусотни зал и комнат. Вокруг меня, куда ни кинь взгляд, росли деревья, кусты, цветы и были понатыканы статуи, изображающие, например, лань, принимающую пищу прямо из рук девушки. В восьми футах напротив меня в таком же шезлонге, но с подставкой для ног сидел худой старик с длинным костистым лицом, обрамленным копной густых седых волос и с пронизывающими голубовато-серыми глазами, которые не выражали ровным счетом ничего. Так вот, в половине четвертого я как раз говорил этому старику:

- Это была просто уловка. Никаких серебряных счетов у меня нет. Более того, я их никогда и в глаза не видел.

Проведя целое утро в библиотеке и в архиве "Газетт", я узнал про Сайруса М. Джаррета достаточно, чтобы исписать несколько дюжин страниц, но какая вам разница - левую или правую ногу он сломал, когда упал с лошади в 1958 году? Но кое-какие факты я вам приведу. Возвел эти хоромы его дед, а Сайрус в них родился. У него была одна жена, которая умерла в 1943 году, одна дочь, в настоящее время проживающая в Риме с мужем-графом, и, наконец, один сын по имени Юджин, сорока трех лет, занимающий пост одного из девяти вице-президентов "Сиборд Бэнк энд Траст компани". Сам Сайрус М. Джаррет был членом девяти советов директоров, побив тем самым нашего Баллу. И так далее.

Мне пригодились сведения о том, что в шести комнатах своего дворца Джаррет разместил одну из трех лучших в мире коллекций предметов ручной работы колониального периода.

Покопавшись в справочной литературе, я пришел к неутешительному заключению, что для того, чтобы поддержать разговор на тему творчества ранних поселенцев в течение пяти минут, мне потребовался бы месяц усердных занятий. Поэтому я отважно изобрел предмет ручной работы прямо у себя в голове, нашел телефон-автомат и набрал код 914, а потом сам номер.

Сдержанный мужской голос вывел у меня, с какой целью, именно целью я хочу встретиться с мистером Джарретом, и я честно признался, что являюсь обладателем уникальных серебряных счетов, изготовленных лично Полем Ревером.

Голос попросил меня подождать, а пять минут спустя возвестил, что, по словам мистера Джаррета, Поль Ревер не изготавливал никаких серебряных счетов. Я ответил, что мне это даже слушать смешно, поскольку счета сейчас при мне.

Сработало. Прош то еще несколько минут, и голос известил, что мистер Джаррет готов принять меня вместе со счетами в три часа дня.

Я приехал точно в назначенное время. Меня проводили к шезлонгам на краю обрыва под кленом и поведали, что мистер Джаррет сейчас придет. "Сейчас" растянулось ровно на двадцать две минуты - по одной минуте на каждый год, прожитый Эми. Будь я суеверен, я считал бы это за доброе предзнаменование.

Когда наконец появился Джаррет, я сразу подметил, что выглядит он как раз на свои семьдесят шесть, хотя передвигается, как пятидесятишестилетний.

Когда же он подошел поближе и я заглянул в его глаза, я дал бы ему все тысячу и семьдесят шесть. Джаррет сел, закинул ноги на подставку и лишь тогда впервые раскрыл рот.

- Где они? - прокрипел он.

Вот тут-то я и сказал:

- Это была просто уловка. Никаких серебряных счетов у меня нет. Более того, я их никогда и в глаза не видел.

Джаррет повернул голову и прокричал:

- Оскар!

- Но зато у меня для вас есть кое-что другое, - добавил я. - Послание от вашей дочери.

- От моей дочери? Вранье!

- Не от Катерины. От Эми. Эми Деново. - Я бросил взгляд в сторону приближавшегося со стороны дворца Оскара. - Причем послание чрезвычайно личного характера.

- По-моему, у вас просто не все дома.

- С удовольствием побеседую с вами на эту тему, но только с глазу на глаз.

Оскар наконец добрался до нас и величественно застыл в двух шагах от Джаррета.

- Вы меня звали, сэр?

Джаррет ответил, не поворачивая головы:

- Я кое-чего хотел, но передумал. Проваливай!

Оскар повернулся и столь же величаво зашагал прочь.

- Я даже не подозревал, что у нас где-то еще сохранилось рабство, - произнес я. - В чем провинился этот бедолага?

- Кто вы такой? - пролаял Джаррет.

- Я же назвался по телефону - Арчи Гудвин. Я работаю на частного сыщика по имени Ниро Вулф. А Эми просила передать вам следующее: поскольку ее мать погибла, ей хотелось бы разузнать хоть что-нибудь про своего отца.

- Я мог бы приказать вышвырнуть вас вон, - прошипел Джаррет, - но я теперь дождусь, когда вы откроете карты, и вызову полицию. И я сказал, что у вас не все дома, потому что только сумасшедшему могло прийти в голову, что я способен уступить шантажисту. Вы ведь шантажист, не так ли?

- А что? - Я поерзал, уstraиваясь на сиденье поудобнее. - Вас и в самом деле не мешало бы пошантажировать, но Эми уже уплатила Ниро Вулфу задаток, так что мы работаем на нее. Уплатила она, правда, из ваших денег. Во всяком случае - некогда ваших. Вы посылали эти деньги ее матери на содержание Эми.

- Продолжайте.

- Послушайте, мистер Джаррет. - Я с трудом выдерживал его пронизывающий ледяной взгляд. - Мы ведь могли с вами особенно не церемониться. Вместо того, чтобы обратиться прямо к вам, я мог без особого труда покопаться в вашем прошлом, но на это ушли бы деньги и время, а Эми было нужно только одно - отыскать вас. Письменную гарантию я вам дать не могу, но абсолютно уверен, что Эми ничего от вас не потребует - ни удочерения, ни чего-либо другого в таком духе. И не думайте, что я просто ловлю рыбку в мутной воде.

Про чеки нам все известно. Мы знаем, что отправляли их вы - все двести шестьдесят четыре штуки, это подтверждается документами. И мы так же знаем, что получала деньги по этим чекам Элинора Деново.

- Продолжайте, пожалуйста. Чего вы от меня хотите? И что нужно этому Ниро Вулфу?

- Ниро Вулфу не нужно ровным счетом ничего. Что касается меня, то я бы был только рад, если бы вы вызвали полицию. Вы заявите, что я вас шантажирую, а я откажусь отвечать на вопросы, и тогда им придется меня задержать. А дальше начнется самая потеха - в дело вмешается мой адвокат и знакомый репортер из "Газетт". Сегодня среда, а уже в пятницу десять миллионов читателей будут живо сочувствовать вам - надо же, двадцать два года человек свято выполнял свой отцовский долг, а тут - такие неприятности!

Так позовете Оскара, или мне позвать?

Он даже не моргнул. Я понемногу начинал понимать, почему старика не любят: люди справедливо считают, что собеседник должен хоть как-то реагировать на их слова.

Наконец Джаррет заговорил.

- Эти чеки лежат в архиве "Сиборд Бэнк энд Траст компани". Кто вам про них рассказал?

Я покачал головой. Баллу сказал, что его вовсе не беспокоит, если Джаррету станет известно о том, кто его заложил, но я не собирался хоть в чем-то помогать этому истукану.

- Это не имеет отношения к моему делу, - сказал я, - у меня есть другое предложение. Поскольку мы с вами, похоже, не слишком поладили, я мог бы привести завтра Эми. Она очень милая девушка. Как вы, должно быть, знаете, она закончила Смит, очень недурна, хорошо воспитана и...

Я замолк, поскольку Джаррет вдруг зашевелился. Он неспешно сполз с шезлонга, выпрямился и устремил пронизывающий взгляд на меня.

- Я совершенно ничего не знаю ни про какую Эми, - сказал он, - ни про Элино́р Дено́во. Если деньги по чекам получала какая-то Элино́р Дено́во, мне это абсолютно безразлично. Если же посмеете опубликовать эту дикую чушь, я с вас шкуру спущу.

С этими словами он круто повернулся и направился к дому.

Я продолжал сидеть в своем шезлонге, любясь изумительной долиной реки Гудзон. Вскоре притопал Оскар и занял наблюдательный пост в тени дерева с длинными узкими листьями.

- Как называется это дерево? - воззвал я к Оскару, но он не соизволил ответить.

Я был бы, возможно, не прочь позабавиться и поторчать тут еще часок-другой, чтобы определить, хватит ли у Оскара терпения стоять столбом, ничего не делая, но мне уже чертовски хотелось пить, а чутье подсказывало, что напоить меня никто не собирается. Так что, бросив последний взгляд на живописные окрестности, я с независимым видом прошагал мимо Оскара, едва не отдавив ему ногу.

Асфальтированная подъездная аллея протянулась на добрых четверть мили.

В конце ее, напротив каменной колоннады, я свернул влево и двадцать минут спустя (включая посещение придорожной закусочной, где я опустошил кружку пива) я выкатил на шоссе и свернул в сторону, указанную щитом со стрелкой "Нью-Йорк - 88 миль".

Сидя за рулем, я стараюсь не занимать лобовую серьезными мыслями; подобные мысли ни к чему хорошему не приводят, а езда может закончиться плачевно. Собственно говоря, думать мне было не о чем - я и так знал, что делать дальше. Во вторник вечером, проведив Эми, мы с Вулфом единодушно выработали план действий на тот случай, если Джаррет отошьет меня.

Я пообещал держать Эми в курсе дел, поэтому, свернув с парковой дороги имени Генри Хадсона на Девяносто шестую улицу, я пересек Центральный парк и покатил к гаражу на Второй авеню, в котором Эми Деново держала свою машину.

Не спрашивайте меня как и почему, но я всегда стараюсь лишней разок побывать на том месте, которое связано с каким-либо интересующим нас событием. Вот и сейчас, идя пешком от гаража к дому Эми (а найти свободное место для моего "герона" на улице было так же невозможно, как попытаться втиснуть еще одно зернышко в спелый кукурузный початок), я выбрал тот маршрут, которым в последний раз в своей жизни воспользовалась Элино́р Дено́во. Я пришел к выводу, что тому, кто захотел бы свести с ней счеты, выполнить затею было бы парой пустяков.

Наш разговор с Джарретом излагать Эми дословно я не стал. Мы редко достаиваем клиентов подобной чести. Не стал я также посвящать Эми в наши дальнейшие планы. Когда я закончил разговаривать, Эми тут же спросила в лоб, верю ли я, что Джаррет и в самом деле ее отец, на что я честно ответил, что не знаю. Я признался, что хотя все указывает на то, что ее отец именно Джаррет, биться об заклад я бы не стал. Дальше я попытался выведать у Эми, что она сделает, когда факт отцовства будет твердо установлен, но меня постигла неудача; более того, у меня создалось впечатление, что Эми и сама еще не знает, чего хочет.

Когда я вернулся домой, до ужина оставалось всего десять минут, так что с дословным рапортом Вулфу мне пришлось повременить до тех пор, пока мы не расправились с телячьим

рулетом под острым соусом, с салатом из петрушки и мускусной дыни и с черничным муссом и перешли пить кофе в кабинет.

Когда я закончил рассказывать, Вулф сказал, одновременно прихлебывая кофе:

- Я считаю вполне возможным, что Поль Ревер мог смастерить серебряные счеты. А вот как ты до этого додумался?

Я постучал себя по голове костяшками пальцев.

- Вы как-то изволили выразиться, что чем больше набивать мозг, тем больше в него влезает. Так вот, поскольку в данном случае мой мозг был чист как стеклышко, можно считать, что на меня снизошло озарение.

- Ерунда, все нужные слова в твоем мозгу были. Ты знал, кто такой Поль Ревер, и ты знаком со словами "серебряный" и "счеты". Другое дело, что ты не в состоянии объяснить, каким образом тебе удалось объединить их воедино, да еще в тот самый миг, когда это потребовалось. Хорошо, я снимаю свой вопрос.

- Он отпил кофе. - Можешь ты утром позвонить мистеру Баллу или заехать к нему?

- Я лучше заеду. Показать ему фотографию по телефону - дело довольно заковыристое.

- Что, по-твоему, может предпринять мистер Джаррет?

- Трудно сказать. Сами понимаете: если тот наезд был предумышленным, а следовательно, было совершено убийство, то наш клиент сейчас в опасности.

Если вы спросите, считаю ли я возможным, чтобы этот богатый, чванливый, уважаемый старикан угнал машину и сбил ею Элинора Деново, та я отвечу да. По-моему, этот индюк способен на все.

Вулф кивнул.

- Да, это, конечно, маловероятно, но все-таки... Ты предупредил ее?

- Нет. Пока ему известно лишь одно: что мы знаем про чеки. Поэтому, если Элинора владела какими-то тайнами или угрожала ему чем-то, из-за чего с ней пришлось расправиться, у Джаррета нет оснований думать, что она рассказала об этом Эми. С другой стороны, я позвоню ей и предупрежу, чтобы она была поосмотрительнее, когда переходит улицу. Только как бы ей не пришло в голову, что я больше забочусь о ней самой, чем о ее деле.

- Очень хорошо.

Его плечи приподнялись, а потом опустились на одну восьмую дюйма. Я уже упоминал про его идиотские представления насчет моего отношения к женщинам.

Вулф снял с каких-то бумаг пресс-папье - увесистый кусок нефрита, которым одна дамочка несколько лет назад ухлопала своего мужа, и сказал:

- Если ты не занят вечером, то я бы продиктовал три или четыре письма.

Я ответил, что половина вечера уже прошла, и вынул блокнот.

Утром в четверг я совершил ошибку, которую совершал уже не впервые.

Вместо того, чтобы позвонить Баллу и уговориться о встрече, я выехал без звонка и в результате проторчал целых два часа в приемной на тридцать четвертом этаже сорокаэтажной цитадели финансистов на Уолл-Стрит. Мистер Баллу проводил важное совещание. Это могло означать все что угодно - от того, что у мистера Баллу разыгрался острый приступ несварения желудка, до того, что он и впрямь председательствовал на совещании, где решалось будущее десятков тысяч людей. Впрочем, для меня важнее было то, что страдало, мое настоящее. В

приемную постоянно заходили какие-то люди, стояли, переминаясь с ноги на ногу, сидели в ожидании вроде меня, но я был так раздосадован из-за своей промашки, что даже всегда столь интересующее меня мелькание новых лиц не могло меня развлечь. Лишь в пять минут первого молоденькая финансистка провела меня по коридорам в кабинет Баллу.

Прежде чем приблизиться к необъятному письменному столу, за которым обычно сидел Баллу (в данную минуту Баллу стоял у окна), я успел осмотреться по сторонам и насчитать шесть окон, пять зачехленных кожаных кресел, две боковые двери и еще несколько мелочей, но тут Баллу обернулся. Если он раскаивался из-за того, что заставил меня прождать два часа в приемной, то по его виду сказать этого было нельзя.

- Господи, что за утро, - вздохнул он. - Я могу уделить вам пять минут, Гудвин.

- Возможно, мне больше и не понадобится, - сказал я, запуская руку во внутренний карман. - Вы говорили, что деньги по чекам получала Элинор Деново. Вот ее фотографии, снятые двадцать лет назад. Вы ее узнаете?

Баллу внимательно рассмотрел обе фотографии, потратив на них добрую половину из обещанных мне пяти минут.

- Нет, я никогда ее не видел. Это и есть Элинор Деново?

- Да. Совершенно определенно.

- И она получала деньги по чекам. И вы хотите связать ее с Джарретом.

Двадцать лет назад... Стало быть, речь идет о тысяча девятьсот сорок седьмом годе. К тому времени я еще плохо знал его, хотя и с тех пор мы не слишком сблизились. У нас с ним всегда были только деловые отношения. - Баллу протянул мне фотографии. - Но вам непременно нужно найти доказательства ее связи с Джарретом?

- Это совершенно необходимо.

Баллу подошел к своему не правдоподобно огромному столу, уселся, нажал на кнопку и произнес:

- Соедините меня с мистером Макгреем из "Сиборда".

Я мысленно поразился, что наш особняк не оборудован таким устройством. Представляете мое состояние, если я, например, только-только залез под душ в своей комнате, и тут раздается громовой рык Вулфа: "Куда, черт побери, подевалось письмо от мистера Хьюитта?"

Баллу не пришлось долго ждать. Зажужжал телефон и он поднял трубку.

- Баллу... Доброе утро, Берт. У меня сейчас сидит Арчи Гудвин... Да, да, тот самый, я говорил тебе вчера... Он задал мне вопрос, на который я не могу ответить, а ты можешь. Ничего, если он подойдет к тебе? Это не займет много времени... Да, конечно... Нет, он выглядит вполне прилично, в пиджаке и при галстукe - в отличие от меня... Спасибо, а знал, что могу на тебя положиться.

Баллу положил трубку и повернулся ко мне.

- Бертрам Макгрей ждет вас к ленчу в "Бэнкерс-клубе". Бродвей, сто двадцать. Он будет там через десять минут. Скажете, что вы гость мистера Макгрея. Он вице-президент "Сиборда". Двадцать лет назад Джаррет взял его к себе секретарем, а потом помог ему сделать карьеру. Он один из немногих, кому доводилось часто бывать в доме Джаррета. У него на Джаррета зуб за то, что в пятидесятом году Джаррет не сделал его президентом компании - хотя, между нами, тут Джаррет был абсолютно прав, - в результате в пятьдесят третьем году он перешел к нам. Это он вчера предоставил мне эти сведения о чеках. Макгрей мечтает познакомиться с Ниро Вулфом, так что можете спрашивать его о чем угодно. Вы все поняли?

Я сказал, что да, а Баллу снова нажал на кнопку и сказал:

- Пусть заходит человек из Бостона.

Вот почему в час дня я сидел за угловым столиком в зале, уставленном еще примерно сотней таких же столиков. Поскольку в среднем за одним столиком сидели трое, я прикинул, что в зале присутствует миллиардов двадцать капитала, как личного, так и представительного. Я порадовался, что нацепил галстук.

У мистера Макгрея, сидящего напротив меня, уши были чуть оттопырены, нос чуть мелковат, а в углу правого глаза белел узкий шрам.

Макгрей был либо слишком учтив, либо совсем безвольный; когда я заказал палтуса в винном соусе, салат и лимонад, он попросил принести себе то же самое. Впрочем, я постарался не уступить ему по части учтивости: мы обсуждали проблему загрязнения воздуха, засухи в Неваде, учащения уличных демонстраций до тех пор, пока Макгрей не признался, что перерыв на ленч у него всего час, а Баллу сказал, что у меня какие-то вопросы. Я сказал, что, по словам Баллу, он, Макгрей, давно знает Сайруса М. Джаррета и может помочь мне опознать одну женщину, которой интересуется Ниро Вулф, и показал ему фотографию. Макгрей посмотрел на первую, удивленно посмотрел на меня, потом посмотрел на вторую и сказал:

- Это Лотти Воэн.

Я сделал вид, что мне это совершенно безразлично.

- Хорошо, - сказал я, - теперь мы хотя бы знаем ее имя. А кто такая Лотти Воэн? - Я тут же спохватился - ведь Баллу знает, в чем дело. Поэтому, не дожидаясь ответа, я продолжил:

- Дело в том, что нам она известна под именем Элинор Деново. Эти фотографии сделаны двадцать лет назад.

- Не понимаю... - Макгрей нахмурился. - Я абсолютно уверен, что это Карлотта Воэн. Почему вы знаете ее как Элинор Деново?

Я забрал у него фотографии, подождал, пока официант, поставив перед нами чашечки с кофе, отошел, и ответил:

- Это долгая история, к тому же многие сведения получены от нашего клиента, следовательно, являются конфиденциальными. Если верить мистеру Баллу, то вы вряд ли заложите нас Джаррету. С другой стороны, вы банкир и прекрасно понимаете, что лучше лишний раз перестраховаться, чем проявить неосторожность. К тому же вам известно, что мистер Вулф собирается проучить Джаррета. Учитывая все это, я был бы весьма признателен, если бы вы рассказали мне про Карлотту Воэн. Она была знакома с Джарретом?

Макгрей кивнул.

- Я впервые увидел ее у него дома.

- Она была гостем?

- Нет. Она служила секретаршей у миссис Джаррет. Когда миссис Джаррет умерла, Джаррет оставил Карлотту. Я тогда был его личным секретарем - и дома и на службе, - и Карлотта стала моим помощником. Она была очень умна и исполнительна.

Лед в бокалах с лимонадом растаял, кофе остался почти нетронутым, а час, отпущенный мистеру Макгрею на ленч, существенно растянулся. Это был как раз тот случай, когда мне пригодилась моя недюжинная память, поскольку доставать прилюдно записную книжечку я не решился. Макгрею это вряд ли пришлось бы по нутру. Итак, факты согласно Бертрану Макгрею.

Он познакомился с Карлоттой Воэн в городском доме Джаррета в мае сорок второго года. В ноябре сорок третьего миссис Джаррет умерла от рака, и Карлотта продолжала работать теперь уже в качестве секретарши самого Джаррета. К тому времени Макгрей уже добрых две трети своего времени проводил в банке, так что скучать Карлотте не приходилось. В банке она появлялась редко, от силы раз в два месяца.

Насколько помнил Макгрей, Карлотта была родом из небольшого городка неподалеку от Милуоки, штат Висконсин. Больше он не знал про нее ничего - ни того, сколько времени она жила в Нью-Йорке, ни про то, где она училась или как поступила к Джарретам.

Немногим лучше дело обстояло с ее исчезновением. С момента поступления на службу Карлотта жила вместе с Джарретами - либо в городском, либо в загородном доме. Однако с марта сорок четвертого года она вдруг переехала жить в другое место, хотя продолжала выполнять какие-то поручения Джаррета, поскольку время от времени еще появлялась у него. В последний раз Макгрей видел ее в конторе в конце сентября или в начале октября сорок четвертого года - в библиотеке вместе с Джарретом.

Вот и все. Занавес.

Макгрей относился к Карлотте с симпатией и уважением. Ему даже казалось, что она к нему равнодушна, но роман между ними так и не завязался, поскольку годом раньше в тридцатилетнем возрасте Макгрей женился и его сын уже появился на свет. Макгрею казалось, что, возможно, Юджин, сын Джаррета, которому в сорок четвертом году было двадцать, был одно время увлечен Карлоттой, но ничего конкретного он припомнить не смог. Не удалось Макгрею вспомнить и ни одного случая, который бы свидетельствовал о том, что отношения между Джарретом и Карлоттой несколько вышли за рамки чисто деловых.

Я проводил Макгрея до здания, в котором размещалась "Сиборд Бэнк энд Траст компани", поблагодарил за ленч и потратил десять минут на самое безнадежное в Нью-Йорке занятие - попытку поймать свободное такси. Наконец мне удалось опередить какого-то хромого и прыгнуть в только что освободившуюся машину. Без двадцати три мы подкатили к нашему старому особняку. Не откладывая дела в долгий ящик, я сел за пишущую машинку и вскоре напечатал следующее:

СПРАВКА

Карлотта Возн

Изложено со слов Бертрама Макгрея, 24 августа 1967 года.

До мая 1942

Доподлинно неизвестно. Рассказала Макгрею, что жила где-то в Висконсине.

С мая 1942 по ноябрь 1943

Секретарша миссис Джаррет. Жила у нее же.

С ноября 1943 по март 1944

Секретарша мистера Джаррет. Жила в том же доме.

С марта 1944 по октябрь 1944

(включая дату зачатия Эми)

Скорее всего жила в Нью-Йорке или где-то поблизости, поскольку Макгрей три-четыре раза видел ее в доме Джаррета.

С октября 1944 по июль 1945

(включая 12 апреля 1945 - день рождения Эми)

Сведений нет.

2 июля 1945

Поступила на службу к Реймонду Торну.

Без пяти шесть, когда я лихо притормозил перед парадным входом во дворе Джаррета, сумерки настолько сгустились, как будто было уже за полночь. Тучи заволокли все небо еще над Нью-Йорком и всю дорогу преследовали меня, то опережая, то чуть-чуть отставая, пока наконец не разразились проливным ливнем в ту самую минуту, когда я заглушил мотор "герона" и изготовился выйти наружу. Я вытащил ключ из замка зажигания, перегнулся назад, достал с заднего сиденья плащ, который всегда на всякий случай вожу с собой, набросил его на голову, вылез из машины и резво рванул под укрытие.

Встретили меня примерно так, как я и ждал. Дверь открыл Оскар после того, как я успел уже трижды надавить на кнопку звонка. Любой приличный человек в данных обстоятельствах должен был бы (даже обязан!) посочувствовать жертве разгулявшейся стихии, проквакав что-нибудь вроде: "Ну и дождина, да?" или "Вы не промокли?", или, в крайнем случае, "Уткам сегодня благодать!". Оскар же промолчал. Он лишь едва посторонился, чтобы я сумел протиснуться в коридор, не придавив его к стене.

Меня ожидали. Частенько случается, что, доложив Вулфу, я вступаю с ним в оживленную перепалку по поводу того, какой оборот могут принять дальнейшие события. Порой доходило даже до того, что я грозил уволиться (чаще), либо Вулф грозил уволить меня (реже), на сей же раз все было настолько очевидно, что спор продлился каких-то три минуты, не перехода в рукопашную. Я снял трубку, набрал нужный номер и вскоре услышал знакомый мужской голос. Я не мог сказать наверняка, принадлежал ли голос Оскару, поскольку Оскар в моем присутствии особым многословием не отличался.

- Это Арчи Гудвин, - представился я. - Я приходил к вам вчера.

Пожалуйста, предупредите мистера Джаррета, что я хочу прийти снова. Буду у вас примерно через два часа.

- Нет, мистер Гудвин, я не могу. Мистер Джаррет особо распорядился, чтобы вас не впускали. Привратнику оставлены указания...

- Да, да. Извините, что перебиваю. Я этого ждал, поэтому и звоню.

Пожалуйста, передайте мистеру Джаррету, что у меня для него новости по поводу Карлотты Воэн. Вы уяснили - Карлотта Воэн. - Я произнес имя и фамилию по буквам. - Он сообразит. Я подожду у телефона.

- Но, мистер Гудвин...

- Никаких "но". В объятия он вас не заключит, но принять меня согласится.

Непродолжительное молчание, потом:

- Хорошо, не вешайте трубку.

Ждать мне пришлось дольше, чем накануне. Вулф, одной рукой держа у уха трубку, второй поправлял свежесрезанный цветок Милтонии хеллеменсе в вазе на столе. Наконец в трубке послышалось:

- Мистер Гудвин?

- Я здесь.

- Вы сказали - через два часа?

- Да, примерно. Может, чуть позже.

- Хорошо. Вас впустят.

Когда я положил трубку, Вулф прорычал:

- Этот червяк настолько привык раболепствовать, что даже к тебе относится с почтением. Да, я бы не отказался поговорить по душам с мистером Джарретом. Я почти склоняюсь к тому, чтобы поехать вместе с тобой.

Совершенно пустой треп - просто уши вянут. Перед отъездом я отпечатал на машинке справку с биографическим сведениями о Карлотте Возн, которую вы уже видели.

Итак, я оставил мокрый плащ на скамье и проследовал за Оскаром через вестибюль, а затем через вереницу комнат и коридоров. По дороге я заключил сам с собой пари, что на сей раз Джаррет среагирует.

Наше путешествие окончилось в комнате с пятнадцатифутовым потолком, устланной ковром, по сравнению с которым необъятный персидский ковер в гостиной Лили Роуэн показался бы половичком. Посередине комнаты стоял письменный стол - должно быть, работы первых переселенцев, - а стены были до самого потолка уставлены стеллажами с книгами. Книг было явно больше, чем у Вулфа. Ни в одном из кресел никто не сидел. Оскар щелкнул выключателем, пообещал, что мистер Джаррет скоро будет, и величественно удалился.

На сей раз "скоро" означало всего две минуты. В тот миг, как открылась дверь между стеллажами и в проеме появился Джаррет, за окном ослепительно сверкнула молния, а буквально в ту секунду, как Джаррет, подойдя к столу, остановился, комнату потряс раскат грома. Ловко сработано, невольно подумал я.

Устремив на меня леденящий душу взор, Джаррет проскрипел:

- Что вы хотите знать о Карлотте Возн?

- Сначала я расскажу вам, что нам уже известно, - сказал я. - По меньшей мере, частично. Так вот, с мая тысяча девятьсот сорок второго года Карлотта Возн служила секретаршей у вашей жены до тех пор, пока ваша жена не умерла. Жила она тогда здесь, а также в вашем городском доме. После смерти вашей жены Карлотта продолжала работать у вас. В марте сорок четвертого она съехала. Вот ее фотографии, сделанные в сорок шестом году, когда ее знали под именем Элинор Деново, а ее дочке Эми был уже год. Взгляните.

Я протянул Джаррету снимки, но он не взял их. Зато спросил:

- Кто вам платит, Гудвин? Макгрей? Но он у них может быть только мальчиком на побегушках. Правда, вам должно быть известно, кто его хозяева... Если бы я сумел доказать, что меня оклеветали, вы бы не отказались заработать десять тысяч долларов?

- Такие гроши! Да я на прошлой неделе забрал домой коробку, в которой было двести сорок четыре тысячи - некогда ваших, кстати. - Я упрятал фотографии с карман. - А чеки, которые вы посылали Элинор Деново...

- Хватит! - Надо же - среагировал. Правда, не глазами, а только голосом. Выстрелил в меня этим словом, как пулей. - Все это полная ерунда!

Безмозглые недоумки! Вы собираетесь доказать, что девушка по имени Эми - моя дочь и что Карлотта Возн, которая когда-то работала у меня и теперь значится под именем Элинор Деново - ее мать. Верно?

- Конечно.

- Когда родилась ваша Эми?

- За две недели до того, как вы отправили Элинор Деново первый чек.

Двенадцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года.

- Следовательно, зачата она была летом сорок четвертого. В июле, если роды состоялись вовремя. У вас наверное есть записная книжка. Достаньте ее.

В отличие от Оскара, я не успел достаточно привыкнуть к раболепству. Я постучал себя по черепу.

- Она у меня здесь.

- Тогда занесите в нее следующее. В конце мая сорок четвертого года я в числе правительственной делегации вылетел в Англию на переговоры с британцами и штабом

Эйзенхауэра. Через неделю после высадки союзников в Нормандию я полетел в Каир, а оттуда в Италию. Первого июля с тяжелой пневмонией я угодил в военный госпиталь в Неаполе. Двадцать четвертого июля, когда я немного оправился, меня самолетом вывезли в Марракеш. Я жил на той самой вилле, где раньше останавливался Черчилль. Двадцатого августа я вылетел в Лондон, где пробыл вплоть до самого возвращения в Вашингтон шестого сентября. Если бы послушались меня и достали записную книжку, у вас бы все это было сейчас записано.

Он повернул голову и позвал:

- Оскар!

Распахнулись двухстворчатые двери, и на пороге возник Оскар.

- Безмозглые кретины, - произнес Джаррет. - Особенно Макгрей; он дебил от рождения. Ведь могли хотя бы проверить, где я был тем летом. Для этого хватило бы мозга улитки, которым, к сожалению, никто из этих болванов не располагает. Оскар, этот человек уходит и больше никогда нас беспокоить не будет.

Он повернулся и вышел через боковую дверь.

Не глядя на Оскара, я молча прошагал по коридорам к выходу. Я едва не забыл свой плащ, однако в самый последний миг, проходя мимо, успел заметить его уголком глаза и прихватил на ходу. Накидывать его на себя я не стал, так как проливной ливень кончился и с неба лишь слегка моросило.

На штраф я не нарвался лишено чистой случайности. Обычно по шоссе Тейконик я еду со скоростью шестьдесят миль в час, в этот же раз почти все время я выжимал семьдесят. Мне хотелось побыстрее добраться до дома, чтобы спокойно поразмышлять, но одна мысль никак не давала мне покоя и свербил в мозгу, пока я не притормозил. Я съехал с шоссе на обочину, вынул записную книжку и занес в нее все даты и события, о которых рассказал Джаррет.

Ровно в восемь вечера я отпер своим ключом входную дверь и пошел в прихожую. Вулф уже сидел в столовой. Я просунул голову в дверь, сказал, что заморю червячка на кухне, и, не дожидаясь ответа, прошествовал туда.

Фриц, который всегда ужинает в девять, возился с артишоками. Увидев меня, он прищурился и сказал:

- О, ты еще жив. Ты поужинал?

- Нет.

- Он очень волновался из-за тебя, в отличие от меда. - Фриц сполз с табуретки. - Есть салат с креветками...

- Нет, спасибо, я съем чего-нибудь посущественнее. Только не говори мне, что этот чревоугодник сожрал всю утку.

- Нет, что ты. Хотя я знал одного швейцарца, который в один присест справился с двумя утками. - Разговаривая, Фриц одновременно перемешивал что-то на сковородке, которую уже успел поставить на плиту. - Как ты съездил?

- Прескверно, - отмахнулся я, доставая из буфета бутылку. - Ни молока, ни кофе мне не надо. Я хочу напиток.

- Только не здесь, Арчи. Пьянствовать иди к себе в комнату. Может, все-таки попробуешь морковь по-фламандски?

- Хорошо, давай, - согласился я, плеснул себе виски, сел за свой стол, прихлебнул из стакана и погрузился в мрачное раздумье. Фриц, видя, что мне не до него, больше не приставал с разговорами.

Когда я в третий раз поднес к губам стакан, дверь распахнулась и в проеме возникла туша Вулфа.

- Я выпью кофе здесь, - объявил он Фрицу, потом подошел к разделочному столу и взгромоздился на табурет. Когда-то много лет назад он приобрел себе широченное кресло и распорядился, чтобы его поставили на кухню. На следующее утро кресло исчезло, Фриц отнес его в подвал. Насколько мне известно, ни тогда, ни с тех пор случившееся вслух не обсуждалось.

Должен вам еще объяснить, что правило "никогда не обсуждать деловые вопросы во время трапезы" не распространялось на те случаи, когда я ел в одиночку на кухне или в кабинете, поскольку считалось, что к трапезе этот процесс никакого отношения не имеет, да и именовался он не иначе как "Арчи пошел перекусить". Вот почему, отправив в пасть изрядный кусок утки по-модорски и подцепив на вилку морковку, я провозгласил:

- Даже слов нет, как я вам признателен. Вы поняли, что со мной творится что-то неладное и совершили над собой неслыханное насилие - лично пожаловали и взгромоздились на эту ужасную табуретку вместо того, чтобы уютно устроиться в своем кресле за столом. Воистину у меня нет слов. Никогда не забуду.

Вулф скорчил гримасу.

- Ты пьешь виски во время еды.

- Просто я не нашел сок цикуты или болиголова. Кто-нибудь знает, куда подевался мой сок цикуты? Кто там из древних греков его пил?

- Ты поясничаешь. Ты прекрасно знаешь, кто его выпил. Что случилось?

Я ожесточенно кромсал утку тупым ножом с деревянной рукояткой. Наверху в оранжерее у нас целая прорва острейших ножей из нержавеющей стали, но в кухне или в столовой пользоваться такими ножами запрещено. Табу, понимаете?

- Этим ножом даже приличное хара-кири не сделаешь, - пожаловался я. - Вы заслужили право знать, что случилось, поскольку вам предстоит подхватить древяно из моих слабеющих рук и продолжить дальше без меня. Буду излагать порциями в промежутках между укусами. - Я отпил виски. - И глотками.

Сказано - сделано. Я дословно передал Вулфу нашу беседу с Джарретом, не больше чем по две фразы за раз. К тому времени, когда я добрался до заключительных слов Джаррета, от утки остались только косточки, а Вулф опустошил одну чашечку кофе и налил себе еще.

Проглотив последний кусок моркови, я сказал:

- Делать себе хара-кири на полный желудок мне уже не улыбается, но и рассказывать больше нечего. Желаете прокомментировать?

- Нет. Сначала ты - у тебя было два часа на размышление.

- Я вел машину, а не размышлял. Хорошо. Сперва то, что касается его алиби. С ним почти наверняка все в порядке, поскольку Джаррет знает, что его будут проверять. Впрочем, не мешает поручить Солу или Орри покопаться в этом деле - кто знает, может Элинор приезжала к нему, хотя бы даже в госпиталь, когда он валялся с пневмонией. Теперь мое мнение: не стоит тратить на это ни время, ни деньги. Ставлю пятьдесят против одного, что он не отец Эми.

Слишком уж он уверен, что поставил нас на колени. Но проверить все же не помешает.

Вулф кивнул.

- Орри. Сола прибережем для более важных дел.

- Согласен. Теперь обо мне. Виноват во всем я... Фриц, я передумал.

Свари мне, пожалуйста, кофе. Только налей сам, а то у меня рука дрогнет.

Я повернулся к Вулфу.

- Макгрей тут ни при чем. Даже если он знал, где Джаррет провел то лето, он не знал, когда родилась Эми. Баллу мы этого тоже не говорили. А вот я? Будь у меня в мозгу хоть одна извилина,

я бы спросил у Макгрея, где был Джаррет летом сорок четвертого. Так что я сам виноват. Вышвырните меня вон.

Бросьте меня шакалам. Не платите мне жалованье за эту неделю. Я устроюсь на фабрику пришивать пуговицы.

Фриц произнес, наливая мне дымящийся кофе:

- После хара-кири тебя никто не возьмет, Арчи.

Он бы ни за что не осмелился вмешиваться в нашу беседу, будь мы в столовой или в кабинете, но мы сидели на кухне, в его вотчине, где он был единовластным хозяином.

- И все же кое-чего ты добился, - сказал Вулф, - Джаррет подтвердил то, о чем мы могли только догадываться - он знал дату рождения ребенка. Это теперь установлено. Да и что касается всех дат и переездов, он тоже обдумал все это заранее, до твоего прихода.

- Угу, - промычал я, поскольку только что отпил кофе и обжегся. - Спасибо за кость. Это огромное утешение. Теперь вопрос. Должен ли я рассказывать нашему клиенту про Карлотту Воэн?

- Думаю, что нет. Не сейчас, во всяком случае. Можешь только сказать по телефону, что крайне маловероятно, чтобы ее отцом мог быть мистер Джаррет.

Который час?

Он спросил, поскольку для того, чтобы посмотреть на настенные часы, ему пришлось бы повернуть голову.

- Восемь тридцать пять.

- Ты опоздаешь на свой покер. Где вы собираетесь - у Сола?

- Да, как всегда.

- Если Сол не занят завтра утром, попроси его прийти к десяти. И еще пригласи Фреда и Орри. Тоже к десяти. Расскажи им все с мельчайшими подробностями. Ты видел мистера Джаррета, а я нет. Мне нужно знать твое мнение. В письме Элинора Деново было написано: "Эти деньги от твоего отца".

Мы знаем, что деньги посылал мистер Джаррет, но тем не менее отец Эми - не он. Как по-твоему, что могло его побудить?

- Да, я его видел. - Я отхлебнул кофе. - И слышал. Черт его знает.

Можно придумать тысячу причин, даже шантаж. Элинора и в самом деле написала "это деньги от твоего отца", и она знала, что посылает их Джаррет. Так что на самом деле ее фраза должна была звучать так: "эти деньги и в самом деле от твоего отца, но присылал их мне Сайрус М. Джаррет, потому что некий человек является твоим отцом". Так что нам остается только натравить на это дело Сола и Фреда, чтобы они раскопали, кому Джаррет мог быть настолько обязан двадцать два года назад.

- Своему сыну.

- Да, это первое, что приходит в голову. Вы меня опередили. Я как раз собирался встать и провозгласить: "Любому орангутангу пришло бы в голову, что здесь может быть замешан джарретовский сынок". И с достоинством удалился.

Я встал.

- Если чего надумаете, то номер Сола у вас есть. Вдруг Юджин Джаррет пожалует...

Я с достоинством удалился.

Когда в пятницу в одиннадцать утра Вулф спустился из оранжереи в кабинет, его уже поджидали Сол Пензер (получает десять долларов в час, но стоит вдвое больше), Фред Даркин (восемь зеленых в час и стоит того) и Орри Катер (тоже восемь, но отрабатывает их не всегда). Сыщики сидели в желтых креслах лицом ко мне, держа в руках записные книжки. Мы сидели так уже в течение часа. При появлении Вулфа все трое встали. Поскольку Вулф не видел их уже довольно давно, он обменялся со всеми рукопожатиями, после чего протопал к столу. Сол, Фред и Орри развернули кресла, чтобы сидеть лицом к нему.

Я доложил Вулфу, что ввел всех в курс дела, выдал деньги и мы обсудили с Орри его задание по проверке алиби Джаррета.

Вулф посмотрел на Сола и спросил:

- Есть соображения?

Сот закрыл записную книжку и ответил:

- Несколько дюжин, пожалуй, набралось бы. Как и у любого другого. Самое трудное сейчас состоит в том, что мы не знаем, когда именно она поменяла имя и фамилию. Это сильно усложняет поиски.

- Но ты считаешь, что в первую очередь нужно выяснить именно это?

- Для нас с Фредом - да. Конечно, сейчас предпочтительнее всего делать ставку на Джаррета-младшего, но это уже для вас с Арчи. И еще Макгрей. Баллу сказал Арчи, что Макгрей хотел бы встретиться с вами.

Вулф сжал губы. Он терпеть не мог приниматься за работу.

- Арчи! - прорычал он. - Позвони мистеру Макгрею. Я сам с ним поговорю.

Если вам кажется, что дозвониться до вице-президента проще и быстрее, чем до президента, то вы заблуждаетесь. Кто-то из наиболее рьяных подчиненных наотрез отказывается соединить нас с мистером Макгреем до тех пор, пока трубку не возьмет сам Вулф. Наконец Макгрей снял трубку, но и тут Вулфа постигло разочарование: он вежливо поинтересовался, не сможет ли мистер Макгрей приехать в три часа, но тот не был уверен, что успеет даже к шести, и, в свою очередь, спросил, нельзя ли перенести встречу на понедельник. Макгрей куда-то уезжал на уик-энд, так что в конце концов они сторговались на шести.

Наша славная троица задержалась до обеда. Я позвонил в Вашингтон знакомому трехзвездному генералу из Пентагона, который не забыл услуги, некогда оказанные ему Вулфом, и он пообещал помочь Орри, насколько это было в его силах. В остальном полтора часа ушли на обсуждение задания Сола и Фреда. Кроме двух имен и фотографий у них ничего не было; сыщики не знали даже, где жила в то время Карлотта-Элиноор - в Нью-Йорке, пригороде Нью-Йорка или вообще в другом штате. Из всех, кто знал ее тогда, нам были известны лишь четверо: отец, сын и дочь Макгрея, он в последний раз видел Карлотту Воэн в сентябре-октябре сорок четвертого года. Трудно, конечно, начинать поиски, когда и начинать-то их неоткуда. В конце концов мы остановились на трех вариантах: Фред с фотографиями начнет обходить магазины, аптеки и прачечные, примыкающие к домам Джаррета в Нью-Йорке и в предместье Нью-Йорка; Сол займется всем, что придет ему в голову - от просмотра старых телефонных справочников до поисков записей в книгах регистрации покупок в универмагах; я же помешу объявления во все нью-йоркские газеты.

После обеда я лично отвез в агентство текст объявления, которое сочинил Вулф:

"500 долларов будут выплачены за любую достоверную информацию обо всех передвижениях и местах проживания КАРЛОТТЫ ВОЭН, известной также как ЭЛИНОР ДЕНОВО, в период от 1 апреля 1944 г. до 1 октября 1944 г. а/я".

Признаться, при написании не обошлось без споров. Вулф хотел, чтобы объявление поместили на шести дюймах а не на трех, и чтобы в нижней части напечатали фотографию Элиноор. Я

возражал, что в этом случае нас завалят письмами от желающих урвать легкие полкуска, а мне придется тратить уйму времени на разоблачение фальшивок. В итоге я взял верх.

В агентстве "Грин энд Бест" мне пытались было внушить, что лучше увеличить рамку до четырех дюймов, но я настоял на своем.

Бертрам Макгрей появился в восемь минут седьмого. Судя по его внешнему виду, уик-энд ему и вправду не помешает; он волочил ноги, а лицо казалось совершенно изможденным. Да, тяжелое это бремя - ломать голову над тем, как разместить два миллиарда не принадлежащих тебе денег.

Представив Макгрея Вулфу и усадив его в красное кожаное кресло, я поинтересовался, не соорудить ли какую-нибудь выпивку, но Макгрей отказался, добавив, что ему еще предстоит катить целых восемьдесят миль. Затем он робко посмотрел на Вулфа и пробормотал, что вообще-то времени у него не слишком много. Потом добавил:

- Дело в том, что у меня выдалась крайне утомительная неделя и мне нужно побыстрее вырваться на воздух. Я не спросил вас по телефону, но, должно быть, это опять по поводу Джаррета?

Вулф кивнул - Мы сели в лужу. Весьма вероятно, что Джаррет не является отцом дочери Элинор Деново.

- Что? - У Макгрея отвалилась челюсть. - Но... почему? Ведь он посылал эти чеки.

- Да, это установлено твердо, благодаря мистеру Баллу и вам. Но дочь родилась двенадцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года, следовательно, зачата была летом сорок четвертого, а, по словам мистера Джаррета, он провел все лето за границей по заданию правительства. В июле, например, он лежал в военном госпитале в Неаполе. Подчеркиваю: по его словам.

- Господи! - Макгрей растерянно взглянул на меня. - А разве я вам это не рассказывал?

Я помотал головой.

- Но я вас и не спрашивал. Хотя был обязан спросить. Прошу прощения.

Теперь спрашивает мистер Вулф. Джаррет сказал мне, что в конце мая сорок четвертого года он полетел в Англию, а оттуда в Египет, потом в Италию и снова в Африку, так что вернулся домой он только шестого сентября. Сейчас мы это проверяем. Вы можете нам помочь?

Макгрей посмотрел на меня, потом повернулся к Вулфу.

- А вы уверены насчет даты рождения? - спросил он.

- Да, здесь тоже сомнений нет. Мистер Гудвин видел свидетельство о рождении.

- Тогда... Вы... О, Господи! Значит, все лето он провел за границей. Я, конечно, могу проверить, когда он улетел и когда вернулся, но нужно ли это теперь?

- Нет. Но нам важно другое: не покидала ли страну Элинор Деново - вернее, Карлотта Воэн, как она называлась тогда. Могли бы вы нам помочь?

- Нет, конечно. Я ее не... Я видел ее несколько раз с тех пор, как она переехала, я с ней почти не разговаривал. - Макгрей выглядел вконец несчастным. - Жаль, что вы не сказали мне все это по телефону. - Он бросил взгляд на часы. - Целый час потрачен впустую.

- Возможно, что и нет. - Вулф чуть наклонил голову. - Вы раздосадованы, мистер Макгрей. Это вполне понятно. Но и нам тоже несладко. Нельзя сказать, что мы с мистером Гудвином допустили ошибку в логике умозаключений. К тому же вы сами сказали, что Карлотта Воэн весной сорок четвертого сменила место жительства, но не прервала деловых отношений с Джарретом. Вполне логично предположить, что если их отношения вышли за рамки чисто деловых, Джаррет мог позаботиться о том, чтобы предоставить ей другое жилье. Мы до сих пор не отказываемся от этой версии; нужно только продолжить расследование. Вчера вы также сказали мистеру Гудвину, что, возможно, Юджин Джаррет был какое-то время увлечен Карлоттой. Ему тогда было двадцать, и он, должно быть, обучался в колледже, но лето он, скорее всего, проводил дома. К тому же сыну

столь богатого отца было бы несложно изыскать возможность для того, чтобы снять для Карлотты квартиру. Не стану также объяснять вам очевидное, что чеки, которые отсылал Джаррет, могли предназначаться вовсе не для его дочери, а для внучки. Что вы думаете по этому поводу?

Макгрей нахмурился. Потом посмотрел на меня и спросил:

- Разве я говорил такое?

Я кивнул.

- Могу воспроизвести, если желаете.

Макгрей ошарашенно покрутил головой.

- Ничего не помню. - Он повернулся к Вулфу. - Просто нелепо. Двадцать два года Джаррет посылал ей деньги только потому, что его сын... Нет, не могу в это поверить. Хотя, кто его знает...

- Он задумчиво поджал губы, перевел взгляд с Вулфа на меня, потом обратно. - Я хочу уяснить одно. Когда мистер Баллу обратился ко мне по поводу этих чеков и я выяснил, что их оплачивал Джаррет, я не возражал, чтобы эти сведения стали известны вам. Мне было даже приятно, что с помощью такого пустяка можно насолить Джаррету.

Бог-свидетель, что Джаррет доставил мне массу неприятностей. Но вот его сын - другое дело. Ему бы я неприятностей причинять не стал, даже если бы располагал нужными вам сведениями. Но у меня их нет. Юджин Джаррет - не только мой коллега, которого я уважаю за высокий профессионализм, но и мой друг. Могу вам сказать - это все, - что Юджин не разговаривает с отцом вот уже десять лет. И он оценивает своего отца куда более жесткими мерками, чем я. Я уверен, что если Сайрус Джаррет продолжал посылать деньги этой женщине - Карлотте Возн или Элинор Деново - в течение последних десяти лет, то это точно никакие связано с его сыном.

Макгрей опустил ладони на подлокотники кресла и поднялся.

- Мне пора, - сказал он. - Можете смело вычеркнуть Юджина Джаррета.

Если сумею припомнить что-нибудь про его отца, что может вам пригодиться, то непременно сообщу. Откровенно говоря, мне, как и многим другим, было бы очень приятно, если бы удалось утереть нос Джаррету-старшему. Быть может, Элинор Деново и знала что-то его порочащее. Искренне надеюсь, что вам удастся это раскопать. А вам... - Он замялся. - Если вам требуется финансовая поддержка...

- Не требуется. У меня есть клиент.

- Что ж, значит, все в порядке.

Он повернулся и понуро зашаркал к выходу. Шел он так медленно, что мне не составило ни малейшего труда опередить его и открыть перед ним дверь. Уже выходя, Макгрей хотел было что-то сказать, но передумал. Внизу у тротуара стоял его автомобиль - "империал" 1965 года выпуска.

Вулф сидел с закрытыми глазами и пощипывал мочку уха. Я прошагал к своему столу, сел и произнес:

- Если хотите знать мое мнение, то мы потратили зря не только время Макгрея, но и свое собственное. Конечно, все его рассуждения насчет отношений между отцом и сыном яйца выеденного не стоят. Старый Джаррет чувствовал бы себя в долгу перед Элинор, а не перед сыном. Нет, хоть режьте меня на куски, надо браться за джарретовского отпрыска. Больше некому.

Вулф хрюкнул и открыл глаза.

- А что, если неверна наша исходная предпосылка? Вдруг эти выплаты не имеют отношения к рождению девочки?

- Тогда нам крышка. К тому же в этом случае все письма Элинор - ложь от начала до конца. Да и зачем бы тогда Элинор хранила эти деньги? Причем сберегла все до последней сотни.

- Женщины - непредсказуемое скопище причуд.

- Кто это сказал?

- Я.

- Не настолько непредсказуемое.

Его плечи поднялись и опустились.

- У тебя есть еще время на то, чтобы напечатать одно письмо? Чтобы сразу отослать?

- Нет. Но я должен понести наказание за свою глупость. - Я извлек из выдвижного ящика стола блокнот. - Мисс Роуэн не даст мне умереть голодной смертью, даже если я приеду совсем поздно. Она - тонкая и понимающая натура.

- Фу! - Вулфу до смертного одра не забыть, как Лили называла его Питом и поливала духами "Персидская гурия" <См. Рекс Стаут "В лучших семействах">. - У тебя есть домашний адрес Юджина Джаррета?

Я кивнул.

- Добыл сегодня утром. Думал, что он может понадобится Солу.

- Отошлешь сегодня же экспресс-почтой. "Уважаемый мистер Джаррет!

Представляя интересы своего клиента, запятая, убедительно прошу Вас помочь мне получить сведения о деятельности мисс Карлотты Воэн в тысяча девятьсот сорок третьем - сорок четвертом годах, запятая, когда она находилась на службе у Вашего отца. Точка. Буду премного обязан, запятая, если в понедельник Вы сумеете найти время, запятая, чтобы прийти в мою контору по указанному адресу в одиннадцать утра, запятая, или в половине третьего, запятая, или в шесть вечера. Точка. Искренне ваш".

- Почему бы не пригласить его еще и на девять вечера?

- Ты же знаешь, я не люблю работать после ужина. Впрочем... Хорошо.

Добавь девять часов.

Я повернул к себе пишущую машинку, достал бумагу, копирку и начал печатать.

Час спустя я катил по парковой аллее имени Генри Хадсона со скоростью шестьдесят миль в час и размышлял над положением дел. Я чувствовал неловкость перед нашим клиентом. В пятницу утром я позвонил Эми, сказал, что Джаррет вряд ли может быть ее отцом, и объяснил почему. Вот и все. А ведь она вполне заслуживала право знать, что была права насчет фамилии Деново, что на самом деле ее мать звали Карлотта Воэн. Как-никак за восемь дней, что мы уже занимались ее делом, можно было сказать Эми хотя бы это. Совесть мучила меня и по другому поводу: мне предстоял приятный уик-энд в обществе Лили Роуэн, в то время как Сол, Фред и Орри вкалывали не на страх, а на совесть, пытаясь отыскать иголку в стоге сена.

В воскресенье вечером, возвращаясь домой, я чувствовал себя не лучше.

Уик-энд не удался. Кроме меня, у Лили гостила в этот раз Эми Деново. Так вот, не успел я приехать, как она назвала меня Арчи. Мы сидели все вместе на террасе. Я только-только успел расправиться с бифштексом - Лили и Эми уже поели до меня, - и уписывали черничный пирог когда Эми поднесла к губам сигарету. Я учтиво чиркнул спичкой, а Эми возьми да скажи:

- Спасибо, Арчи.

Лили, конечно, виду не подала - не такой она человек. Но, насколько она знала, мы с Эми встречались всего трижды в течение примерно десяти минут, и тут уж не нужно быть "непредсказуемым скопищем причуд", чтобы призадуматься, в чем дело. Я не мог рассказать Лили, с какой целью Эми наняла Ниро Вулфа, поэтому и не стал этого делать. Но напряженность ощущалась в течение всего уик-энда.

Было, правда, и еще кое-что. Например, к обеду в субботу пожаловала дамочка в зеленом парике, которая доподлинно знала, что президент Джонсон еще три года назад сговорился с Дином Раском, что обрушит на Китай град водородных бомб и сотрут его с лица земли. Именно

этим и объяснялись их действия во Вьетнаме. Конечно, лучше всего, когда имеешь дело с такими людьми, помалкивать в тряпочку, но она вела себя столь нагло и вызывающе, что в конце концов я не выдержал и заговорщическим тоном сообщил ей, что по имеющимся у меня достоверным сведениям, составляющим государственную тайну, сенатор Фулбрайт в свое время крутил роман с одной из наложниц Хо Ши Мина, и что именно этим объясняются его пылкие призывы прекратить бомбардировки.

Увы, я допустил ошибку. Дамочка настолько прониклась моей выдумкой, что остаток трапезы приставала ко мне, выпытывая подробности.

А днем в воскресенье завалилась еще непрошенная компания - знакомая мне парочка, проживающая возле Белфорд-Виллидж, - и некий Флойд Вэнс, который уговорил их взять его с собой, поскольку он давно мечтал познакомиться со мной. На самом деле он рассчитывал с моей помощью познакомиться с Ниро Вулфом. Флойд Вэнс занимался тем, что организовывал презентации, встречи с известными людьми и прочие зрелищные мероприятия. Он выразил готовность организовать презентацию для Ниро Вулфа и тут же воспользовался этим предложением, чтобы расспросить меня, над чем мы сейчас работаем. Я, в свою очередь, хотел было привлечь его к сыскному делу - например, покопаться в прошлом Сайруса М. Джаррета, - но передумал. Видимо, решил я, Вэнс тратил столько времени на то, чтобы улучшать в глазах общественности образы людей, которых представлял, что у него просто не оставалось времени на то, чтобы заняться собственным образом. Однажды я встречал такого человека... Нет, пожалуй, достаточно для одного уик-энда.

Вот почему, возвращаясь домой, я, как я уже говорил, чувствовал себя не в своей тарелке. Порой виной этому оказываются вещи - лопнувшая шина или оторванная от рубашки пуговица, - но чаще всего все-таки люди. С другой стороны, из троих людей, которые подпортили мне настроение, только она, Эми, еще будет продолжать напоминать мне об этом. Лили еще с недельку подует - вполне достаточно, - но я все равно буду держать язык за зубами. Если у двоих близких людей отношения заходят до того, что нужно начинать оправдываться, будьте бдительны.

Я решил, что расскажу Эми, как на самом деле звали ее мать, когда обрету нормальное настроение.

Глава 9

Когда оставляешь номер абонентского ящика вместо собственного адреса и телефона, беда потом в том, что трудно забирать ответы. Тем более когда объявление напечатано сразу в трех газетах. В понедельник я позвонил в десять утра, выяснил, что несколько писем уже есть, и отправился за ними. В "Таймс" получили два письма, а в "Газетт" четыре. Я распечатал и прочел их на месте. Все письма оказались настолько idiotскими, что домой я привез их лишь потому, что всегда храню все имеющее отношение к расследуемому нами делу вещи до его завершения. Одно письмо было от старика, который утверждал, что Карлотта Возн - его бабушка. Возможно, его бабушку и впрямь звали Карлотта Возн, но Элинора Деново он даже не упомянул.

Домой я вернулся в начале двенадцатого. По словам Фрица, мне никто не звонил, но едва я переступил порог кабинета, как зазвонил телефон. Я на ходу кивнул Вулфу, быстро прошел к своему столу и снял трубку.

- Контора Ниро Вулфа. Арчи Гудвин слушает.

Женский голос:

- Доброе утро. Мистер Джаррет хотел бы поговорить с мистером Вулфом.

- Доброе утро. Соедините меня, пожалуйста, с мистером Джарретом.

- А Мистер Вулф у себя?

- Да.

- Пожалуйста, пусть он возьмет трубку.

- Послушайте меня, - я сделал знак Вулфу, - в прошлую пятницу я по поручению мистера Вулфа связывался с мистером Макгреем, и вы попросили, чтобы трубку взял сам мистер Вулф. Теперь звоните вы, а не я. Соедините меня с мистером Джарретом или я положу трубку.

- Повторите, пожалуйста, как вас зовут.

- Арчи Гудвин.

- Одну минутку, мистер Гудвин.

Я засекаю время: прошло две минуты и двадцать секунд. Вулф держал у уха трубку параллельного аппарата.

- Юджин Джаррет у телефона. Ниро Вулф?

- Одну минутку, мистер Джаррет, я вас соединю.

Вулфу следовало бы подождать с минуту-другую, но он так ненавидит телефоны, что мешкать не стал.

- Говорит Ниро Вулф. Слушаю вас, мистер Джаррет.

- Я получил ваше письмо. Я приеду к вам вечером около девяти.

- Прекрасно. Буду премного обязан, как и написал в письме.

Они положили трубки одновременно. Так уже однажды случилось, когда переговоры о встрече длились минут пять, а сама встреча заняла секунд десять. Как раз вчера я прочитал статью в "Нью-Йорк Таймс Мэгэзин", которая давала объяснение таким явлениям: мы живем в эпоху мгновенной связи.

Позвонил Сол - пока пусто. Позвонил Фред - ему удалось разыскать троих людей, которые опознали фотографии, но ничего ценного сообщить не смогли.

Наконец, позвонил Орри из Вашингтона - алиби Джаррета на то лето, в основном, подтверждалось, особенно наиболее интересующее нас время - июль, когда Джаррет лежал с пневмонией в военном госпитале.

Вы, должно быть, подумали, что в обмен на свои деньги клиент до сих пор получил от нас несуразно мало - и вы правы. Когда я прогулялся к почтовому ящику на углу и вернулся, уже настало время обеда. По дороге в столовую Вулф обронил что-то про мистера Кремера и я спросил, не звонил ли он. Вулф ответил, что Кремер, оказывается, приходил к нам в субботу вечером.

Я искренне пожалел, что не был дома и упустил возможность поприсутствовать при их беседе. Вот классический пример того, как много может один человек сказать несколькими словами, и в то же время - как мало он может сказать, излив целый поток слов. Поэтому, вернувшись в кабинет после обеда, я поинтересовался, зачем приходил Кремер. Вулф ответил, что Кремер, как всегда, хотел кое-что выяснить, но что для нас от его прихода никакого толка не было.

Я поудобнее устроился в кресле и закинул ногу за ногу.

- Я не считал, - сказал я, - но не меньше тысячи раз я дословно передавал вам разные разговоры. Не могу приказывать вам это сделать, поскольку платите мне вы, а не наоборот, но попросить могу. Итак, я прошу.

Уголок рта Вулфа вздернулся на одну шестнадцатую дюйма. У него это означало широчайшую улыбку.

- Моя память на уступает твоей, Арчи.

- Значит, вы не слишком устанете. Но я прошу - дословно.

- Хорошо. - Он прищурился. - Итак... Мистер Кремер пришел в начале седьмого. Впустил его Фриц. Мы...

- Мне нужно точное время.

- Не знаю. Часов я не ношу, как тебе известно. Мы обменялись приветствиями, и он сел.

"Кремер: Где Гудвин?

Вулф: Не здесь, как видите.

Кремер: Да, вы непревзойденный мастер по части увиливания от ответа.

Тогда я спрошу по-другому. Неделю назад, в субботу, девятнадцатого августа Гудвин позвонил сержанту Стеббинсу и задал ему несколько вопросов о происшедшем три месяца назад несчастном случае, при котором погибла женщина по имени Элинон Деново. И наплел Стеббинсу с три короба о том, что вы тут, дескать, просто точили лясы на криминальные темы. В понедельник утром я пришел и спросил Гудвина в лоб, с какой целью он звонил Стеббинсу, Гудвин заявил, что ни ему, ни вам не известно про этот случай ничего, кроме того, что было в газетах. И что никто к вам по этому поводу не обращался. И еще, что единственный ваш клиент - девушка, которая просит помочь разыскать ее отца. Жаль, что Гудвина нет. Где он?

Вулф: Его нет, мистер Кремер. А задавать вопросы таким тоном вы мне будете только тогда, когда я увижу подписанным ордер.

Кремер: Хорошо, я спрошу иначе. Если к вам никто не обращался по поводу того дела о наезде, почему вы тогда предлагаете пятьсот долларов за информацию об Элинон Деново? Значит, Гудвин опять наврал?

Вулф: Нет. Могу только повторять то, что он сказал вам неделю назад.

Это чистая правда. Я..."

Вулф на миг замолк, потом выпалил:

- А как он, черт возьми, узнал, что объявление поместил я?

Я развел руками.

- Кто-то в какой-то газете решил оказать услугу какому-то полицейскому.

Если я выясню, у кого рыльце в пушку, вы можете написать гневное письмо издателю.

- Фу. Ладно, продолжим.

"Вулф: ...это чистая правда. Я не занимаюсь этим наездом. А интерес моего клиента к Элинон Деново связан не с ее матерью, а с тем временем, когда она была жива. Вам следовало понять это из текста объявления, в котором речь идет о давно ушедших годах.

Кремер: Кто такая Карлотта Возн?

Вулф: Вы сегодня туго соображаете, мистер Кремер. Разве не очевидно, что Карлотта Возн и Элинон Деново - одно и то же лицо? Остальные сведения, полученные мной от клиента, носят конфиденциальный характер и никак не связаны с наездом.

Кремер: Вы не можете знать это наверняка. Когда я расследую уголовное дело, только я могу решать, что имеет к нему отношение, а что нет.

Вулф: Неужели я должен опять повторять? Снова должен напоминать вам, что до тех пор, пока дело не завершится, мои логические умозаключения принадлежат только мне и никому другому. Утаиваю ли я какие-либо сведения от блюстителя правосудия? Да. Имеют ли они отношение к проводимому им расследованию? Нет. И вам еще никогда не удавалось заставить меня поменять это "нет" на "да". Добейтесь этого, и я полностью в ваших руках.

Кремер: В один прекрасный день я этого добьюсь, черт побери! Вы у меня тогда попляшете".

Вулф махнул рукой в сторону прихожей, выпроваживая воображаемого Кремера.

- В следующий раз я запишу разговор на магнитофон. Вопросы?

Я сел поудобнее.

- Вопросов нет, но есть два замечание. Во-первых, мне кажется, что вы опустили пару слов, особенно одно, которое так любит Кремер. Это, между прочим, проявление той самой цензуры, против которой вы так выступаете.

Во-вторых, в самом этом деле о наезде есть что-то загадочное. Кремер не стал бы тратить время на дело трехмесячной давности, даже при условии, что вы заинтересовались жертвой происшествия, если бы в этом деле не было какой-то изюминки. Я уверен, тут есть некая заковыка. Впрочем, как вы изволили подметить, нас интересует жизнь Элинор Деново, а не ее смерть. Спасибо за доклад. Вполне приемлемо.

Вулф нажал на кнопку - два коротких звонка и один длинный. Сигнал, что пора подавать пиво.

В течение следующих трех часов я пытался наскрести хоть какую-то информацию о Юджине Джаррете. В "Кто есть кто" его не оказалось, а поскольку больше ничего подходящего в кабинете не нашлось, я отправился на охоту. В архиве "Газетт" хранилось всего четыре вырезки, из которых удостоенным чести попасть в мою записную книжку оказались две: 18 ноября 1951 г.

Джаррет-младший женился на Адель Болдуин, а в декабре 1959 г. он стал вице-президентом "Сиборд Бэнк энд Траст компани". Лон Коэн о нем и слышать не слышал; не могли мне помочь и двое редакторов, которым позвонил Лон. На обратном пути я заскочил на шестнадцатый этаж проверить, не поступили ли новые отклики на объявление, и мне выдали еще два конверта, в которых содержалась такая же дребедень, что и прежде.

В "Таймс" меня ждал один конверт из той же серии, а в местном архиве мне удалось выяснить, что Юджин Джаррет закончил Гарвард в 1945 году, а в 1963-м он был одним из спонсоров торжественного ужина в чью-то честь.

Но самое большое разочарование постигло меня в нью-йоркской публичной библиотеке, где я уже из чисто ослиного упрямства провел целый час. Вы не поверите, но, потратив все это время, я не сумел даже узнать, есть ли, например, дети у вице-президента третьего по величине банка в Нью-Йорке.

Домой я вернулся в шесть часов вечера. Когда спустился Вулф, я сказал, что, лишь однажды взглянув на Юджина Джаррета, он узнает о нем больше, чем узнал я за весь день. И тут же позвонили в дверь.

Что ж, я вновь оказался прав. Встретив, сопроводив в кабинет и усадив Джаррета, я успел получить о нем хоть некоторое представление. Если считается, что вице-президент крупного банка должен выполнять возложенные на него обязанности, то Джаррет совсем не походил на банкира. Юджин Джаррет разительно отличался от своего папаша. Особенно - глазами. Они у него тоже были голубовато-серые, но на этом сходство кончалось. Даже когда Юджин смотрит на вас, у вас создается впечатление, что он вас не видит, а пристально рассматривает что-то другое - яхту, о которой давно мечтал, или хорошенькую девушку, сидящую на облачке. У меня подобные мысли возникают нечасто, поэтому можете судить сами, какие у него были глаза. Глупо даже предполагать, то такой человек станет работать. Все остальное у Джаррета-младшего на первый взгляд было в порядке - примерно моего роста, широкоплечий, лицо непримечательное. Сев в кресло, он осмотрелся по сторонам, не обращая внимания на нас с Вулфом. Похоже, ему нравился ковер, но еще дольше его взгляд задержался на глобусе. Такой и в самом деле редко увидишь - как-никак, тридцать пять с половиной дюймов в поперечнике.

Наконец Юджин Джаррет перевел взгляд на Вулфа и сказал:

- Занятная у вас работенка, мистер Вулф. Люди приходят к вам в поисках ответов, словно к дельфийскому оракулу. Но вы, конечно, не гадалка и не предсказатель будущего - этим занимаются только шарлатаны. Кто же вы в таком случае - ученый или великий артист?

Вулф нахмурился.

- Давайте не будем навешивать ярлыки, мистер Джаррет. Ярлыки предназначены для творений человеческих рук, а не для самих людей.

Джаррет кивнул.

- В конце концов все в наших руках - даже ярлык можно изменить. Я, например, несколько раз изменял мнение о своем отце. Это просто так, кстати.

В своем письме вы упомянули моего отца только в связи с тем, что Карлотта Воэн некоторое время состояла у него на службе, но Берт Макгрей рассказал мне о том, как вы обратились к моему отцу и что из этого вышло. Он сказал также, что следующая мишень - я. Давайте сперва покончим со мной. Вы подозревали, что мой отец был отцом ребенка Карлотты, но потом под давлением доказательств пришли к заключению, что он невиновен, и тогда решили, что виновник - я, так?

- Не "решили". Пришли к логическому выводу или умозаключению. Или даже - высказали догадку.

- Неважно. Вас ждет еще одно разочарование. Узнав об этом от Берта Макгрея и потом еще из вашего письма, я решил сберечь вам время и затраты, и заодно избавить от неприятностей себя и рассказать вам что-то такое, о чем кто-то может строить предположения или догадки, но чего никто доподлинно не знает. Итак, сегодня утром я позвонил своему врачу.

Он повернулся ко мне.

- Вы Арчи Гудвин?

- Да.

Джаррет полез в карман, достал кожаный бумажник, вынул из него визитную карточку и протянул мне. Я подошел и взял ее. Джеймс Одел Уортингтон, доктор медицины" - было вытиснено на карточке.

- Доктор Уортингтон примет вас завтра. В девять утра, - сказал Джаррет.

- Не опаздывайте: он очень занятой человек. Он подтвердит вам, что от меня никогда не могла забеременеть никакая женщина. У него высокая репутация, и он ни за что не стал бы ставить ее на карту, если бы существовала хоть малейшая вероятность того, что он может ошибиться.

Юджин Джаррет повернулся к Вулфу:

- Вы сообщили в своем письме, что вам нужна информация о Карлотте Воэн.

Я бы на месте Вулфа послал его ко всем чертям. Если Вулф и придерживался того же мнения, то выдавал себя лишь тем, что кончиком указательного пальца выводил маленькие круги на пресс-папье. Он спросил:

- Доктор Уортингтон уже был знаком с вами в тысяча девятьсот сорок четвертом году?

- Да, он был в числе тех врачей, что пытались спасти мою мать. Он терапевт, но даже попав в руки онкологов, моя мать продолжала надеяться именно на него. - Он досадливо махнул рукой. - Задавайте мне любые вопросы про Карлотту Воэн, хотя я и сомневаюсь, что смогу вам помочь. Она изменила имя и фамилию и стала Элинон Деново, у нее двадцатидвухлетняя дочь, и в течение двадцати двух лет мой отец ежемесячно посылал ей чеки на тысячу долларов. Так?

- Да.

- Тогда я придумаю для него новый ярлык. Это просто фантастично. И не укладывается ни в какие мои представления о нем. Дело не в том, что он уклонился бы от ответственности; напротив, он чрезвычайно ответственный; но он всегда сам принимает решения - должен ли он отвечать или нет. Он бы, безусловно, не ощущал себя ответственным, если бы Карлотта Воэн, или любая другая женщина, или даже дюжина женщин вдруг забеременели от меня. Берт Макгрей считал, что она могла шантажировать отца, но я в это не верю. Мой отец никогда не уступал шантажистам

- это абсолютно невероятно. Эвери Баллу сказал мне, что Элинор Деново погибла. Но неужели она никогда никому не говорила, зачем приходят эти деньги?

- Будучи жива, никому. Но в письме, которое ее дочь вскрыла после смерти матери, было сказано: "Эти деньги от твоего отца". И потом еще:

"...Эти деньги прислал твой отец". У нас с мистером Гудвином нет причин сомневаться в этих словах.

- Потрясающе! Просто невероятно!

Джаррет прищурился, потом вскочил и начал мерить ногами кабинет.

- Сидя, я хуже соображаю, - пояснил он. Потом подошел, посмотрел на книжные полки, повернулся к глобусу и задумчиво покрутил. Затем остановился посреди кабинета, уставившись на меня, словно узнал во мне ту самую хорошенькую девушку, что сидела на облачке, - помните? Наконец повернулся к Вулфу и произнес:

- Вы, должно быть, знаете, что в банке я равным счетом ничего не делаю.

Не лежит у меня душа к финансам. Но держат меня там и платят большое жалование не потому, что мой отец владеет контрольным пакетом акций и не желает с ним расстаться. Считается, что я обладаю интуицией. Не знаю, как вам это объяснить, но дело в том, что порой я вижу то, чего никто из них не видит. Это получается как-то само собой, специально заставляя себя что-то так увидеть я не могу. Так вот, больше всего на свете мне хотелось бы суметь заглянуть в душу своего отца!

Джаррет прошагал к красному кожаному креслу и уселся.

- Бесплезно задавать мне вопросы про Карлотту Воэн. Берт Макгрей сказал, что ее ребенок был зачат летом сорок четвертого. В то лето я работал на заводе военных материалов в Калифорнии, поскольку призывная комиссия меня забрала. Так что помочь вам я не в состоянии.

Он снова вскочил.

- Давайте поужинаем вместе, - брякнул он вдруг ни с того ни с сего, глядя на Вулфа. - И вы тоже, - добавил он, обращаясь ко мне. - Не знаю почему, но порой мне вдруг ужасно одиноко.

- Боюсь, что от нас с мистером Гудвином проку будет мало, - ответил Вулф. - Мы сейчас в крайне затруднительном положении. В своем письме вам я написал, что буду премного обязан, если вы сумеете найти время на то, чтобы прийти в мою контору. Беру назад свои слова. Я теперь уже не чувствую себя обязанным.

- Я вас понимаю, - ответил Джаррет. - Но это не моя вина. Мне казалось, что я наконец понял, что за человек мой отец, но я ошибался! Ничего, я своего добьюсь. Во что бы то ни стало.

Я запер за ним дверь, вернулся в кабинет и остановился, глядя на Вулфа.

Он сидел, наклонив голову, и исподлобья пялился на глобус. Просидев так секунд десять, он приподнял голову и прорычал:

- Сядь! Ты же знаешь, что я люблю, когда глаза на одном уровне, черт возьми!

- Ага. Желаете, чтобы я извлек колючки и промыл раны?

- Нет. Сколько мы уже потратили?

Дело принимало серьезный оборот. Вопрос этот в устах Вулфа означал следующее: "Если я захочу вернуть задаток и бросить это дело, сколько я потеряю?" Правда, случалось такое, конечно, нечасто, но и не правдоподобным отнюдь не представлялось. Я прошел к своему креслу и сел.

- Согласен, - произнес я, - в более безнадежном положении мы еще не оказывались. Я прекрасно понимаю, что вам эта задачка не по зубам, но, может быть, все-таки протянем еще, пока не сработает интуиция Юджина. А уж тогда возьмем пропавшего папашу с поличным, завернем в бумажку и преподнесем Эми тепленьким. Она подумает...

- Замолчи!

О, совсем другое дело. Значит, не все еще потеряно. Вулф ожег меня злобным взглядом и прорычал:

- Так мы больше не занимаемся этим мозгляком?

Мне показалось, что это удар ниже пояса - обозвать вице-президента мозгляком лишь потому, что бедняга не в состоянии зачать ребенка.

- Нет, - сказал я. - Ставлю на кон любую сумму, что это бесполезно.

Конечно, с врачом я поговорю для очистки совести, но вы можете уже смело выкинуть его из головы.

- А как насчет мистера Макгрея?

Я ухмыльнулся.

- Я целиком на вашей стороне, - сказал я. - Мне это тоже пришло в голову в ту самую минуту, когда я выпроваживал Джаррета-младшего. Только благодаря ему мы узнали, что чеки оплачивал Сайрус М. Джаррет. А ведь доказательств он не представил. С таким же успехом чеки мог оплачивать сам мистер Макгрей. Была ли у него возможность сделать Карлотту Воэн матерью тем летом? Безусловно. Правда, в таком случае Джаррет не должен был знать про чеки и мог просто смело спустить меня с лестницы, не вступая в пререкания.

Я махнул рукой.

- Прочитую. Джаррет сказал: "Эти чеки лежат в архиве "Сиборд Бэнк энд Транс компани". Кто вам про них рассказал? И почему на следующий день у него были уже заготовлены все цифры и даты? Нет, не выходит, - я потряс головой.

- Чеки определенно посылал сам Сайрус М. Джаррет. У вас было целых две минуты, чтобы обмозговать кандидатуру Макгрея, и я удивлен, что вы ее не отвергли.

- Ты говорил с мистером Джарретом, а я нет.

- Я не испытываю желания встречаться с ним снова. Выкиньте Макгрея из головы.

- Тогда мы в тупике.

- У нас есть еще Сол, Фред и Орри. И я. И, извиняюсь, конечно, в некотором роде - вы.

Вулф метнул взгляд на свою текущую книгу, как всегда лежавшую на столе, раскрыл ее, потом швырнул на стол и злобно воззрился на меня.

Глава 10

Шестьдесят восемь часов спустя, в четверг в три часа пополудни мы с Вулфом в самом мрачном настроении сидели в кабинете. С понедельника мы не продвинулись вперед ни на дюйм - кроме пяти сыщиков, включая нас самих, у нас по-прежнему не было ровным счетом ничего.

Но сперва о том, как закончилась история с Юджином Джарретом. Во вторник без десяти девять утра я вышел из лифта на десятом этаже здания на Парк-авеню, назвал свою фамилию сидящей за столиком женщине и прошел в просторную приемную, вдоль стен которой стояли двадцать кресел. Девять из этих кресел были уже заняты людьми, которые выглядели довольно мрачно.

Да и чего веселиться, когда сидишь перед дверью с табличкой, на которой начертаны фамилии сразу четырех врачей. В девять двадцать ко мне подошла другая женщина и проводила по коридору до кабинета Уоррингтона.

Войдя, я увидел сидевшего за письменным столом седовласого мужчину со щетинистыми черными бровями и широким ртом с опущенными краями. Закончив строчить в блокноте, он

кивнул мне и поинтересовался, я ли Арчи Гудвин. Я ответил, что да, а он добавил, что поскольку дело очень щекотливое и личное, то он хотел бы получить доказательства...

Я не стал спорить, вытащил из кармана бумажник и предъявил ему мою лицензию и водительские права. Уортингтон снова кивнул и посмотрел на наручные часы.

- Я согласился вас принять только потому, что мистер Джаррет сказал мне, что дело очень срочное. Он попросил меня подтвердить вам, что он стерилен и не мог зачать ребенка. Вот я вам это и подтверждаю. Это правда.

- Если позволите, - попросил я, - я бы хотел сам в этом убедиться. Вы это знаете из своего личного опыта, а не понаслышке?

- Я бы не стал так категорично заявлять, если бы знал об этом понаслышке, - отрезал Уортингтон. - В течение семнадцати лет я четыре раза осматривал Юджина Джаррета и делал соответствующие анализы. Могу сообщить вам следующее: сперматозоидов в его семейной жидкости крайне мало, они практически нежизнеспособны и среди них очень много аномальных форм. Это совершенно точно.

- Спасибо. Но семнадцать лет назад был еще только пятидесятый год, А как насчет сорок четвертого?

Уортингтон помотал головой.

- Чрезвычайно маловероятно. Я слежу за этой семьей с тысяча девятьсот сорокового года. Если в сорок четвертом году Юджин Джаррет был еще здоров, то вызвать стерильность могло только такое инфекционное заболевание, как паротит или свинка, а он ими не болел.

Он метнул взгляд на часы.

- Мистер Джаррет сказал, что это все, что вам требуется. Если речь идет о том, мог ли он быть отцом, то это совершенно нелепо, и я готов подтвердить свои показания в суде.

Я поблагодарил его и вышел.

Итак, Юджин Джаррет больше нас не интересует. И все же на обратном пути я заскочил к доктору Волмеру, дом которого стоит невдалеке от нашего, и порасспросил его насчет репутации Джеймса Одела Уортингтона, жизнеспособности сперматозоидов и так далее; после этого я решил окончательно забыть про Юджина Джаррета.

С Сайрусом М. Джарретом тоже было покончено, когда в среду из Вашингтона прилетел Орри с тремя блокнотами, исписанными подробностями пребывания Джаррета в Европе и Африке летом сорок четвертого. Все даты и события, о которых рассказывал Джаррет, полностью подтвердились.

В понедельник вечером после ужина я прошвырнулся к Эми Деново и провел с ней два часа. То, что ее мать на самом деле звали Карлотта Воэн и она была родом из Висконсина, не произвело на Эми впечатления. Не слишком заинтересовало ее и то, что мы исключили обоих Джарретов из числа ее возможных отцов; ее не интересовали мужчины, которые не были ее отцами, - ей нужен был только тот из них, который был ее отцом. Я честно признался, что мы уже больше не роемся в биографиях подозреваемых, а занимаемся только поисками такого подозреваемого, и еще неизвестно, сколько времени могут занять такие поиски. Эми выразила сожаление, что не побилась со мной об заклад, когда я похвастал, что мы в три дня отыщем ее отца.

Сол и Фред продолжали заниматься безнадежными поисками вплоть до вторника. Во вторник же я получил еще семь откликов, из которых три решено было проверить, и Вулф отозвал наших ищек.

Отправившись по одному из указанных адресов на Западную Пятьдесят четвертую улицу, Сол побеседовал с владельцем обувной лавки, который написал, что в сорок четвертом году Карлотта Воэн в течение нескольких месяцев была его клиентом. Сол предъявил ему для опознания фото Карлотты вместе с фотографиями еще шести молодых женщин, и обувщик без колебаний указал

на Карлотту. Ни про какую Элино́р Дено́во он не знал, но зато вспомнил, что Карлотта посещала его лавку тем самым летом, поскольку в августе во Франции погиб его сын. Адреса ее обувщик никогда не знал и больше ничего припомнить не мог. Сол уплатил ему пятьсот долларов и принялся ходить по близлежащим домам.

Письмо, которое досталось Фреду, было от женщины, которая в тысяча девятьсот сорок четвертом году работала в "Олтмане". Она также опознала Карлотту Воэн по фотографии, заработав свои полтыщи, но даже не смогла вспомнить, приходила ли Карлотта одна или с кем-нибудь.

Наконец, третий отклик, пришедший в "Газетт", был от Сальваторе Манцони, который в течение последних пятнадцати лет работал официантом в "Сарди". В сорок четвертом году он был официантом в "Туфитти", ресторане на Восточной Сорок шестой улице, который закрылся в сорок девятом году. Как выяснилось, в сорок четвертом году в течение нескольких месяцев Карлотта два или три раза в неделю ужинала за одним из столиков, которые он обслуживал. Он мигом выбрал ее фотографию из десятка предложенных ему на выбор, и он знал, что девушку звали Карлотта Воэн, поскольку она часто бронировала себе столик.

Самое же главное заключалось в том, что Сальваторе Манцони, судя по всему, видел воочию отца Эми, и не один, а много раз, поскольку Карлотта Воэн всегда ужинала с одним и тем же мужчиной. Когда я впервые об этом услышал, у меня похолодела спина - я даже представил, что в следующую секунду узнаю его имя. Но увы. Не то чтобы Сальваторе Манцони забыл имя спутника Карлотты, но он даже не знал, как его зовут. Карлотта всегда звонила сама. Впрочем, Сальваторе не исключал, что мне может помочь кто-то другой, например, Джузеппе Туфитти, бывший владелец и управляющий ресторана. Если он еще жив, конечно.

От описания спутника Карлотты толку было немного, и не только потому, что прошло уже двадцать три года. Вот что я узнал. Возраст лет тридцать с небольшим. Рост: около шести футов. Вес: примерно сто семьдесят фунтов.

Плечи: довольно широкие, возможно, чуть сутуловатые. Голова чуть крупнее обычного. Лицо: не круглое, возможно, немного удлиненное: не бледное, немного смуглое. Волосы: темно-русые. Глаза: карие (предположительно). Нос, рот, уши и подбородок: да, они у него были.

Если вам удалось предоставить его себе, то с воображением у вас обстоит лучше, чем у меня. Конечно, ни Джарретам, ни Макгрею такое описание не подошло бы, но мы уже и так списали их со счета.

Следующие сорок восемь часов мы посвятили поискам ресторанного спутника Карлотты Воэн. Найди мы его - и двадцать против одного, что отец Эми оказался бы в наших руках. Сол, Фред, Орри и я буквально сбились с ног, но безрезультатно.

Итак, в четверг в три часа пополудни мы с Вулфом в самом мрачном настроении сидели в кабинете. Сол, Фред и Орри продолжали розыски, но мы уже потеряли всякую надежду. Вулф откупорил уже вторую бутылочку пива после обеда, что превышало его норму, а я налил себе стакан ирландского виски на кухне, словно последний забулдыга, пытающийся утопить горе в вине.

Посмотрев на Вулфа, который сидел с закрытыми глазами и поджав губы, я произнес:

- Если вы пытаетесь подсчитать наши расходы, то мы потратили уже больше трех тысяч, не считая моего жалованья.

Вулф потряс головой, но глаза открывать не стал.

- Я строю предположения. Я исхожу из того, что отец мисс Деново убил ее мать и что проще разыскать его как убийцу, чем как пропавшего отца, поскольку отцом он стал двадцать два года назад, а убийцей сделался лишь три месяца назад. Еще одно допущение: мотивом для убийства явилось некое недавнее событие, в курсе которого вполне может быть Реймонд Торн или кто-то из

его подчиненных, который общался с Элинор Деново. - Глаза Вулфа открылись. - Я начну с мистера Торна.

Я отставил стакан с остатками ирландского виски в сторону.

- Боже Всемогущий! Это, пожалуй, самое сумасбродное предприятие из всех, что вы до сих пор затевали.

- Возможно. Но сидеть сиднем день за днем, получая совершенно бесполезные донесения от тебя, Сола, Фреда и Орри, мне тоже надоело. Это нарушает мой аппетит и мешает наслаждаться пищей. А сегодня утром я даже дважды перечитал одну и ту же страницу. Это невыносимо. Ты можешь вызвать сюда мистера Торна к шести часам?

- Могу попытаться. Это у вас колика, или вы и в самом деле хотите потрудиться?

- У меня не бывает коллик.

- Это мы обсудим в другое время. У меня есть предложение. Помните, я говорил вам в понедельник, что Кремер не стал бы тратить время на дело трехмесячной давности, если в этом деле не скрывается какая-то изюминка. Так вот, нам не помешало бы знать правду. Я прошу вашего разрешения посетить Кремера и спросить его.

- А с какой стати он тебе расскажет?

- Положимся на мой собственный опыт и интеллект, если я верно вас процитировал.

- Но ты не можешь назвать ему имя нашего клиента.

- Нет, конечно. Хотя мне кажется, что Кремер уже его знает, прочитав наше объявление.

- Хорошо, я согласен. Но сначала договорись с мистером Торном.

Мне понадобился почти час, чтобы разыскать Реймонда Торна, поскольку он был где-то на съемках. Торн сказал, что к шести он приехать не сможет, но согласился на девять. С Кремером никаких хлопот у меня не было - он сидел на месте и согласился меня принять. Вулф поднялся в оранжерею, а я отправился на кухню известить Фрица о своем уходе.

Кабинет у Кремера был, конечно, тесноват, стол слишком мал, да и стулья для посетителей не отличались особым удобством. Впрочем, Кремер вообще был консерватор. Например, его заношенная фетровая шляпа в те минуты, когда покидала голову инспектора, всегда лежала в углу стола, хотя вешалка была прибита буквально в шаге оттуда. Я присел на стул и смиренно ждал, пока Кремер закончит изучать бумаги в раскрытой папке. Когда он захлопнул папку и поднял на меня глаза, я сказал:

- Я принес свежие новости. Мы начали работать над этим делом о наезде.

Мистер Вулф велел, чтобы я вам это сказал, поскольку раньше мы этим делом не занимались. Кремер решил пустить мне пыль в глаза.

- Какой еще наезд? - с невинным видом поинтересовался он.

- Двадцать шестого мая тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года женщина по имени Элинор Деново переходила через Восемьдесят вторую улицу возле...

- А, вспомнил. Стало быть, вы решили взяться за это дело. Вулфу понадобилось что-то узнать, и он подослал тебя. Пусть катится ко всем чертям.

Я кивнул.

- Тем не менее, будучи так заняты, вы согласились меня принять, так что вам тоже любопытно узнать, что известно Вулфу. Я буду краток и отвечу на ваши вопросы - в пределах разумного, конечно. Мы говорили вам правду и одну только правду, единственный наш клиент - женщина, которая просит нас разыскать ее отца, которого она никогда не видела, но очень хочет это выяснить. Мы напали на три следа, вышли на подозреваемых, но все следы оказались ложными. Две недели ушли коту под хвост. Поэтому час назад мистер Вулф решил, что ему легче найти убийцу, чем отца - следовательно, отец и есть убийца. Сами понимаете, обычно его мозг

функционирует по-другому, но в данном случае сработал не мозг, а пищеварительный тракт. Думаю, у него был просто колик, хотя Вулф утверждает, что колик у него не бывает. Просто у него нарушился аппетит. Словом, он хватается за последнюю соломинку и поручил мне купить у вас улику. Если в этом деле имеется хоть одна самая заваливающая улика, о которой не пронюхали газетчики, то мистер Вулф дает вам свое честное слово, что первый же заслуживающий внимания факт, который мы раскопаем, мы передадим вам, прежде чем воспользуемся им сами. По крайней мере, за две минуты. Я тоже готов дать вам мое честное слово, хотя вы мне и не поверите.

Вопросы.

Кремер поднял трубку интерфона, буркнул в нее: "Кофе!", положил на место и развернулся на вращающемся стуле ко мне, чтобы не вертеть шеей.

- Мы не стали вызывать Эми Деново, - заявил он. - Ясное дело, после вулфовского объявления мы сразу поняли, что именно она - ваш клиент, но в июне мы буквально вывернули ее наизнанку, так что больше нас спрашивать ее не о чем. А вам, стало быть, так и не удалось разыскать ее папашу?

- Нет, он как в воду канул. А зачем вы приходили ко мне и звонили Вулфу?

- Ты же сам звонил Стеббинсу, а я, насколько тебе известно, всегда подозреваю, что дело нечисто, как только в игру вмешивается Вулф. Потом я надеялся, что он сможет назвать мне человека, который курит сигары определенного сорта.

- Я знаю одного парня, который курит "Монте-Кристо". Ему их привозит знакомый шкипер.

- Да, ты и в морге будешь паясничать. Так вот, у нас и в самом деле есть интересующая тебя улика, только проку с нее мало. Можно с таким же успехом рассказать об этом по телевидению. Мы располагаем девятью отпечатками пальцев человека, который сидел за рулем машины, совершившей наезд. Шесть из них - совершенно идеальные.

Открылась дверь, и в проеме возник облаченный в полицейскую форму блюститель порядка, который принес Кремеру старый, покоробленный поднос с кофе. Кремер кивнул и принялся наливать из кофейника дымящийся напиток.

- Неужели этот балбес не знал о том, что существуют перчатки? - спросил я.

Кремер отставил кофейник в сторону.

- В машине перчаток не оказалось. А вот кожаный портсигар на полу мы нашли. Должно быть, водитель решил закурить в ожидании своей жертвы, но тут она внезапно появилась, и он отбросил портсигар на сиденье и...

Я приподнял брови.

- Значит, по-вашему, это было предумышленное убийство?

Кремер отхлебнул кофе. Я невольно поежился - сам-то я могу отпивать такой горячий кофе только крохотными глоточками.

- Пусть уж Вулф сам решает, - сказал Кремер. - Мало того что ему в рот такой кусок положили, так еще и разжевать за него? Нет уж, пусть сам ковыряется. А вот в картотеке этих отпечатков нет - ни в Вашингтоне, ни в Лондоне. В портсигаре было две сигареты "Голд Лейбл Бонита". А я, зная, на какие штучки способен Вулф, придя к нему, вполне мог рассчитывать, что он спросит, не желаю ли я познакомиться с человеком, который курит "Голд Лейбл Бонита", но вот беда - где-то потерял портсигар.

Он снова отпил кофе.

- Если портсигар у вас где-то недалеко, я бы хотел взглянуть на него, - попросил я. - Хотя бы опишите его мистеру Вулфу.

- Он в лаборатории. Черный отполированный, телячьей кожи, не новый, но и не заношенный, со штампом "Корвин Делюкс". Больше ничего примечательного.

- Надеюсь, что владелица этой машины...

Дверь распахнулась, и вошел полицейский.

- Ну что? - спросил его Кремер.

Оказалось, что сержант Такой-то привел мистера Имярек. Я поднялся. Все равно вопрос, который едва не слетел с моих губ, был слишком дурацкий. Есть даже в этой уголке неплохие головы и кто-то наверняка догадался спросить у владелицы угнанного автомобиля, не ей ли принадлежит этот портсигар.

Глава 11

Реймонд Торн опоздал больше чем на полчаса. Когда в дверь позвонили, было уже без двадцати десять. Я представил Торна Вулфу, усадил в красное кожаное кресло, поинтересовался, что он хочет выпить, и отправился на кухню за бренди и стаканом воды.

Когда отзвонили три наших тера и доложили, что ничего нового не нашли, Вулф велел им собраться у него в кабинете в девять утра на следующее утро. А тремя терами они стали с тех пор, как Орри на одной из таких встреч сказал, что они с Солом и Фредом - три мушкетера. С тех пор мы ломали головы, как бы их лучше назвать. Мы перепробовали детектеров, филетеров, хвостотеров, вулфотеров, сыскнотеров и других, но в конце концов остановились просто на терах. Они еще не знали, что теперь мы разыскиваем убийцу, а не отца; я приберег эту новость наутро, чтобы они спали без кошмаров.

Возвращаясь с Двадцать первой улицы, я остановился на углу у табачного киоска и приобрел парочку сигар "Голд Лейбл Бонита" (кстати, только с третьей попытки - в двух других киосках этих сигар не оказалось) по шестьдесят пять центов за штуку, так что мы с Вулфом как следует налюбовались на них. Средней толщины, длиной четыре и три четверти дюйма, довольно тупые с обоих концов. Каждая сигара упакована в целлофановую трубочку, на которой значится "Голд Лейбл" и никакой "Бониты". Слово "Бонита" красуется только на коробке. Я закурил одну из сигар и несколько раз затянулся, но ни Вулф, ни я не смогли бы поклясться под присягой, что, войдя в прокуренную комнату, мы распознали бы аромат именно "Голд Лейбл Бониты". Вторую сигару я бросил в ящик, после чего дословно передал Вулфу наш разговор с Реймондом Торном десятидневной давности.

Пригубив рюмку с бренди, Торн заявил, что было бы совершенно изумительно заснять крупным планом Вулфа за столом, усыпанным орхидеями, для минутного рекламного ролика. Сам-то он рекламами не занимается, но вот его приятель сделал бы из нее просто конфетку! Вулфу пришлось почесать губы костяшкой пальца, чтобы подавать слова, которые рвались наружу. Как-никак, Торн еще мог ему пригодиться, чтобы отыскать убийцу.

- Мой приятель с удовольствием зайдет и обсудит с вами этот вопрос, - закончил Торн.

- Это может подождать, - сдержанно ответил Вулф. - Сейчас я слишком занят расследованием. От имени мисс Деново хочу поблагодарить вас за то, что вы согласились прийти ко мне. Я знаю, что вы сказали мистеру Гудвину что вряд ли сможете нам помочь, но зачастую оказывается так, что люди располагают какими-то важными сведениями, но даже не подозревают об этом.

Однажды мне целых три дня пришлось допрашивать одну молодую женщину по совершенно пустячному, как ей казалось, вопросу и в итоге я выудил из нее один факт, который сразу изобличил убийцу.

- Боюсь, что не смогу потратить на это целых три дня, - сказал Торн, отпивая бренди. - Замечательный коньяк. Кстати, судя по этому объявлению, вам известно больше, чем мне. Это ведь ваше объявление в "Таймс", верно?

- Да.

- Только при чем здесь какая-то Карлотта? Фамилия Элинора была Деново, и дочь ее - Эми Деново.

- К сожалению, я не могу ответить вам на этот вопрос, мистер Торн.

Юридические разговоры клиента с нанятым им частным сыщиком не защищены, но тем не менее они зачастую носят конфиденциальный характер.

- Гудвин сказал мне по телефону, что вы зашли в тупик.

- Да, мы просто приперты к стенке.

- Но вы по-прежнему считаете, что Элинора убили преднамеренно?

- Мисс Деново считает так, как рассказал вам мистер Гудвин десять дней назад. А я? Я тоже, но причины могут показаться вам неубедительными. Но вас я пригласить сюда не потому, что слепо мечусь в темноте или пытаюсь отыскать иголку в стоге сена. Вполне логично предположить, что убийство было спровоцировано неким событием, свидетелем которого вы могли вольно или невольно быть. Кстати, как вы обращались к ней при разговоре - мисс Деново или Элинора?

- Элинора.

- А сколько еще людей называли ее Элинора?

- А зачем... Одну минутку... Трое. Нет, четверо.

- Их имена.

- Послушайте. - Торн взмахнул рукой. - Это уже какая-то околесица. Если так пойдет, то нам и за три недели не управиться, не говоря уже о трех днях.

Гудвин сказал, что в этом деле может быть замешан кто-то из тех, кто знал ее по работе, а я заявляю вам со всей ответственностью, что это абсолютно невозможно. Личных отношений с ней не было ни у кого. Даже у меня. Мы часто обедали и ужинали вместе, даже иногда завтракали, но разговаривали только на деловые темы. - Он повернулся ко мне. - Я уже говорил вам, что у нее были определенные правила, переступать через которые не позволялось. - И снова Вулфу:

- Я, конечно, назову вам имена, но еще раз говорю - это совершенно бесполезно.

- Возможно. Тогда попробуем по-другому. Когда и где вы видели Элинора в последний раз?

- В ту пятницу на студии, примерно в полдень. Я собирался лететь на встречу с одним сценаристом.

- На какой студии?

- На моей, разумеется.

- Она не говорила, что собирается делать вечером?

- Говорила. Она собиралась на просмотр одного фильма, чтобы поглядеть на игру актера, которого мы хотели тоже использовать.

- А где была эта премьера? В кинотеатре?

- Нет, на стадионе в Бронксе. Поэтому она и взяла машину. Впрочем, полиция уже все это проверяла. Элинора ушла со студии в начале одиннадцатого.

- Кто еще ездил с ней на этот просмотр?

- Никто. - Торн допил бренди, поставил рюмку на столик и потянулся было к бутылке, но потом отнял руку. - Да, замечательный коньячок.

- Пожалуйста, наливайте еще. У меня девять бутылок такого. Давайте начнем с той пятницы. Много ли вы общались с Элинорой в то утро?

- Нет. С утра у нас было совещание, но Элинора не досидела до конца - ее вызвали. Потом я...

- Кто ее вызвал?

- Женщина из агентства по поводу одной жалобы своего клиента. Обычное дело. Клиентам этих агентств вечно что-нибудь не нравится. Потом я надиктовал ей несколько документов. Правда, и у меня и у нее в то время были свои секретарши, но некоторые бумаги мы по-прежнему готовили вместе. Она была поразительная женщина. Ей предлагали жалование в три четыре раза выше, чем у меня, но она неизменно отклоняла все предложения, даже самые соблазнительные.

- Почему?

- Не знаю. Возможно, потому, что ценила независимость, которую я ей предоставлял.

- Если я попрошу вас повторить все, что она говорила в то утро, вы сможете?

- Господи, нет, конечно! К тому же мы говорили только о делах. Знаете, может быть, я больше смогу для вас сделать, если вы объясните, почему считаете, что Элино́р убили преднамеренно. Гудвин сказал мне, что так подсказала Эми ее интуиция.

- Да. Я рад был бы выполнить вашу просьбу, мистер Торн, но не имею права раскрывать сведения, которыми располагает полиция. Каких-то пять часов назад высокий полицейский чин, который расследует это дело, сказал: "Должно быть, водитель решил закурить сигару в ожидании своей жертвы, но тут она внезапно появилась". Если бы я был вправе сказать вам больше, я бы сказал.

Пожалуйста, налейте себе еще бренди. Арчи, принеси мне, пожалуйста, пива.

Вот вам яркий пример, как можно наврать с три короба, говоря одну только правду. Су́щая правда, что Вулф не имеет права раскрывать сведения, которыми располагает полиция. Правда и то, что фразу эту произнес высокопоставленный полицейский чин. Сложите же обе правды вместе и получите отъявленнойшую ложь.

Впрочем, это была единственная ложь, к которой прибег Вулф за четыре долгих часа, пока Торн сидел в красном кожаном кресле и наполовину опустошил бутылку "замечательного коньячка". А бренди было и впрямь восхитительное - однажды Вулфу предложили целых пятьдесят зеленых за одну бутылку.

К половине второго ночи бренди уже настолько развязало Торну язык, что он совершенно потерял ощущение времени. Да и с памятью у него вдруг стало получше - тут нам просто повезло. Четверг он помнил даже лучше, чем пятницу, а к тому времени как они добрались до начала той недели, Торн начал уже припоминать такие подробности, что я даже заподозрил, не привирает ли он. Во время беседы он припомнил, что когда-то подрабатывал тем, что писал сценарии, так что сочинять ему было не в новинку.

Впрочем, самое главное он явно не выдумал. То, ради чего Вулф так старался. Я едва не пропустил это мимо ушей. Я сидел с ними уже больше трех часов, слушая нуднейшую галиматью и с величайшим трудом подавляя зевки - а ведь я пил молоко, а не бренди. Торн как раз рассказывал о том, как в понедельник они с Элино́р спешили на обед и как секретарша остановила Элино́р и сказала, что опять приходил Флойд Вэнс и что ей пришлось пригрозить, что она вызовет полицию, если он не уйдет. Секретарша добавила, что Вэнс, возможно, поджидает Элино́р в вестибюле. Элино́р поблагодарила ее, и они с Торном ушли. Естественно, Вулф поинтересовался, кто такой этот Вэнс, но Торн ничего о нем не знал, сказал, что, возможно, это какой-то психопат, который хотел продать им для шоу какую-нибудь бредовую идею за миллион долларов. От графоманов, по его словам, у них постоянно отбою не было.

Как я сказал, я едва не пропустил это мимо ушей. Я осознал это несколько позже, поскольку в ту секунду мои челюсти буквально сводило от зевка в спираль. И тут я допустил ошибку. Желая не показывать вида, что Торн проговорился, я принял слишком непринужденную позу и перестарался. Торну-то было все равно - он так разомлел после выпитого бренди, что не обратил бы внимания, даже если бы я вдруг начал прядать ушами и вилять хвостом.

А вот Вулф - другое дело. Именно из-за этого он прекратил беседу, которая в противном случае продолжалась бы до тех пор, пока Торн окончательно не выдохся бы. Так что стрелки часов показывали половину второго, а они с Торном добрались до середины понедельника, когда Вулф кинул взгляд на часы и сказал, что они слишком устали думать, что мистеру Торну тоже пора отдохнуть. Мисс Деново будет крайне признательна мистеру Торну за помощь и так далее. Когда Торн, опираясь обеими руками о подлокотники кресла, привстал, я решил было, что мне, чего доброго, придется самому отвозить его на нашем "героне", но Торн оказался молодцом. Лишь однажды он качнулся в прихожей, но удержался на ногах, а потом без особых хлопот спустился с крыльца на тротуар. Я постоял и посмотрел ему вслед, пока он не отошел шагов на тридцать. Вроде бы все в порядке.

Когда я вошел в кабинет, Вулф прорычал:

- Ты что-то заметил. Что?

Я прошел к своему столу и сел.

- Конечно, ничто бы не доставило мне такого удовольствия, как заметить что-то такое, чего не заметили вы, но увы - на сей раз дело обстоит иначе.

Мне кажется, что рыбка клюнула. Не знаю, отец ли он или убийца, или даже и то и другое, но то, что рыбка клюнула, это точно. В прошлую субботу, когда я был у мисс Роуэн, к ней нагрянуло трое незваных гостей. Двое из них были ее знакомые - я уже с ними встречался, - которые живут неподалеку. Третьего же зовут Флойд Вэнс. По их словам, они сказали Вэнсу, что у Лили часто гостит Арчи Гудвин, и Вэнс напросился приехать с ними в надежде познакомиться со мной. Хотя сам Вэнс признался, что рассчитывает с моей помощью познакомиться с вами. О себе он сказал, что занимается организацией всяких презентаций, вечеров, встреч с интересными людьми и так далее. Предложил даже организовать ваш вечер. Еще пытался расспрашивать, над чем мы сейчас работаем. Два замечания. Первое: таких типов, как Флойд Вэнс, вокруг, конечно, хоть пруд пруди. Второе - если сбросить двадцать три года, он полностью соответствует описанию, которое дал мне Сальваторе Манцони.

- Я бы выпил еще пива, - буркнул Вулф.

- Вы и так уже превысили свою норму на две бутылки, а сейчас уже почти два часа ночи.

- Приемлемо, - произнес Вулф, не уточняя, относится ли это к пиву или к моему сообщению.

Потом, вцепившись в край стола, он отодвинул назад кресло, приподнял свою тушу и затопал в прихожую. Я решил было, что Вулф идет спать, но он повернул направо и прогромыхал на кухню. Когда он вернулся, в одной руке у него были бутылочка пива и стакан, а в другой маленькая рюмка.

Бутылку и стакан он поставил на свой стол, потом налил в рюмку пару унций коньяка и протянул мне.

- А ведь ты мог и не заметить, - сказал он, наливая себе пиво.

Я поболтал бренди в рюмке и сказал:

- Так едва ли не случилось. Если окажется, что это просто совпадение, я завязываю с профессией сыщика. Впрочем, теперь нам недолго ждать. Проще всего было бы показать Флойда Вэнса Сальваторе Манцони, но двадцать три года - срок немалый.

Я поднес рюмку к губам и, запрокинув голову назад, отпил. Вулф дождался, пока пена осядет до нужного уровня, и поднес стакан к губам.

- Отпечатки пальцев! - вырвалось у меня.

- Да, - сказал Вулф.

- Мы получим отпечатки пальцев Вэнса и передадим их Кремеру.

- Нет. - Вулф слизнул с губ пену. - Если они совпадут, то мы окажемся в тяжелом положении. Кремер получит своего убийцу, а вот мы останемся без отца, поскольку его упрячут в тюрьму. Ты сказал, что он хочет со мной познакомиться.

- Да. Должно быть, хочет узнать, сколько нам уже известно. Правда, непонятно, как он пронюхал, что мы занимаемся этим делом, но для нас это не главное. Хорошо, допустим я приведу его сюда, а что дальше? Выдумаете, что сумеете расспросить его так, что это не вызовет его подозрений? Вряд ли. Так же рискованно допрашивать секретаршу, что предупреждала Элинор Деново о приходе Вэнса - она может проболтаться.

Вулф долил себе пива, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и выпятил губы. Потом втянул и снова выпятил. Это было что-то новенькое - такого я никогда не видел. Втягивать и выпячивать губы с закрытыми глазами - занятие для Вулфа непривычное; это означало только то, что он усиленно думает и мешать ему нельзя. Но впервые за все время он затеял это сразу после того, как налил себе пива. Как же он теперь узнает, когда пена сядет до его излюбленного уровня?

Не спрашивайте меня, как, но Вулф все-таки сумел это сделать! Когда пена осела до того уровня, при котором едва прикрыла бы губы во время питья, Вулф вдруг открыл глаза, взял стакан, выпил, отставил стакан в сторону, откинулся назад, закрыл глаза, слизнул с губ пену и принялся поочередно втягивать и выпячивать губы. Должно быть, он разучил этот трюк, пока меня не было.

Обычно я стараюсь засекают время, в течение которого Вулф упражняется с губами, поскольку больше мне при этом все равно заниматься нечем. Так вот, на сей раз прошло три минуты и десять секунд. Потом Вулф раскрыл глаза, выпрямился и спросил:

- Они придут в девять?

Я сказал, что да.

- Какой-нибудь адрес у этого Вэнса есть? Например, контора?

Я достал телефонный справочник Манхэттена и отыскал нужную страницу.

- Вот, пожалуйста. Лексингтон-авеню, четыреста девяносто. Не лучшее место. Мэдисон-авеню куда приличнее.

- Скажи, чтобы они порылись в его прошлом, особенно выяснив, чем он занимался в сорок четвертом году. Только так, чтобы не вспугнуть его. С Солом и Фредом трудностей не будет, а вот Орри втолкуй это как следует.

- Хорошо.

Свою рюмку я опустошил еще тогда, когда Вулф сосредоточенно думал, поэтому сейчас встал и налил себе еще. Возможно, это позволит мне уснуть на несколько секунд быстрее.

Глава 12

Нет, не муха. Мухи так не жужжат. И не москит. Слишком громко. Что за чертовщина! Господи, это же телефон! Я открыл один глаз, протянул руку, взял трубку и пробасил:

- Ну?

Ответил голос Фрица:

- Доброе утро, Арчи. Он требует тебя.

Я воззрился на будильник, убедился, что уже и в самом деле двадцать пять минут девятого, и свесил ноги с кровати. Забыл ли я завести будильник или он забыл разбудить меня - выяснить придется позже. Я собрал волю в кулак, встал, определил, где находится дверь, и шагнул к ней.

Дверь комнаты Вулфа, расположенной как раз над кухней в задней части дома, благодаря чему Вулф мог зимой нежиться в постели, обогреваемый солнечными лучами, стояла нараспашку. Когда я вошел, бесшумно ступая босыми ногами, Вулф сидел за столом, читая вставленную в подставку "Таймс" и одновременно намазывая тост черничным джемом. Я предупредительно кашлянул, но Вулф, прежде чем повернуть голову в мою сторону, отправил тост в свою пасть.

- "Распалась связь времен", - провозгласил я.

Вулф нахмурился.

- Я никогда не говорю цитатами, даже если это Шекспир, и прошу тебя этого не делать.

- А вот мисс Роуэн порой цитирует, и это выражение - одно из ее любимых. Кстати, я уже пожалел о том, что мы перевели весной время на час вперед. В отличие от вас.

Вулф был уже одет в безукоризненно выглаженную канареечную рубашку в узкую коричневую полоску, с коричневым галстуком, и в коричневый же костюм.

Наверху в оранжерее он сбросит пиджак и облачится в рабочий халат.

- Уже почти девять часов, - промычал Вулф, пережевывая яйцо.

- По сэкономленному времени - да, сэр, а по архигудвинскому еще только восемь. Но вы не волнуйтесь - я проинструктирую их во время завтрака.

- Только Сола. Фреда и Орри не посвящай. Скажи, чтобы были на подхвате.

Вы сами с Солом решите, как лучше подойти к этому делу. Мы не имеем права тратить свое время и деньги клиента на то, чтобы найти козла отпущения для мистера Кремера.

Вулф для убедительности решительно макнул тост в яичный соус.

- Я уже просыпаюсь, - возвестил я. - Или же меня посещают умные мысли во сне. Ночью я сказал, что непонятно, как он пронюхал о том, что мы занимаемся этим делом, но если он и впрямь пропавший отец, то это очень важно. Если он и есть отец, то должна быть какая-то связь между ним и Сайрусом Джарретом. В противном случае - зачем бы Джаррету отправлять эти чеки? Если же Джаррет успел предупредить его о том, что мы с вами сели ему на хвост, то мы рискуем лишиться клиента. Вряд ли вам улыбается потерять мисс Деново, как мы в свое время потеряли Саймона Джекобса <См. Рекс Стаут "Сочиняйте сами".> а уж мне-то точно не улыбается. Предлагаю на время спрятать ее.

Вулф скорчил гримасу.

- А Фриц?

Поразительный лицемер! Когда из соображений безопасности нам приходилось укрывать особ женского пола в Южной комнате, которая находится как раз над спальней Вулфа, Фриц и в самом деле мог скрыть своего недовольства по этому поводу, но Вулф-то даже не пытался скрыть своего собственного недовольства... А теперь валит все на Фрица.

- Я отдаю себе отчет в том, - произнес я, - что если по нашему дому опять будет разгуливать женщина, то Фриц уйдет, а следом за ним и вы, поэтому я имел в виду совсем другое дело. Эми Деново большую часть дня проводит у Лили Роуэн и может вполне ночевать у нее до тех пор, пока мы не изобличим Вэнса или не убедимся в его невиновности. У мисс Роуэн пустуют две спальни. У вас есть другие предложения?

Вулф ответил, что нет, и я поднялся к себе, чтобы успеть сделать за десять минут то, что обычно занимает у меня полчаса. К тому времени, как я спустился на кухню, заскочив по дороге в кабинет и сообщив Фреду и Орри, что мы с Солом пойдем по следу, а они понадобятся нам позже, туман в моей голове уже рассеялся.

Принято считать, что хороший сыщик должен легко вникать в суть происходящего и понимать человеческую психологию с полуслова, но я уже давно понял, что познать мышления Фрица мне не дано, и даже не пытался этого делать; поэтому я даже не стал ломать голову над тем, как Фриц догадался, что Фред и Орри уйдут, а Сол останется. Во всяком случае, мой маленький столик на кухне был накрыт на двоих. За завтраком я рассказал Солу про Флойда Вэнса. Покончив с едой, мы выпили по чашечке кофе, после чего отправились продолжать разговор в кабинет, прихватив с собой кофейник. Сол согласился, что для пользы дела ему не помешало бы самому посмотреть на Флойда Вэнса, и я позвонил Натаниэлю Паркеру, нашему адвокату.

- Да, Арчи?

Мне нравится, каким голосом Паркер произносит: "Да, Арчи?" Он прекрасно знает, что дела, которые ведет Вулф, бывают не только интересными и захватывающими, но и порой весьма щекотливыми, поэтому "Да, Арчи?" звучит всегда наполовину радостно и наполовину уныло.

Я поспешил успокоить его, что дело на этот раз пустяковое.

- Сушая ерунда. У некого Флойда Вэнса, который занимается организацией публичных презентаций, есть контора по адресу Лексингтон-авеню, четыреста девяносто. Ваша роль состоит в том, чтобы позвонить ему и сказать, что у вас есть клиент, который хочет прибегнуть к его услугам. Имя вашего клиента - Сол Пензер. Чем скорее они встретятся, тем лучше. Я должен сейчас уйти, а Сол останется у нас и будет ждать вашего звонка. Вы записали имя? Флойд Вэнс.

- Записал. А что, если он захочет знать подробности?

- Вы не уполномочены вести переговоры.

- Хорошо сказано. Я и в самом деле не уполномочен. Кланяйтесь от меня нашему гению.

Он произнес это на полном серьезе, без малейшего ехидства. Я набрал другой хорошо знакомый номер и изложил свою просьбу, после чего поднялся к себе в комнату побриться и переодеться. Десяти минут перед завтраком на весь туалет не хватило.

Ташиться по такой страшной жаре две мили на Восточную Шестидесят третью улицу меня не прельщало, но выхода не было: к тому же я сказал Лили, что буду к половине двенадцатого. Позвонил я в дверь ее высотных апартаментов в одиннадцать двадцать пять и был немало удивлен, когда дверь открыла Мими.

Обычно, когда мы договариваемся, что я приду в определенное время, Лили открывает мне сама. Или она до сих пор на меня... К черту! Я решительно отогнал мрачные мысли прочь, памятуя только о том, что сейчас пришел по делу.

Лили и Эми сидели на террасе и пили охлажденный чай. Я поставил стул между ними, ответил согласием на предложение попробовать чая с лимоном и мятой, и провозгласил:

- Извините за неучтивость, но у меня впереди тяжелый день, так что я сразу перейду к делу.

Я повернулся к Лили.

- Сейчас мы занимаемся делом Эми Деново. Она наняла нас...

- Арчи! Нет!

До чего невоспитанные пошли клиенты.

- Не перебивайте меня, - отрубил я и снова обратился к Лили:

- Дело это очень личное и деликатное, поэтому она не хочет, чтобы кто-то еще о нем знал, даже ты. Я же искренне рад и горд тем, что она доверяет мне настолько, что называет меня Арчи, поэтому могу сказать об этом деле лишь одно - она ни в чем не виновата. Проблему создали совершенно другие люди, а она хочет только решить ее. А к Ниро Вулфу она обратилась две недели назад.

- Почему вы... - начала было Эми, но умолкла.

Лили уже улыбалась.

- Оле, Эскамильо! - звонко выкрикнула она, посылая мне воздушный поцелуй.

- Этой ночью произошли кое-какие события, - сказал я Эми. - Подробности при мисс Роуэн я вам рассказывать не могу, да и в любом случае это было бы пока преждевременно. Но уже сейчас можно с достаточной долей уверенности предположить, что смерть вашей матери была не случайной и что в этом случае вы сейчас тоже в опасности. Он может...

- Он? Кто он?

- Возможно, вы никогда не слышали его имя, и я не стану называть его сейчас. Мы не знаем, что побудило его убить вашу мать, и не знаем, какие у него планы насчет вас, но рисковать мы

тоже не хотим. Однажды в похожем положении мы уже совершили роковую ошибку и не хотим, чтобы такое случилось снова.

Я обратился к Лили:

- Может она пока пожить у тебя? "Пожить" в том смысле, что она не должна выходить из дома. На террасе сидеть не возбраняется - вряд ли у него есть вертолет. Возможно, хватит пары дней, но не исключено, что это может затянуться и на пару недель. Зато у вас будет вдоволь времени для работы над книгой.

- А почему бы и нет? - сказала Лили. - Я согласна.

Эми нахмурилась.

- Но вы же не думаете... - озадаченно начала она, потом умолкла и посмотрела на Лили. - Извините, мисс Роуэн, но мне нужно кое о чем спросить его. Наедине.

- О, пожалуйста, - весело отмахнулась Лили. - Только ничего у вас не выйдет. Я знаю его лучше, чем вы, а сейчас он работает. Когда он не занят, он очарователен... как правило; когда же он работает, он невыносим. Он уже сказал, что рассказывать сейчас что бы то ни было - преждевременно, и безусловно стоит на своем. Впрочем, попробуйте, если хотите.

- Она права, - подтвердил я. - Дел у меня и впрямь по горло, но я в любом случае пока ничего бы вам не сказал.

Я повернулся к Лили:

- Стандартная такса телохранителя - шесть долларов в час, но то время, что вы будете работать над книгой, не в счет.

- А могу я взять ее за город на уик-энд?

- Нет. Возможно, она понадобится.

- Ты не выпил чай.

- Сейчас выпью - совсем запарился.

Я залпом опустошил стакан, чмокнул Лили в макушку и отбыл.

Возможно, настанет день, когда я не смогу больше публиковать отчеты по расследованным делам. Просто писать будет не о чем, потому что Нью-Йорк будет настолько запружен транспортом, что сыщикам останется только звонить по телефону да передвигаться пешком - а много ли так расследуешь? В ту пятницу я потратил сорок девять минут на то, чтобы преодолеть пешком расстояние в четыре мили от Восточной Шестидесятой третьей улицы до здания, в котором Нью-йоркская телефонная компания хранит архивы, открытые для доступа посетителей. Там же я всего за девять минут выяснил, что в сорок четвертом году Флорид Вэнс числился в справочнике по адресу: Восточная Тридцать девятая улица, десять. Скорее всего, это был тот служебный адрес, поскольку жилых домов в том квартале не было. Меня это вполне устроило; во-первых, потому что в сорок четвертом году Вэнс был на месте, а во-вторых, потому что его контора помещалась на небольшом удалении от ресторана Туфитти на Восточной Сорок шестой улице, и ему было удобно ходить туда обедать и ужинать.

Когда такси доставило меня к нашему старому особняку, из другого такси, остановившегося напротив нашего крыльца, как раз вылезал Сол. В течение следующего часа, проведенного за обеденным столом, я питал не только свой желудок, но и мозг. На долю желудка выпало счастье полакомиться совершенно изумительным пудингом из молочной кукурузы и нежнейшими миндальными пирожными. Мозг же вдоволь понаслаждался участием в жарком споре, который вспыхнул по поводу того, имеется ли у музыки интеллектуальное содержание.

Вулф сказал, что нет, а Сол сказал, что да. Я поддержал Сола - во-первых, потому что он весит вдвое меньше, чем Вулф, а во-вторых, потому что меня поразили его аргументы. Дело в том, что в один из недавних четвергов, по которым, как вы знаете, мы собираемся у Сола, чтобы поиграть в покер, Сол подсел к фортепиано и сыграл для меня и Лона Козна (мы ждали четвертого партнера) этюд Дебюсси. Лон сказал, что это очень интеллектуальная музыка, а Сол ответил, что музыка не может быть интеллектуальной. Все зависит от того, с кем ты споришь, как объяснила хозяйка попугая.

После обеда, перейдя в кабинет, я доложил Вулфу о наших последних достижениях, включая телефонный звонок Натаниэлю Паркеру и посещение Лили Роуэн. Закончил я так:

- Я договорился, чтобы Эми Деново жила у Лили Роуэн до особых распоряжений, а также выяснил, что в сорок четвертом году Флloyd Вэнс был обладателем телефонного аппарата, установленного в его конторе по адресу:

Восточная Тридцать девятая улица, дом десять. Я еще туда не ходил, но, насколько мне известно, застройщики пока не добрались до этого квартала, так что все старые строения на южной стороне до сих пор целы и невредимы. Если у Сола нет ничего срочного, можем окружить этот дом и забросать его гранатами.

Вулф посмотрел на Сола.

- У меня пусто. - Сол развел руками. - Вэнс занимает две крохотные комнатенки - в одной сидит сам, а во вторую поместил блондинку, которая использует чересчур яркую помаду. Про других своих клиентов он рассказывать не стал, зато меня попытал как следует, даже больше, чем следовало бы. Я хотел раздобыть отпечатки его пальцев, но он ни на минуту не оставлял меня одного. Впрочем, проникнуть туда труда не составит. Дверь запирается простым уингейтским замком, который Арчи или я можем открыть с закрытыми глазами.

Вулф помотал головой.

- Сейчас нам ни к чему его отпечатки. Потом, быть может.

- Я знаю, но просто подумал, что неплохо бы раздобыть их. Конечно, мои достижения нельзя сравнить с тем, что удалось Арчи - я имею в виду адрес Вэнса в сорок четвертом году. - Сол посмотрел на меня. - Уик-энд начинается через два часа. Пойдем. План проработаем по дороге.

Для двоих здоровых, сообразительных и умелых сыщиков мы с Солом добились небывалых успехов за последующие два дня. Сол постригся в парикмахерской, а я потратил двадцать три доллара и восемьдесят пять центов из денег клиента на такси и чаевые. Причем все поездки пришлось на промежуток времени с десяти утра до семи часов вечера в субботу, что для Нью-Йорка является достижением.

Буквально за углом дома номер десять по Восточной Тридцать девятой улице расположена закусочная "Дуайер", владелец которой поведал мне, что закусочная находится здесь аж с тридцать седьмого. Сам-то он, правда, купил ее лишь в сорок восьмом году, но знает имя и нынешний адрес прежнего владельца. Звали того Герман Готтшалк, а жил он в Бронксе. Я потратил целых девять часов на то, чтобы разыскать его и показать фотографии семи молодых женщин.

Откровенно говоря, мною уже двигало только отчаяние - в пятницу мы с Солом опросили всех жильцов дома номер десять и не узнали ровным счетом ничего. Консьерж и лифтер работали там совсем недавно и не могли подсказать ни имен, ни адресов своих предшественников. Из жильцов, как выяснилось, тоже никто так долго в доме не проживал.

Зато в воскресенье вечером я сводил Лили Роуэн и Эми Деново на бейсбол, а потом доставил их обеих домой в целости и сохранности.

Утром в понедельник загорелая женщина из "Ист энд Вест Риэлти Корпорейшн" разыскала для меня новый адрес "Кауфман Менеджмент Компани" - фирмы по торговле недвижимостью, которая в свое время посредничала при перепродаже интересующего нас дома. Там услужливый молодой человек, прокопавшись полчаса в старых записях, сообщил нам, что Уильям Полк, который в сорок четвертом году надзирал за домом номер десять, умер в тысяча девятьсот шестьдесят втором году. Правда, в архиве сохранился полный список лиц, проживающих в сорок четвертом году в этом доме. Всего в списке было двадцать два человека - в том числе Флойд Вэнс, - и мы переписали его. Еще молодой человек добавил, что Бернард Кауфман, который основал "Кауфман Менеджмент Компани", скончался несколько лет назад.

Мы с Солом поделили список пополам и начали разыскивать прежних жильцов. Не буду утомлять вас подробностями встреч с первыми четырьмя, поскольку от них мы равным счетом ничего не добились, а вот пятый визит оказался удачным. В пять часов вечера я зашел в расположенную на десятом этаже Рокфеллеровского центра контору "Службы доставки Сибор" и познакомился с Дороти Сибор, энергичной, седоволосой, голубоглазой женщиной лет пятидесяти, которая, судя по всему, не только управляла, но и владела службой доставки. Очень занятая дама. Те пятнадцать минут, в течение которых мы с ней беседовали, растянулись на сорок из-за телефонных звонков, да и пробился я к ней исключительно потому, что догадался упомянуть дом номер десять по Восточной Тридцать девятой улице. Когда я вошел в ее кабинет, Дороти Сибор первым делом поинтересовалась, тот ли я Арчи Гудвин, который работает на Ниро Вулфа, и я признался, что тот самый. Тогда она спросила:

- Не знаю, что я могу рассказать вам про дом номер Десять? Я съехала оттуда восемнадцать лет назад. Когда-то, правда, я души не чаяла в этой развалюхе. Присаживайтесь.

Я присел.

- Не знаю, что вы можете мне рассказать, мисс Сибор, но знаю, о чем хочу вас спросить. Нас интересует сорок четвертый год. Вы можете сказать мне, на каком этаже вы жили?

- Конечно. Я жила на девятом.

- Насколько нам известно, в числе прочих жильцов был некий Флойд Вэнс.

Вы были с ним знакомы?

- Я бы не сказала, что была с ним близко знакома. Я знала его в лицо - мы жили на одном этаже, только в разных концах коридора. Мы здоровались, обменивались репликами о погоде - сами знаете, как это бывает.

Моя рука машинально нырнула в карман за фотографиями.

- Чтобы сэкономить ваше время, - пояснил я, - быстрее всего будет, если вы посмотрите на эти снимки и скажете, не узнаете ли кого-нибудь.

Я уже протянул к ней руку, как позвонил телефон. Втолковав кому-то, что нужно делать, мисс Сибор взяла снимки и начала разглядывать один за другим.

Дойдя до четвертого - фото Карлотты я всегда оставлял посередине, - она приподняла брови, взглянула на меня, снова перевела взгляд на фотографию и сказала:

- Это... Нет, не Вэнс... Возн, точно! Карлотта. Карлотта Возн.

Голубые глаза встали на меня, чуть прищуренные.

- Недавно мне попалось на глаза это имя в двух газетных объявлениях.

Речь, кажется, шла о двух разных фамилиях.

- Вы ее знали?

- Да. Она работала на этого Флойда Вэнса. А может быть - с ним, не знаю.

Меня раздирали два взаимоисключающих желания: заключить ее в объятия, и расцеловать, и хорошенько отшлепать за то, что она не откликнулась на наши объявления неделю назад. Одно из желаний я решил облечь в словесную форму.

- Мисс Сибор, - торжественно произнес я, - вы самая очаровательная женщина, которую я когда-либо встречал, и знай я ваш любимый цвет, я подарил бы вам десять дюжин роз, купленных на деньги нашего клиента, конечно.

Она улыбнулась больше глазами, чем губами.

- Что ж, похоже, я сдала вам туза.

- Не одного, а сразу четыре. Вы ответили на вопрос, который, как мне стало уже казаться, должен был навсегда остаться неотвеченными. Если вы согласитесь...

- Карлотта Возн и есть ваш клиент? Впрочем, нет, вы бы не стали помещать объявление. Вы хотите найти ее?

- Нет. Она мертва. Я мог бы вам про это рассказать, но это займет много времени, а вы такая занятая. Если вы согласитесь ответить еще на несколько вопросов, я был бы вам весьма признателен. Вы...

Опять телефон. На сей раз разговор продолжался дольше; она объясняла кому-то, чего не надо делать. Закончив, обратилась ко мне:

- Я хочу задать вам один вопрос, мистер Гудвин. Мне нравилась Карлотта Возн - она производила очень хорошее впечатление. Вы сказали, что она мертва. Так вот, она одобрила бы то, что вы сейчас делаете?

Я солгал. Я мог бы долго объяснять, что не знал ее лично и так далее, но я предпочел безапелляционную ложь.

- Да, - ответил я, глядя Деборе Сибор прямо в глаза. - Безусловно. Вы не помните, как вы с ней познакомились?

- О, это очень просто. Никогда не забуду ту ужасную зиму. Я начала снимать комнату в том доме с осени сорок третьего, а Карлотту впервые увидела весной сорок четвертого, в апреле. Или даже в марте. То ли в вестибюле, то ли в лифте - точно не припомню.

- Значит, весной и летом сорок четвертого она появлялась в вашем доме?

- Да.

- А когда вы видели ее в последний раз?

- Это уже сложнее. Правда, я помню, как, перестав ее встречать, я как-то спросила у Флойда Вэнса, что с ней, а он сказал... - Она нахмурилась и покачала головой. - Он выразился крайне неопределенно. Или Карлотта куда-то уехала, или что-то еще в этом роде.

- Когда это было - летом, осенью, зимой?

- Только не зимой. В ноябре мои дела пошли на лад, и мне хотелось рассказать об этом Карлотте, но она уже не появлялась. Скорее всего - в октябре.

- Значит, вы встречались в течение шести-семи месяцев. Вы сказали, что не знаете, работала ли она на Флойда Вэнса или вместе с ним. Но в конторе она бывала каждый день?

- Не знаю, каждый ли день. Но большую часть времени она и в самом деле проводила в этой конторе. Мы иногда даже обедали вместе. Сам Вэнс тоже долго там не задерживался. Он съехал года через два.

- Мне кажется, что ваше отношение к Карлотте не распространяете на него.

- Вы правы. Я сама не хотела знакомиться с ним ближе. Он не тот человек, с которым я хотела бы работать или общаться. А вы... Господи, неужели Флойд Вэнс ваш клиент?

- Нет. Я вообще сомневаюсь, что найдется много мужчин, с которыми вы согласились бы работать.

Она снова улыбнулась - на этот раз уже больше губами, чем глазами.

- Я бы не возражала, если бы со мной работал такой мужчина, как вы.

Сколько вам платит Ниро Вулф?

- Нисколько. Я работаю только из любви к искусству. Мне нравится встречаться с интересными людьми, вроде вас. Если мне надоест и я захочу уволиться, то я напомню вам о вашем предложении. Кстати, говоря об увольнении, вам не кажется, что Карлотта рассталась с Вэнсом, потому что была о нем такого же мнения, как и вы?

Опять телефон - судя по разговору, позвонил важный клиент. Затем Дебора Сибор сама сделала два звонка: кого-то проинструктировала, а кому-то задала изрядную нахлобучку. Повесив трубку, она посмотрела на часы.

- Уже поздно, - заметила она, - а у меня еще уйма работы.

- У меня тоже, благодаря вам, - сказал я, поднимаясь. - Так вам не кажется, что ваше отношение к Вэнсу могло передаться Карлотте?

- Не думаю. Если и так, то она мне ничего не говорила. Она была... очень сдержанная. Даже скрытная.

- Вы когда-нибудь обменивались рукопожатием с женщиной?

Она рассмеялась - весело и непринужденно.

- От случая к случаю. Когда мне нужно, чтобы мужчина что-то сделал.

- Тогда я подхожу. - Я протянул ей руку. - Сейчас вам нужно, чтобы я ушел.

Рукопожатие ее было твердое и дружеское.

- Если вам надоест, я для начала положу вам жалованье в пятнадцать тысяч.

- Я это запомню. Так какие розы вам больше всего нравятся?

- Зеленые с черными краями. Если вы пришлете мне десять дюжин роз, я перепродам их какому-нибудь клиенту. Я деловая женщина.

Это точно.

Глава 13

Когда в шесть часов Вулф спустился из оранжереи, я развалился в кресле, сняв галстук, скинув туфли, закинув ноги на одно из желтых кресел, и листал журнал. Увидев Вулфа, я величаво кивнул ему, зевнул и снова погрузился в журнал. Кресло жалобно заскрипело, вместив одну седьмую тонны. Сидя спиной к Вулфу, я не видел его свирепого взгляда, но ощущал его сразу печенькой и затылком.

- Тебе плохо? Тепловой удар? - пролаял Вулф.

Я степенно повернулся.

- Нет, сэр, все замечательно. Я просто расслабился. Несколько минут назад позвонил Сол, и я пригласил его на ужин. Дело закрыто. Отец мисс Деново - Флойд Вэнс. Я хотел позвонить ей и сказать это, но, может быть, вы хотите сделать это сами.

- Фу. Докладывай.

Я неспешно встал, выпрямился, потом нагнулся, чтобы натянуть туфли.

Когда я работаю за столом, дверь в прихожую и большая часть кабинета остается у меня за спиной, тогда как на стене перед моими глазами установлено зеркало шириной в пять, высотой в

четыре фута, благодаря которому я слежу за тем, что делается у меня в тылу. Так вот, я полюбовался в зеркало тем, как ловко завязал галстук, пригладил ладонью волосы, повернулся и сказал:

- Вряд ли вам когда захочется услышать чрезвычайно утомительные подробности, раскрывающие головоломные трюки, с помощью которых я добился этого сногсшибательного успеха, но если вдруг захочется, то я готов пойти вам навстречу. А полтора часа назад женщина по имени Добора Сибор, которая управляет - повторяю: управляет - службой доставки, располагающейся в Рокфеллеровском центре, сказала мне следующее: "Не знаю, что я могу рассказать вам про дом номер десять? Я съехала оттуда восемнадцать лет назад. Когда-то, правда, я души не чаяла в этой развалюхе. Присаживайтесь".

Если не возражаете, я буду рассказывать, как мне удобнее. Я предпочитаю говорить "я" и "она" вместо "Гудвин" и "Сибор".

Я дословно передал ему нашу беседу - Вулф, как всегда, слушал с закрытыми глазами. Когда я закончил, он сидел так целую минуту и лишь потом пошевелил губами:

- Приемлемо.

- Наконец-то меня удостоили скупой мужской похвалы, - с чувством произнес я. - Вопросы?

Он открыл глаза.

- А почему розы?

Я кивнул.

- Я ждал этого вопроса. Как-то само собой слетело с языка - просто мне вдруг показалось, что она не из тех, кто сходит с ума от орхидей. С другой стороны, перепродал орхидеи самого Ниро Вулфа, она выручит куда больше, чем от каких-то занюханых роз из питомника.

- Мы пошлем ей фленопсис афродита - они цветут как безумные. У тебя было время поразмыслить - думаешь, работа закончена?

- Я уже причмокиваю губами в предвкушении первого лакомства после затянувшегося поста. Ставлю пятьдесят против одного, что отец - Флloyd Вэнс, но для присяжных улик у нас недостаточно. Клиент - другое дело, хотя и тут есть еще некоторые сложности.

- Уточни.

- Хорошо. Самое главное это ваша честь. Четыре дня назад я сказал Кремеру: "Мистер Вулф даст вам свое честное слово, что первый же заслуживающий внимания факт, который мы раскопаем, мы передадим вам, прежде чем воспользуемся им сами". Я, правда, добавил еще: "По крайней мере, за две минуты", но это нас не спасает. Можно считать установленным следующее.

Первое: Карлотта Воэн забеременела летом тысяча девятьсот сорок четвертого года и почти наверняка не была замужем. Второе: в течение всего лета сорок четвертого она общалась с Флloydом Вэнсом. Третье: в понедельник двадцать второго мая тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года за четыре дня до смерти Карлотты Воэн, ставшей к тому времени Элинор Деново, Флloyd Вэнс пытался с ней встретиться, причем не в первый раз, но секретарша дала ему от ворот поворот. Не хотел бы я оказаться тем, кто попытается доказать Кремеру, что три этих факта - совсем не та зацепка, которая ему так нужна. Конечно, ваша честь это ваше дело, но я внес ее как залог.

- Мое дело и моя ответственность, - буркнул Вулф. - Продолжай.

- Далее то, что больше интересует меня, чем вас. Моя честь на карту не поставлена, но я глубоко уязвлен в лучших чувствах, поскольку Сайрус М.

Джаррет дважды выставлял меня вон пинками под зад, и я хотел бы с ним по квитаться. Чем был так обязан старый Джаррет Флloyd Вэнсу, что стал посылать Карлотте Воэн чеки через две недели после рождения ребенка и продолжал высылать их до самой смерти Элинор Деново?

Кстати, Кремер тоже не отказался бы от этих сведений, К чему я клоню? Расхвастался я преждевременно - работа незакончена. Теперь ваш ход.

Я ожидал, что он начнет свои трепыхания с губами, но Вулф просто наклонил голову.

- Дело в том, - сказал он, - что мы не знаем, какая из альтернатив нас ждет. Если он только отец, но не убийца, доказать это сложно, если не невозможно. Как-никак, слишком много лет прошло. Если же он к тому же еще и убийца, то дело упрощается - со времени убийства прошло только три месяца.

Проясним это, а потом решим, что предпринять дальше. Можешь вызвать его сегодня вечером?

- Каким образом? Спросить, по-прежнему ли он хочет с вами познакомиться?

- А почему бы и нет. Если он ответит, что нет, скажи, что я хочу поговорить с ним. Скажи, что я хочу спросить, почему он не откликнулся на объявление про Карлотту Воэн или Элинора Деново.

Я сверился с телефонным справочником, чтобы уточнить, правильно ли я запомнил домашний телефон Флойда Вэнса, в очередной раз убедился в том, что память меня не подвела, и набрал номер. На часах было без четверти семь.

Трубку сняли на третий звонок.

- Алло?

- Могу я поговорить с мистером Флоридом Вэнсом?

- Флорид Вэнс слушает.

- Это Арчи Гудвин. Я работаю на Ниро Вулфа. Если помните, мы с вами познакомились у Лили Роуэн. Вы...

- Я помню.

- Вы сказали, что хотели бы познакомиться с Ниро Вулфом. Я только что напомнил об этом мистеру Вулфу, и он сказал, что тоже хочет с вами познакомиться. Вы можете приехать к нам сегодня вечером, скажем, часов в девять?

Молчание. Пять секунд.

- Это слишком внезапно.

- Я знаю. Срочность, конечно, не такая, как при пожаре, но если вы сможете, то наш адрес...

- Адрес я знаю... - Вновь молчание. - Значит, в девять?

- Да. Или позже, если вам так удобно.

- Я буду в девять.

Едва я положил трубку, как в дверь позвонили. Как я и ожидал, это оказался Сол. Я приоткрыл дверь на пару дюймов и прогнусавил:

- Ты уверен, что хочешь войти? Шампанского не будет - возникли кое-какие осложнения.

Виноват был я сам. Когда Сол позвонил, я только вернулся, страшно довольный собой, и мне не терпелось похвастаться. Поэтому я пригласил Сола на ужин, присовокупив, что в холодильнике уже лежит бутылка "Дом Периньон".

Обстоятельства же осложнились так, что, сообразив, что с шампанским придется пока повременить, я отложил визит на кухню. Я знал, конечно, что Сол все поймет без всяких объяснений и извинений, но все же чувствовал себя виноватым.

Правда, запивая нежнейшие мидии и черепашьё филе, Сол опустошил почти полбутылки "Монтраше", так что свое он все-таки получил. Кроме разве что пузырьков.

После ужина мы перешли пить кофе в кабинет и заодно разработали программу. Как только придет Вэнс, Сол незаметно покинет дом и отправится в дом номер четыреста девяносто по Лексингтон-авеню, чтобы прихватить какие-нибудь предметы, на которых могут быть отпечатки пальцев Вэнса.

Поскольку замок Сол видел, он сразу отобрал нужную отмычку из моей коллекции, после чего помог мне подготовить кабинет к приходу гостя. Мы самым тщательным образом протерли все предметы, к которым мог прикоснуться Вэнс, включая подлокотники кресла, фотографии Элинор Деново, четыре вида рюмок, бокалов и стаканов - мы не знали, что он захочет выпить, - маленький столик и так далее. Время от времени я посматривал на Вулфа с мстительным злорадством. Вулф восседал в кресле, переплетя пальцы в центре необъятного пуза и свирепо следил за нами. Он прекрасно понимал, что наши с Солом священнодействия сейчас куда важнее, чем любые его гениальные идеи, и эта мысль явно причиняла ему невыносимые страдания. Он предпочел бы, конечно, оказаться в таком положении, когда любая, самая запутанная проблема решалась бы только оттого, что он погружается в кресло, закрывает глаза и начинает втягивать и выдвигать губы. В довершение беды он был вынужден терпеть, как мы с Солом мелькаем и суедемся перед его глазами. Я был просто поражен, что он не встал и не перешел на кухню.

Отец Эми позвонил в дверь в десять минут десятого. Я пошел открывать, а Сол тем временем перебрался в гостиную. Введя Вэнса в кабинет и усадив в красное кожаное кресло, я почти бессознательно предался бесполезнейшему занятию на свете. Для какого-нибудь зеваки в зале суда вполне естественно пытаться определить по внешнему виду, виновен подсудимый или нет, а вот профессиональному сыщику тратить на это время - занятие совершенно пустое. И все же я не устоял перед соблазном окинуть взглядом припухшие глаза Вэнса, одутловатые щеки, жиденькую шевелюру, сутулые плечи и давно не чищенные туфли, чтобы попытаться найти ответ на вопрос, он ли убил Элинор Деново...

К тому времени, как я твердо сказал себе, что занимаюсь ерундой, Вулф уже говорил следующее;

- Вы, конечно, хотите знать, почему я пригласил вас к себе. Я же в свою очередь задаю себе вопрос: а почему вы пришли? Вряд ли любого из нас ждет откровенный ответ. Что касается меня, мистер Вэнс, я до сих пор не уверен, какую именно цель преследую. С одной стороны, меня разбирает любопытство узнать, почему вы так настойчиво уговаривали своих друзей отвезти вас к мисс Роуэн, чтобы познакомить вас с мистером Гудвином. С другой стороны, мне хотелось бы знать, почему вы неоднократно искали встречи с миссис Элинор Деново в прошлом мае. Также меня очень интересует все о ваших отношениях с мисс Карлоттой Воэн летом тысяча девятьсот сорок четвертого года. Наконец, мне совершенно непонятно, почему вы не откликнулись на мое объявление, которое...

- О, Господи. Дайте мне блокнот и карандаш. Придется мне все это записать.

Черт возьми, про блокнот мы с Солом не подумали. Трудно все предусмотреть. Мне показалось, что Вэнс взял у меня блокнот и карандаш с некоторым облегчением - видно, он не знал, что говорить, и был рад пока поработать руками.

Вулф наклонил голову.

- Арчи, принеси, пожалуйста, пиво.

- Да, сэр. - Я сделал шаг и остановился. - Принести вам чего-нибудь мокренького, мистер Вэнс?

Вэнс потряс головой и отрезал:

- Нет.

Я разочарованно засеменил на кухню - представляете, какие отпечаточки остались бы на пивном стакане? - как вдруг сзади послышался голос Вэнса;

- А, впрочем, какого черта! Виски с содовой. И со льдом.

Поскольку Фрица Вулф отпустил, я распорядился на кухне сам. На один поднос я поставил бутылочку пива и стакан для Вулфа, а на второй - чистый стакан и тщательно протертые ведерко со льдом, графинчик с содовой и бутылку "Джонни Уокера". Пока я возился, кое-что я, конечно, упустил. Во всяком случае, когда я вернулся в кабинет, Вэнс уже курил сигару, правда, не "Голд

Лейбл Бониту". Меня это, впрочем, не удивило: если портсигар в машине и в самом деле забыл Вэнс, то здравый смысл, безусловно, подсказал бы ему переключиться на другой сорт. Расставив подносы, я снова отправился на кухню за стаканом молока для себя, а когда вернулся, Вэнс потягивал виски, а Вулф говорил:

- ...поскольку у меня нет ни малейшего желания ставить вам какие-то условия или выдвигать обвинения. И мне и моему клиенту нужно только одно - знать правду. Имя своего клиента я назвать вам не могу, но если в процессе беседы вы догадаетесь, о ком идет речь, это уже послужит ответом на мой основной вопрос. Из моего объявления легко догадаться, что Карлотта Воэн впоследствии превратилась в Элино́р Деново, но если вы предпочитаете не отвечать на вопросы об Элино́р Деново, мы можем ограничиться только Карлоттой Воэн. Кстати...

Вулф выдвинул ящик и вынул из него две фотографии. Я предупредил Вулфа, чтобы он не переусердствовал и не дал повода Вэнсу заподозрить, что мы охотимся за отпечатками его пальцев; поэтому Вулф взял фотоснимки совершенно небрежно - в полиции давно хранились его собственные отпечатки, - протянул мне, а я передал их Вэнсу.

- В то время она уже стала Элино́р Деново, - пояснил Вулф, - но еще за год до съемки была Карлоттой Воэн, так что вы должны ее узнать.

Вэнс тоже повел себя совершенно естественно. Он поставил стакан на столик, взял обе фотографии в руки, внимательно рассмотрел, потом поднял глаза на Вулфа.

- Ну и что? Конечно, я узнаю ее. - Он отложил оба снимка на столик. - Я и не отрицаю, что был в свое время знаком с женщиной, которую звали Карлотта Воэн.

Он поднес к губам стакан и отпил.

- Когда и где вы с ней познакомились?

- Весной сорок четвертого. Кажется, в конце марта. Господи, неужели уже двадцать три года прошло?

- Где? - Вулф откупорил бутылочку, но наливать себе пиво пока не стал.

- Не помню. На какой-нибудь вечеринке, наверное. Мне еще и тридцати не было, так что я не отказывал себе в обычных удовольствиях.

- И вы ее наняли?

- Э-ээ... В некотором роде.

- Вы платили ей жалованье?

Вэнс отхлебнул виски.

- Послушайте, - сказал он, - я не собираюсь хвастать, но я был молод и от девушек отбоя у меня не было. Нравился я им, понимаете? Но вот Карлотта Воэн втюрилась в меня по-настоящему. Звезд в своем бизнесе я с неба не хватал - все это знали, - но она просто хотела мне помогать, а она свое дело знала. Я не возражал. Но жалованья я ей не платил, нет.

- Как долго она вам помогала?

- Практически все лето. Да и осенью. Месяцев шесть или даже семь.

- А почему перестала?

- Я ее не спрашивал. Просто перестала и все тут.

- Мне кажется, вы могли бы быть пооткровеннее, мистер Вэнс. Ваши отношения прервались оттого, что она была беременна, не так ли?

Вэнс стряхнул пепел с сигары в пепельницу, вставил сигару в рот, обнаружил, что она потухла, взял со столика спички, прикурил и затянулся.

Потом посмотрел на Вулфа, открыл было рот, закрыл его, потянулся к бутылке, плеснул себе виски, отхлебнул и снова посмотрел на Вулфа.

- Да, - признался он. - Она залетела. Так она мне сказала. Внешних признаков я не заметил.

- Значит, она от вас забеременела?

- Черта с два!

- В каком смысле?

- При чем тут я? Она же была самая настоящая нимфоманка. Спала со всеми подряд. Она даже не знала, кто ее обрюхатил. Она сама мне это сказала.

Что ж, по крайней мере, становилось ясно, насколько тяжело или даже совсем невозможно будет доказать, что Флloyd Вэнс - отец Эми. Конечно, по меньшей мере трое - Реймонд Торн, Бертрам Макгрей и Дороти Сибор - будут утверждать про поведение Карлотты Возн совершенно обратное, но слова есть только слова. Но и в броне Вэнса имелось одно уязвимое место. Что он скажет в ответ на вопрос, с какой стати Сайрус М. Джаррет ежемесячно отсылал ей по тысяче долларов? Я решил, что Вэнсу ничего другого не остается, как прикинуться, что он знает ничего не знает. Вулф, должно быть, пришел к такому же выводу. Он уже налил себе пива и теперь следил за тем, как оседает пена. Потом повернул голову ко мне и спросил:

- Есть ли еще смысл продолжать?

Имея в виду, достаточно ли мы уже набрали отпечатков пальцев.

- Нет, - ответил я.

Имея в виду "да".

Вулф перевел взгляд на свой стакан. Пена осела как раз до требуемого уровня. Вулф отодвинул кресло, встал и протопал вон. Когда шаги его стихли, я в двадцатый раз напомнил себе, что нужно переставить мебель; не пристало Вулфу огибать красное кресло, когда в нем кто-нибудь сидит. Подобный уход должен выглядеть гордо.

- Поделом вам, - сказал я Вэнсу.

- Он уже не вернется?

- Только после того, как уйдете вы.

- Черт побери, вы могли спросить по телефону, от меня ли она залетела, и я бы вам все сказал.

- Да, я так пытался втолковать этому твердолобому. Он же решил, что по телефону спрашивать такое неловко. К тому же он любит лишний раз покрасоваться.

Вэнс заметил, что в стакане осталось недопитое виски, и залпом осушил его.

- Я думал, что Вулф захочет... - начал было он, но осекся. Потом продолжил:

- Вулфа интересовало, почему я искал встречи с Элинор Деново. Так вот, тогда я даже не подозревал, что она Карлотта Возн; я хотел только выйти на ее фирму - "Реймонд Торн Продакшнз". Я впервые услышал, что Карлотта Возн и Элинор Деново - одно лицо, из вашего объявления.

- Из объявления, напечатанного в газете, услышать ничего нельзя.

Услышать вы можете по радио. В газете объявление читается. А вот по телевизору вы можете как увидеть, так и услышать. Хитрость тут в том, что...

Вэнс прервал меня непечатным выражением и встал. Встать из красного кресла одним махом - задача нешуточная, и Вэнс оставил на каждом из подлокотников по несколько отличнейших отпечатков. Шагнув к двери, он прибавил еще пару крепких слов.

Я проследил, чтобы Вэнс ненароком не завернул направо, на кухню, но распахивать перед ним дверь не стал. И не потому, что не люблю хамов; мне просто показалось, что в данных обстоятельствах подобная любезность неуместна.

Когда хлопнула входная дверь, я приоткрыл дверь в кухню, крикнул: "Мы одни!" - и спустился в подвал, в кладовую, за картонными коробками, бечевкой и оберточной бумагой.

Когда я, навьючившись как верблюд, вернулся в кабинет, Вулф стоял сбоку от стола, хмуро пялясь в пространство. Я сбросил поклажу и произнес:

- Никогда еще так не сочувствовал нашему клиенту, как сейчас. Знала бы Эми, что получит за свои двадцать тысяч...

- Как долго продержится запах этого сигарного дыма? - прорычал Вулф.

- Кондиционер справится с ним за один час. - Я аккуратно упаковал в оберточную бумагу стакан, из которого пил Вэнс. - Помогите мне принять решение. В этой бутылке осталось еще больше половины виски. Почти на шесть долларов. Пожертвовать виски Кремеру или вылить?

- Вылей в раковину. Оно отравлено. Проклятье, до чего мерзкий запах!

Пойду наверх, но сперва нужно составить письмо. Блокнот.

Я сел и впервые забыл засесть время, так что не могу сказать вам, как долго Вулф стоя диктовал письмо.

"Уважаемый мистер Кремер!

Пять дней назад вы сказали мистеру Гудвину, что располагаете кожаным портсигаром, с которого Вам удалось снять девять отпечатков пальцев. В коробках, которые доставит Вам мистер Гудвин вместе с этим письмом, предметы, на которых могут оказаться отпечатки пальцев, совпадающие с теми, что хранятся у Вас. Это только гипотеза, так что я буду весьма признателен, если Вы скажете, подтвердится ли она. Искренне Ваш".

Чуть помолчав, Вулф закончил:

- Пусть Фриц утром принесет мне письмо вместе с завтраком. К тому времени, как вы с Солом закончите тут, я, возможно, уже засну.

Он ущипнул себя за нос, пожелал мне спокойной ночи и затопал к двери.

Глава 14

Признаться, прибыв на следующее утро без четверти девять в управление уголовной полиции на Западной Двадцать первой улице, я был в затруднении. С одной стороны, я должен был как можно скорее доставить коробки Кремеру, с другой стороны, опасался делать это сам, поскольку, прочитав письмо, Кремер неминуемо вцепится в меня бульдожьей хваткой, и - пиши пропало, Кремер продержал бы меня до тех пор, пока в лаборатории не сверят отпечатки, после чего моя песенка уже точно была бы спета. Поэтому можете представить мое облегчение, когда мне сказали, что Кремера еще нет. Как, впрочем, и Стеббинса. Принял меня другой знакомый сержант по фамилии Берман. Увидев шесть картонок, одна из которых была достаточно велика, чтобы вместить корзинку для бумаг - а так оно и было, поскольку корзинка для бумаг входила в число предметов, позаимствованных Солом из конторы Вэнса на Лексингтон-авеню, - Берман выразил надежду, что это не бомбы. Я ответил, что нет, бомба только в одной из коробок, а фокус в том, чтобы определить, в какой именно. Берман сунул письмо в карман и пообещал передать его Кремеру, как только тот появится.

Поскольку с утра я выпил только апельсиновый сок, то по возвращении я позавтракал, полистал "Таймс" и принялся ждать. На то, чтобы снять отпечатки и сравнить их с имеющимися, полицейским понадобится по моим прикидкам от одного часа до восьми, тем не менее вытереть пыль в кабинете, вырвав лишние листы из календарей, заменив воду на столе Вулфа и разобрав почту, я ждал, что телефон зазвонит в любую минуту. Если отпечатки не совпадут, то мы влипли и уже ничто на свете не поможет нам отработать полученные от клиента деньги; если же они совпадут, то мы наметили уже три или четыре варианта дальнейших действий.

Когда я в десятый раз посмотрел на наручные часы, стрелки показывали десять тридцать восемь, и я решил, что нужно еще раз трезво и спокойно все взвесить. Во-первых, нужно смириться с тем, что если отпечатки не совпадут, то лишь через день, а то и через два позвонит какой-нибудь низший чин и скажет, чтобы я приезжал за оставленным мусором. Если же они все-таки совпадут, то скорее всего лейтенант Роуклифф или сержант Стеббинс позвонят мне часа в два-три и скажут, что я должен срочно приехать. Тогда...

Задребезжал дверной звонок, я пошел открывать и увидел на крыльце Кремера и Стеббинса.

Обычно при виде пары полицейских, стремящихся проникнуть в наше жилище, я не теряюсь; на сей же раз, когда я открывал дверь, в голове у меня свербила лишь одна мысль: отпечатки совпали и, следовательно, Элинор Деново убил Флорид Вэнс. А между тем мне следовало сообразить, что не зря они нагрянули за двадцать минут до одиннадцати, поскольку прекрасно знали, что Вулфа им в это время не видать как своих ушей. Поэтому я должен был хотя бы нацепить дверную цепочку, чтобы в крайнем случае вести переговоры через щель шириной в два дюйма. Я же настолько обрадовался при виде Кремера и Стеббинса, что, забыв про осторожность, распахнул дверь, да еще, должно быть, улыбаясь во весь рот. Правда, улыбался я недолго. Стеббинс, отстранив меня плечом, ворвался в прихожую, устремился к лестнице и, не мешкая, припустил вверх по ступенькам.

Полицейский в доме, скажу я вам, это совсем не то, что полицейский вне дома. Если он вошел в дом на законном основании, а я сам открыл дверь и впустил Стеббинса, то вам остается только смиренно сидеть и строчить жалобы в Верховный суд. Даже сумей я опередить их (а как я мог это сделать, если лифт был наверху?), чтобы это дало нам? Я отправился на кухню, рассказал о случившемся Фрицу и уже после этого стал неспешно подниматься в оранжею.

Чтобы пройти, не останавливаясь и не глядя по сторонам, через три комнаты, с постепенно повышающейся температурой, по длинным проходам мимо рядов самых необыкновенных, красочных и прекрасных цветов на свете, нужно воистину быть чем-то одержимым. Представляете, что со мной творилось? Войдя в теплицу, из которой доносился голос Кремера, я застал следующую картину:

Вулф в канареечном халате сидел на своем табурете возле скамьи с рассадой.

Теодор застыл возле стеллажа с горшочками, а чуть левее высился Стеббинс.

Кремер же стоял посреди комнаты и по непонятной мне причине держал свою фетровую шляпу в руке. Глядя прямо на Вулфа, он громко говорил:

- ...задержать вас как важных свидетелей, пока я не получу ордер. Тогда я наконец упрячу вас за решетку. Ну, что вы теперь скажете?

Вулф не пошевелился, только перевел взгляд на меня.

- У тебя есть жалобы, Арчи?

- Только на их дурные манеры. В следующий раз я их не впущу.

Вулф снова посмотрел на Кремера.

- Мистер Кремер, я уже говорил и снова повторяю, что о делах я в этой комнате разговаривать не стану. Если вы подождете в кабинете, то в одиннадцать я спущусь. Если же осуществите свою угрозу и увезете нас в полицию, то отвечать мы не станем и будет разговаривать только через нашего адвоката. В сегодняшней "Газетт" и в завтрашних утренних выпусках появится сообщение о том, что Ниро Вулф и Арчи Гудвин разоблачили убийцу Элинор Деново и передали все улики в полицию, после чего в знак признания их заслуг перед налогоплательщиками обоих сыщиков арестовали и упрятали за решетку, откуда их пытается выволить под залог верный адвокат... Арчи, пойдись, пожалуйста, сюда. В этой карточке на мильтонию чарльзуорти что-то напутано.

Проверь, пожалуйста.

Я подошел, взял у него из рук карточку и хмуро уставился на нее.

Да, Кремеру я бы сейчас не позавидовал. С одной стороны, поскольку я доставил ему письмо и карточки, мы с Вулфом и впрямь становились важными свидетелями по делу (при условии, конечно, что отпечатки и впрямь совпали) с другой же, вздумай он осуществить свою угрозу и забрать нас в участок, он потом и в самом деле станет всеобщим посмешищем.

Стеббинс пробормотал себе под нос:

- Черт возьми, у меня просто руки чешутся сбить его с этого табурета. - Он взглянул на Кремера. - Может, все-таки заберем их с собой и вправим мозги до появления адвоката?

Кремер, следует воздать ему должное, был отнюдь не дурак. Далеко не дурак. Должно быть, Стеббинс подал ему эту яркую мысль - заявиться к нам и ворваться в оранжерею до одиннадцати утра. Кремер мотнул головой в направлении двери, коротко пролаял приказ, и сержант безропотно повиновался.

Остановившись перед дверью, он распахнул ее, пропустил Кремера, потом последовал за ним, оставив дверь нараспашку. Теодор закрыл дверь, а Вулф кинул взгляд на электронное табло, регулировавшее температуру, влажность и вентиляцию. До одиннадцати оставалось еще шесть минут.

- С этой карточкой и в самом деле что-то напутано? - спросил я.

- Нет. Оставайся здесь. - Вулф повернулся к Теодору. - Эти одонтоглоссум пирамус еще маловаты для седьмого номера. Пересади их в шестерку, хорошо?

- Нет, - возразил Теодор. - Немного лишнего места им не повредит.

Я не стал прислушиваться к их спору, который продолжался десять минут; я сосредоточенно представлял, что могут найти Кремер и Стеббинс, если им вздумается порыться в наших столах.

Скорее всего они ожидали, что мы с Вулфом вместе спустимся в лифте, поэтому, увидев, что Вулф сползает с табурета и расстегивает халат, я сказал, что спущусь по лестнице, я вышел. Поскольку все лестничные пролеты застланы у нас коврами, спустился я бесшумно, и полицейские заметили, что я стою в дверном проеме, только тогда, когда я заговорил. Стеббинс сидел на моем стуле и разглядывал содержимое верхнего из двух выдвинутых ящиков, а Кремер стоял возле картотечного шкафа, который я, по счастью, запер на ключ.

- Извините, что я оставил сейф запертым, - произнес я.

Кремер обернулся и прищурился. Стеббинс как ни в чем не бывало вынул из ящика еще одну стопку бумаг и начал их просматривать. Полицейский в доме - ничего не попишешь. Послышался шум спускающегося лифта. Вулф вошел, метнул свирепый взгляд на Стеббинса, который продолжал копаться в моих бумагах, и провозгласил:

- Пригласи мистера Паркера. Разговаривать будем на кухне.

- А чего вы ждали? - спросил Кремер. - Ладно, хватит, Пэрли. Освободи гудвинское кресло. Пошевеливайся!

Стеббинс небрежно швырнул бумаги на стол, встал, пересек комнату и уселся в одно из желтых кресел. Он предпочитает сидеть спиной к стене.

Кремер занял красное кресло, а Вулф взгромоздился в свое кресло и выдвинул ящик стола, чтобы проверить, все ли в порядке. Потом поморщился и обратился к Кремеру;

- Чем быстрее мы покончим с этим, тем лучше. Вы хотите знать, кому принадлежат эти отпечатки?

- Еще бы, черт побери! И еще я хочу...

- Это подождет. И я не потерплю этого человека, - он ткнул мясистым пальцем в направлении Стеббинса, - в своем доме. Как он посмел обыскивать мой кабинет! Фу! Я предпочел бы избавиться и от вас, но вместо вас могут прислать еще менее приемлемую кандидатуру... Арчи. На нашем бланке: имя мистера Вэнса, адрес и телефон. В двух экземплярах.

Из-за беспорядка, устроенного Стеббинсом, мне пришлось потратить на это больше времени, чем обычно. Пока я печатал, Кремер начал было что-то говорить, но увидел, что Вулф его не слушает, и заткнулся. Когда я закончил, Вулф буркнул:

- По одной каждому.

Я отдал первый экземпляр Кремеру, а копию Стеббинсу, после чего Вулф прорычал Кремеру:

- Уберите его отсюда.

Следует воздать Вулфу должное: он отлично знает, когда ему такое может сойти с рук. В обычных обстоятельствах он бы даже не попытался прогнать Стеббинса, сейчас же - другое дело; ведь он только что передал в руки Кремера имя и адрес человека, который оставил портсигар в машине, совершившей наезд.

- Флойд Вэнс? - спросил Кремер. - Это его отпечатки?

- Да, - сказал Вулф. - Большую часть из них он оставил здесь в моем присутствии, сидя в кресле, которое вы сейчас занимаете.

Кремер повернулся к Стеббинсу:

- Немедленно арестовать его!

Стеббинс встал и вышел.

Дождавшись, пока Стеббинс выйдет в прихожую, Вулф проговорил:

- Мы отдали в ваши руки человека, которого вы разыскивали больше трех месяцев. Что еще вам нужно?

Благодаря кондиционеру, бусинки пота на лбу Кремера подсохли, а лицо стало чуть менее багровым.

- Мне нужно еще много, - сказал он. - Я хочу знать, например, как вы рассчитываете избежать обвинения в сокрытии улик с целью воспрепятствования правосудию. Мне нужно знать, как давно вам стало известно, что за рулем той машины сидел Флойд Вэнс, и каким образом вы на него вышли. Я хочу знать, он ли тот самый отец, которого вы искали, и если да, то почему он убил Элинон Деново.

- Тут придется долго рассказывать, мистер Кремер.

- Конечно. Даже для такого болтуна, как вы. Начинайте.

Вулф устроился поудобнее.

- Сначала о сокрытии улик. В прошлый четверг мистер Гудвин дал вам честное слово и пообещал, что первый же заслуживающий факт, который мы раскопаем, мы передадим вам, прежде чем воспользуемся им сами. Так вот, эти отпечатки мы получили только вчера поздно вечером и передали вам сегодня рано утром. Сами мы ими не воспользовались, да и не намеревались. Больше я не располагаю никакими сведениями, которые, насколько я могу судить, представляют для вас интерес.

- Вы не можете судить! Если вы...

- Пожалуйста, не перебивайте. Вы сами попросили, чтобы я вам все рассказал. Как я вам уже говорил, мой клиент - молодая женщина, которая хочет, чтобы я разыскал ее отца. Мы напали на один след, но он оказался ложным. Мы вышли еще на одного человека, но и здесь нас подстерегала неудача. Я уже подумывал о том, не вернуть ли задаток и не отказаться ли от этого дела, но продолжал поиск только благодаря своему упорству, которое мистер Гудвин называет ослиным упрямством. Вам знакомо имя Реймонд Торн?

- Реймонд Торн? Нет.

- Кто-нибудь из ваших людей наверняка его знает. Элинон Деново проработала у него почти всю свою взрослую жизнь. "Реймонд Торн Продакшнз".

Телевидение. В четверг вечером он приходил ко мне по моей просьбе и в течение четырех часов отвечал на мои вопросы. В числе прочего я выяснил, что в мае некий Флойд Вэнс неоднократно пытался встретиться с Элинор Деново, но та всякий раз отказывала ему. В последний раз он приходил к ней двадцать второго мая, за четыре дня до ее смерти. Если бы вы проявили достаточно рвения при допросе секретарши из "Реймонд Торн Продакшнз", то убийца давно был бы в ваших руках. Мы тщательно раскопали прошлое Флойда Вэнса и обнаружили, что он был знаком с Элинор Деново, которая звалась тогда Карлоттой Воэн, с тысяча девятьсот сорок четвертого года. В том же году они часто встречались в течение нескольких месяцев. Мы предположили, что Вэнс может быть тем самым отцом, которого мы ищем. Вчера вечером мистер Гудвин доставил его ко мне. Мистер Гудвин и мистер Пензер тщательно подготовились к этой встрече. Именно поэтому вам так повезло. Без этих отпечатков вы бы никогда не нашли убийцу. И после этого вы посмели заявиться сюда...

- А вы считаете, я должен представить вас к медали?

- Я не люблю медали. Мне от этих отпечатков проку никакого. Вэнс отрицает, что он отец ребенка Карлотты Воэн. Он, конечно, лжет, но изболтать его я не могу. Вы можете мне помочь?

- Я расследую убийство, а не дело об отцовстве.

- Вы правы. Теперь, благодаря этим отпечаткам, вы расследовали еще одно убийство. Вы говорили, что хотите знать, почему он убил ее. Так вот, я не знаю. Я видел его всего один раз, здесь, в кабинете, вчера вечером, и не задал ему ни одного вопроса, имеющего отношение к смерти Элинор Деново. И не спрашивал, почему он так настойчиво добивался с ней встречи в мае. Вы - другое дело. Вам нужен мотив, поэтому вы, конечно, не упустите возможности выпытать у Вэнса всю подноготную. Вполне возможно, что при этом выплывет наружу что-то, имеющее отношение к моей задаче. Если такое случится и вы сочтете возможным поделиться со мной без ущерба для своего расследования, то я постараюсь стереть из своей памяти сегодняшнее безобразие. Конечно, это будет нелегко - я вздрагиваю при одном воспоминании о том, как этот вурдалак ворошил бумаги мистера Гудвина, а вы стояли и аплодировали.

- Я вовсе не аплодировал.

- Вы попустительствовали.

- Ладно, хватит вам. Любой полицейский поступил бы так просто по профессиональной привычке. Даже найди он подписанное Гудвином собственноручное признание в убийстве Элинор Деново, ни один суд не принял бы его - сами знаете.

Кремер посмотрел на часы, потом на меня.

- Сколько времени прошло после ухода Стеббинса?

- Минут пятнадцать, - сказал я - Когда будете вставать, не опирайтесь о правый подлокотник. На нем четыре отпечатка пальцев Флойда Вэнса.

- Спасибо, что предупредили.

Кремер опустил обе ладони на правый подлокотник, приподнялся, встал и посмотрел на Вулфа.

- Я хочу быть на месте, когда его доставят. Должен признаться: то, что вы мне тут наплели, звучит весьма убедительно, но убеждать вы умеете. Пока я ничего вам не обещаю - до тех пор, пока не поговорю с этим Флойдом Вэнсом.

Вот тогда я и решу, что мне с вами делать. Мне когда-нибудь случалось благодарить вас?

- Нет.

- И теперь тоже я не стану вас благодарить. Пока.

Он повернулся и зашагал к двери. Я остался сидеть на своем стуле.

Вулф еще раз выдвинул ящик, чтобы окончательно убедиться, что все на месте, а я принялся разбирать учиненные Стеббинсом бардак. Ванда. Гунн.

Вряд ли он похитил у меня что-нибудь ценное, поскольку у нас не принято хранить тайны в незапертых ящиках.

Разложив все по местам, я решил, что вурдалак ничего не стащил, за исключением разве что нескольких моих визитных карточек. Я повернулся и увидел, что Вулф уже задвинул ящик и сидит с задумчивым видом. Заметив, что я смотрю на него, Вулф кивнул и провозгласил:

- Фаленопсис афродита сандериана.

Я приосанился.

- Если это викторина, то окраска цветков такая: розовые, коричневые, пурпурные и желтые.

- Мы пошлем их этой Деборе Сибор. Я сейчас схожу за ними. Я хотел срезать их сегодня, но помешали эти варвары. Я даже для стола не срезал.

Он отодвинул кресло и поднялся.

- Инструкции?

- Никаких. Ты ничего не сможешь сделать.

- Сол наготове. Как, впрочем, и Фред и Орри.

- Отпусти их. Следующий наш ход очевиден, но мы должны дождаться, пока Кремер выяснит мотив. И это-то хоть, надеюсь, им под силу.

Лифт двинулся вверх, а я принял позу мечтателя. Приятно, конечно, что следующий наш ход очевиден, но еще приятнее было бы знать, чем и куда ходить.

Глава 15

Я до сих пор не знаю, сколько потребовалось времени Кремеру, чтобы расколоть Вэнса и выяснить, почему он убил Элинор Деново. Знаю только, что позвонил Кремер в четверг, в шесть тридцать восемь вечера, в результате чего я снова опоздал на традиционную игру в покер. И я так же до сих пор не знаю, в чем заключался наш очевидный ход. В числе восьмидесяти семи прихотей Вулфа, которые я мечтал бы искоренить, входит его ослиная убежденность в том, что он не должен ничего объяснять только ради того, чтобы удовлетворить чье-то любопытство, даже мое.

Между тем, узнав из полуденного выпуска новостей об аресте Флойда Вэнса, я попросил Лона Козна проверить эти сведения, а потом позвонил Лили Роуэн и сказал, что хотел бы встретиться с нашим клиентом, в результате чего удостоился приглашения к обеду. Покончив с салатом из омара и с муссом из мускатной дыни, мы вышли на террасу, и я поведал Эми, что она больше не является мишенью и может не опасаться за свою жизнь. Естественно, она пожелала знать, что случилось. Лили тактично припомнила, что ее ждут на заседании какого-то комитета и оставила нас вдвоем, чего мне, впрочем, вовсе не хотелось. Однако вот уже в течение двух недель я прятался от Эми, так что ее стремление выведать у меня, в чем дело, вполне справедливо и объяснимо.

Обычно всегда есть хоть что-то, что можно сказать клиенту. Пока я сказал Эми лишь то, что ее мать звали Карлотта, но сейчас добавить к этому мне было нечего. Уходя, я уже не был так уверен в том, что по-прежнему остаюсь единственным человеком в этом мире, которому Эми может доверять.

Из газетных сообщений в среду и в четверг я узнал все подробности о личности человека, совершившего наезд на Элино́р Дено́во, но так и остался в полном неведении относительно мотива убийства. У меня сложилось впечатление, что отпечатки пальцев удалось идентифицировать исключительно благодаря скрупулезной и виртуозной работе ищек Кремера, хотя подробности не сообщались. Не упоминались также ни Ниро Вулф, ни Арчи Гудвин. Говорилось также, что в сорок четвертом году Флойд Вэнс был холост, а свой патриотический долг наряду с миллионами других американцев он не выполнял из-за какого-то дефекта коленной чашечки.

Когда в четверг вечером зазвонил телефон, я сидел за столом, разбирая записи по гибридизации, а Вулф только начал новую книгу - "Будущее Германии"

Карла Джасперса. Я снял трубку.

- Контора Ниро Вулфа, Арчи...

- Мне нужен Вулф, Гудвин. Это Кремер.

- Приветствую.

Не прикрывая мембрану рукой, я повернул голову и нарочито громко пробасил:

- Кремер.

Вулф потянулся к трубке, а я продолжал слушать.

- Да, мистер Кремер?

- Я по поводу Флойда Вэнса. Вы читали в газетах?

- Да.

- Мы рассчитываем предъявить обвинение в предумышленном убийстве и убеждены, что он не отвертится. По новому предписанию мы не могли даже спросить, не хочется ли ему пить, в отсутствии его адвоката. Я готов вам кое-что сказать, если вы пообещаете не разглашать это.

- Вы ставите меня в сложное положение. От сведений, которыми я не могу воспользоваться, пользы мало.

- Я не сомневаюсь, чтобы вы захотели воспользоваться этими сведениями.

Но если можете воспользоваться, не раскрывая источник, то - пожалуйста.

- Очень хорошо. Даю слово.

- То, что вас больше всего интересует, нам узнать не удалось. По меньшей мере, в течение последнего года, а то и больше, Элино́р Дено́во преследовала его. Похоже, она была еще та штучка. Доказательств того, что она упоминала его имя, у нас нет, но прошлой весной, когда у него оставалось всего два клиента, они вдруг отказались от его услуг, и у нас есть их письменные показания, что они решили воспользоваться услугами той фирмы, которую порекомендовала им Элино́р Дено́во. Были и другие подобные случаи, так что, когда дойдет до суда, у нас уже будет достаточно полная картина. Пока же адвокат Вэнса пытается доказать, что убийство было непреднамеренным, но ему это не удастся. Судя по всему, примерно полтора года назад Элино́р Дено́во решила пустить Вэнса по миру, и ей это весьма неплохо удавалось. Вы об этом знаете?

- Нет.

- Таким образом, мы нащупали вполне серьезный мотив для убийства, хотя не знаем, за что она пыталась ему отомстить. Впрочем, это уже ваша забота.

Вполне возможно, что она решила поквитаться за что-то случившееся в сорок четвертом году, но я очень доволен, что нам ни к чему копать так глубоко.

Если хотите вы, то ради Бога, хотя теперь Гудвину не удастся вытащить Вэнса к вам еще на один вечер. Теперь он вам недоступен.

- Вы правы. Я надеялся услышать от вас что-нибудь полезное, но, судя по всему, придется мне признать свое поражение. Тем не менее я вам признателен.

Искренне признателен.

- Что ж, на такой ноте можно и попрощаться, - сказал Кремер и положил трубку.

Вулф глубоко вздохнул, и уголок его рта вздернулся на целых четверть дюйма. Он посмотрел на меня и сказал:

- Приемлемо.

- "Приемлемо?" - фыркнул я. - Черта с два! Потрясающе! Грандиозно! Пора брать у мисс Деново чек на двадцать тысяч.

- Нет, подожди немного. - Он взглянул на часы. - Соедини меня с мистером Джарретом.

Я приподнял брови.

- С отцом или сыном?

- С мистером Сайрусом М. Джарретом.

Я кивнул.

- Угу. Я знаю, что умею выполнять ваши поручения, но на сей раз мне нужно кое-что уточнить.

В среднем мне удается подзывать мистера Сайруса М.

Джаррета к телефону ноль раз из каждых двух попыток. Думаю, что в лучшем случае мне удастся побеседовать с субъектом по имени Оскар.

- Я сам поговорю с Оскаром.

Я снова изогнул брови, потом развернулся, снял трубку, набрал код девятьсот четырнадцать, а за ним номер резиденции Джаррета. Вулф уже держал свою трубку возле уха. На пятый звонок знакомый мужской голос произнес:

- Резиденция мистера Джаррета.

- Говорит Ниро Вулф. Я звоню из Нью-Йорка. Я хочу поговорить с мистером Джарретом.

Передайте ему... - Не смейте меня перебивать! Скажите, что я хочу поговорить с ним о Флойде Вэнсе. Повторите имя.

- Но мистер Джаррет ужинает...

- Я сказал, чтобы вы повторили имя. Флойд Вэнс.

- Флойд Вэнс.

- Прекрасно. Выслушать вас мистер Джаррет сможет. Он ест не ушами.

Скажите, что я хочу немедленно поговорить с ним о Флойде Вэнсе. Вы запомнили, как меня зовут?

- Да, сэр.

- Я не буду класть трубку, но не заставляйте меня ждать.

Я слушал, затаив дыхание. Вулф так отчаянно блефовал, что я даже не решался сделать ставку. Слишком многое было поставлено на карту. Значит, для Вулфа очевидный ход заключался в том, чтобы прикупить недостающую карту к стриту. И вероятность удачи была, на мой взгляд, ничуть не больше. Насколько я мог судить, было вполне вероятно, что Джаррет вообще никогда не слышал про Флойда Вэнса. Так что я не удивился бы, услышав щелчок от брошенной Оскаром трубки.

Но я ошибся. Время я, правда, не засекал, поскольку судорожно цеплялся за самый краешек утеса, но мне показалось, что прошло часа три. Или, по меньшей мере, три минуты.

- Вы прервали мой ужин.

Я кивнул Вулфу - Джаррет.

- Мистер Джаррет?

- Да.

- Меня зовут Ниро Вулф. Я не люблю прерывать чьи-то трапезы, но дело не терпит отлагательства. Я должен срочно принять решение. Я только что беседовал с инспектором полиции, который расследует дело об убийстве Элинора Деново. Должен сказать вам по секрету, что за арест подозреваемого, Флойда Вэнса, ответственны мы с мистером Гудвином, который дважды приезжал к вам.

Для доказательства того, что убийство было предумышленным, полиции нужен мотив, поэтому очевидно, что полиция крайне заинтересована в том, чтобы в деле всплыло ваше имя и можно было бы с вашей помощью установить, в каких отношениях состояли Флойд Вэнс и Элинора

Деново двадцать три года назад. Это неизбежно приведет к тому, что вам придется давать свидетельские показания на суде Флойда Вэнса, а мне бы крайне не хотелось подвергать таким неприятностям столь заслуженного человека, как вы. Поэтому, прежде чем назвать вас полиции, я хотел бы обсудить с вами создавшееся положение, и завтра утром в одиннадцать я жду вас здесь, в моей конторе.

- Мое имя упоминалось в вашей беседе с полицейским инспектором?

- Нет.

- Мне ровным счетом ничего не известно о том, в каких отношениях состояли Флойд Вэнс и Элинора Деново двадцать три года назад.

- Фу. Я сразу же перезвоню мистеру Макгрею и попрошу проследить за тем, чтобы до прихода полицейских определенные чеки в архиве "Сиборд Бэнк энд Траст компани" никто не потревожил.

- Зачем полиции эти чеки?

- В полиции принято проверять все, что может иметь отношение к расследованию убийств. Если хотите, я могу потом спросить у инспектора Кремера, пригодились ли ему эти чеки.

- Нет. Знал бы я тогда, когда пришел Гудвин... - Джаррет приумолк, потом резко произнес:

- Жду вас завтра утром.

- Я веду дела только у себя в конторе. Я и так оказываю вам куда больше почестей, чем вы заслуживаете, сэр. Вы приедете к одиннадцати или нет?

- Днем. Во второй половине.

- Нет. Или в одиннадцать или не приезжайте.

- В моем возрасте по утрам бывает нелегко.

- Встаньте пораньше. Но после одиннадцати уже не приезжайте.

- Хорошо, черт бы вас побрал!

Послышались короткие гудки. Я положил трубку и повернулся к Вулфу.

- Вы, кажется, не похудели ни на унцию, а я потерял фунтов десять.

Вулф хрюкнул.

- Да, я пошел ва-банк. Терять мне уже было нечего.

- Он заглотил наживку вместе с крючком. Вы уже решили, что его связывает с Вэнсом?

- Нет.

- Вэнс - его сын.

Вулф кивнул.

- Для нас это было бы идеально. А внешнее сходство есть?

- Я бы не сказал.

- Это, конечно, важно, но не обязательно. А вот по другому поводу я хотел бы с тобой посоветоваться. Должна ли присутствовать при этом мисс Деново?

- Да, это и в самом деле вопрос серьезный. Последние два дня она не выходит у меня из головы. Больше всего на свете мне не хотелось бы, чтобы она узнала, что ее отец Флойд Вэнс. Я придумал три способа, как можно избавить ее от этого потрясения, но все они далеки от идеала. Вы можете что-нибудь предложить?

- Нет, но я хочу с тобой поспорить.

- Валяйте.

- Я тоже думал об этом. Очевидно, что для клиента важно не искусство, с которым мы проводим расследование, а сам результат. В случае мисс Деново обстоятельства сложились так, что результат ее не удовлетворит. Даже наоборот. Возникает резонный вопрос: что удовлетворит ее в меньшей степени?

Ты знаешь мисс Деново лучше, чем я. Если бы ей предложили на выбор два варианта, что бы она выбрала? Получить доказательства, что Флойд Вэнс, отпетый мерзавец и убийца, - ее отец? Или на всю жизнь остаться в неведении?

Только меня интересует не твое мнение, а ее.

Продумал я целую минуту. Вердикт же мой был таков:

- Она предпочла бы узнать правду.

- Значит, завтра утром она должна быть здесь. В нише. Прими меры предосторожности, чтобы она не вмешивалась, даже если вдруг услышит что-то совершенно неожиданное. Может быть, стоит пригласить Сола, чтобы он приглядел за ней. Ты ведь сегодня встречаешься с ним?

- Надеюсь, что да. Это зависит от того, сколько времени мне потребуется, чтобы разыскать Эми. Мы ведь выпустили ее из заточения.

Вот почему я опоздал на игру в покер. Когда я наконец дозвонился до Эми, было уже почти десять. Впрочем, сказать мне ей, как всегда, было почти нечего, за исключением того, что она должна быть у нас к половине одиннадцатого. Правда, это должно было подсказать ей, что дело, по крайней мере, не стоит на месте. Сола я тоже пригласил на это время. Нью-Йорк в наши дни таков, что даже для таких асов, как Сол Пензер, нужно набрасывать полчаса на всякую неожиданность.

Глава 16

Одно время я размышлял над происхождением слова "подслушивать". С помощью словарей я выяснил, что когда-то это означало прятаться где-нибудь под окном или под карнизом и слушать, о чем говорят в доме. Для того же, чтобы подслушать, о чем говорят в кабинете Вулфа, прятаться нужно не под окнами, а в особой нише, которая находится в самом конце прихожей по пути на кухню. Примерно на уровне глаз (если вы одного роста со мной и Вулфом) в стене прорезано прямоугольное отверстие высотой в семь дюймов, а шириной в двенадцать. Со стороны ниши отверстие прикрыто выдвигной филенкой, а со стороны кабинета замаскировано картиной с изображением водопада. Фокус тут в том, что через отверстие не только было слышно, о чем говорят, но и видно большую часть кабинета.

Поскольку Эми Деново была ниже меня на восемь дюймов, то в пятницу утром я приволок из кухни в нишу раздвижную лестницу. В конце концов клиент, который платит двадцать тысяч, заслуживает того, чтобы подслушивать и подглядывать в человеческих условиях.

Эми пришла за девять, а Сол - за одну минуту до назначенного срока. Я отвел Эми в нишу, посадил на лестницу напротив отверстия, отодвинул филенку в сторону и убедился, что глаза девушки находятся как раз на нужном уровне.

- Учитывая узость ступеньки, на которой вы примостились, - заметил я, - я страшно рад, что на ней сидите вы, а не Ниро Вулф.

- А зачем это нужно? - спросила Эми.

- Это зрительная трибуна. Вам предстоит увидеть и услышать человека, который отправил все двести шестьдесят четыре чека вашей матушке. Сайрусу М.

Джаррету аудиенция назначена на одиннадцать. Мы решили, что лучше вам услышать все из первых уст, а отсюда до красного кожаного кресла, в котором будет сидеть Джаррет, всего десять футов. Взгляните.

Эми наклонилась поближе к отверстию.

- А он не увидит меня?

- Нет. Со стороны кабинета видно только нарисованный водопад.

Девушка повернулась ко мне.

- Но почему... Что он собирается сказать?

- Вот мы и сами хотим это услышать. Мы рассчитываем, что помимо всего прочего он назовет и имя вашего отца. Это может...

В дверь позвонили. Я пошел открывать.

Кратко сказал Солу (а это оказался он), что он должен делать, я проводил его к нише и представил нашей клиентке, которая за две недели уже уплатила ему через меня почти тысячу долларов.

- Поскольку вы называете меня Арчи, - обратился я к Эми, - вам придется называть его Солом, чтобы он не обиделся. Он останется здесь с вами на тот случай, если вам вдруг покажется, что мы задаем Джаррету не правильные вопросы, и вы решите вмешаться. Джаррет не должен заподозрить, что кроме нас с Вулфом здесь есть еще кто-то. Снимите туфли и если вдруг почувствуете, что хотите чихнуть или кашлянуть, то постарайтесь почувствовать это заранее, с таким расчетом, чтобы успеть добежать до кухни. - Я взглянул на часы. - Он должен быть здесь через двадцать пять минут, но может приехать и раньше. Сол отведет вас на кухню и угостит кофе, а я пойду в кабинет глотать транквилизаторы, чтобы успокоиться.

- Что-то не похоже, чтобы вы волновались, - улыбнулась Эми.

- Значит, не буду глотать транквилизаторы, - великодушно согласился я и отчалил.

Вулф спустился из оранжереи ровно в одиннадцать, вставил свежесрезанные орхидеи и начал просматривать почту. Я сидел за своим столом, проверяя по гроссбуху последние расходы и поступления. Ничто не указывало на то, что нас ждет нечто особенное.

Дверной звонок задребезжал в четверть двенадцатого.

Первым делом, открыв дверь, я заметил, что Джаррет приехал на "героне" с городским номером и что глаза Джаррета за две недели совершенно не изменились.

- Доброе утро, - поприветствовал я высокого гостя, вложив в голос все свое радушие и сердечность, хотя вполне мог процедить сквозь зубы что-нибудь нечленораздельное. Пожалуй, пора меня уже все-таки наградить.

Джаррет тоже проскрипел "Доброе утро", но тоном, в котором не было и намека на сердечность. Впрочем, я не исключаю, что Джаррет здоровается так со всеми - от мальчишки-посыльного до вице-президента компании.

Я дождался, пока Джаррет благополучно устроился в красном кресле, после чего торжественно провозгласил:

- Мистер Джаррет. Мистер Вулф.

- Подставку для ног и стакан воды, - потребовал Джаррет.

Единственная в нашем доме подставка для ног была в комнате Фрица, в цоколе. По дороге на кухню я с удовлетворением удостоверился, что в нише все спокойно - Эми, сбросив туфли, сидит у амбразуры, а Сол бдительно наблюдает за ней. Сказав Фрицу, что гость требует воды, я спустился в цоколь и вошел в огромную захлавленную комнату Фрица, в которой на одиннадцати книжных полках размещались двести девяносто четыре кулинарные книги. При беглом осмотре выяснилось, что у Фрица хранятся целых три подставки для ног. Я выбрал самую большую, обтянутую гобеленом, на котором охотник целился копьём в матерого медведя.

Вернувшись в кабинет, я убедился, что почти ничего не пропустил.

Джаррет доставал синюю пилюлю из маленькой золотой коробочки, и я постоял рядом с ним, дожидаясь, пока он положит пилюлю в рот и запьет ее водой.

Возможно, Джаррет рассчитывал на то, что я нагнусь и сам поставлю его ноги на подставку, как, должно быть, делал Оскар, но я решил, что даже у Арчи Гудвина сердечность и радушие не безграничны. Джаррет, запив пилюлю, поставил стакан на столик, после чего сам задрал ножки, и я подсунил под них подставку.

- Совсем неподалеку отсюда живет опытный врач, - сказал Вулф.

- Нет, - процедил Джаррет, устремив на него ледяной взгляд. - Я же вам говорил, что в моем возрасте по утрам бывает нелегко. Излагайте.

Вулф потряс головой.

- Я не могу страшить больного. Пилуля вам поможет?

- Это все из-за вашей наглости. - Костлявый подбородок дернулся вверх.

- Я стар. Но я вовсе не больной. И вам не застрашивать меня - больного или здорового. Начинайте.

Плечи Вулфа чуть приподнялись, потом опустились.

- Очень хорошо, сэр, я начну. Но мы сможем быстрее покончить с этим делом, если вы смиритесь с реальностями. Я сказал, что не могу страшить больного, но вас я уже запугал. Я буквально силой вытащил вас сюда, но при этом выложил все свои карты на стол. Я дал вам понять, что у вас есть выбор: либо вы дадите мне правдивые и исчерпывающие ответы на интересующие меня вопросы, либо я сообщаю полиции определенные сведения, которые послужат основой для расследования ваших давних взаимоотношений с Флойдом Вэнсом и Карлоттой Возн, которая позднее стала Элинор Деново. Если вы не очень близко знакомы с уголовным правом, я объясню вам, почему полиция проявляет такой интерес к этому делу. Адвокат Флойда Вэнса пытается повернуть дело так, чтобы его клиента судили за преднамеренное убийство. Полиция же и окружной прокурор настаивают на том, что убийство было предумышленным, а для этого они должны предъявить обоснованные мотивы. Поэтому они не пожалеют ни времени, ни усилий, чтобы разворошить всю эту историю с чеками, которые вы в течение двадцати двух лет посылали Элинор Деново.

Не меняя тона, Вулф продолжил:

- Вы рано завтракали и проехали девяносто миль. Не желаете ли выпить кофе или еще что-нибудь? Сэндвич, печенье, фрукты? Оладьи с тимьяновым медом?

- Вы все-таки поразительный наглец, - произнес Джаррет. Он никак не отреагировал на любезное предложение Вулфа, а зря: Фриц печет такие оладьи, что просто пальчики оближешь. - Это шантаж. Даже если я соглашусь, я все равно буду в ваших руках. Если вы не сообщите в полицию про чеки, то это сделает Макгрей или кто-то другой.

- Нет. Это исключено. Тем более что никто больше не знает и даже не подозревает о вашей связи с Флойдом Вэнсом. Кроме нас с мистером Гудвином.

- Это ерунда. Я никак не связан с Флойдом Вэнсом. Если вы...

- Мистер Джаррет, не запирайтесь. Смиритесь с реальностью. При одном упоминании Флойда Вэнса вы сами подошли к телефону, а потом согласились приехать сюда. Фу. Вы просто не в себе.

Это нужно было видеть: Джаррета приперли к стенке, но взгляд его оставался таким же ледяным и пронизывающим, как тогда, когда он обозвал меня безмозглым недоумком. - Вы лжете, - сказал он. - Я знаю, что за вашей спиной прячется Макгрей.

- Нет. Я не настолько глуп. Я представляю исключительно интересы моего клиента, мисс Эми Деново, дочери Элинор Деново.

- Что вы хотите? Сколько?

- Мне нужно только получить ответы на интересующие меня вопросы. Точнее - на вопросы, которые интересуют моего клиента. Меня наняли только с одной целью - узнать, кто ее отец и каким он был... или есть. Я обязан сказать ей только это, так что никакие другие сведения, которые вы мне сообщите, не станут известны ни ей, ни кому другому.

Вулф наклонил голову.

- Вы упомянули также шантаж. Как я уже сказал вам вчера, я и так оказываю вам куда больше почести, чем вы заслуживаете. Любой гражданин, располагающий сведениями о совершившемся

преступлении, должен сообщить об этом в полицию. Я мог бы сделать это еще вчера и не возиться тут с вами. В ходе расследования личность отца Эми Деново, безусловно, была бы установлена, так что свои обязательства перед ней я бы выполнил. С вами же я встретился только потому, что честолюбие не позволяет мне полагаться на кого-то другого в тех случаях, когда я могу добыть нужные мне сведения сам.

Можете меня не благодарить.

- Я и не собираюсь вас благодарить. - Джаррет приподнял ноги и отшвырнул подставку в сторону. Похоже, пилюля помогла. - Я отвечу на ваши вопросы, а потом вы донесете в полицию.

- Нет. Повторяю: никакие другие сведения, кроме тех, что интересуют моего клиента, не станут известны ни мисс Деново, ни кому другому. Если вы мне не верите, то вы напрасно потратили свое время - не стоило вам приезжать сюда.

Похоже, Джаррета наконец проняло, злорадно отметил я, поскольку не мог забыть своих встреч с ним. Подбородок дрожал, на шее подергивалась какая-то жилка, а пальцы сжались в кулаки.

- Отец Эми Деново - Флойд Вэнс - хрипло сказал он.

Вулф кивнул.

- Так я и предполагал. А откуда вы знаете?

- Я же вам сказал, черт побери! Я знаю... Вас наняли только для этого.

- Совершенно верно. Но мне нужны правдивые и исчерпывающие ответы.

Начнем сначала. Весной тысяча девятьсот сорок четвертого года Карлотта Воэн уволилась от вас и начала работать с Флойдом Вэнсом. Почему?

- Не вижу смысла отвечать на вопросы, которые не имеют отношения к вашим интересам.

- Фу. Позвольте мне самому решать, что имеет отношение к моим интересам, а что нет. Поскольку этот разговор не слишком приятен ни вам, ни мне, давайте покончим с ним побыстрее. Итак, почему она перешла к Флойду Вэнсу?

Замороженные глаза Джаррета впились в Вулфа.

- По моей просьбе, - ответил он. - Я продолжал платить ей жалованье.

Карлотта была исключительно знающим и умелым работником, и я надеялся, что она поможет Флойду наладить его дело. Он не знал, что я прислал ее. Он вообще ничего про меня не знает. Направив к нему Карлотту, я совершил ошибку. Когда в сентябре я вернулся из-за границы, я узнал о том, что случилось. Флойд соблазнил ее, и она была беременна. Но к тому времени она уже поняла, что он за человек. Вскоре она исчезла. Поскольку я считал себя ответственным за случившееся, я организовал ее розыск, но на это ушло время, так что узнал я о том, что она изменила имя и фамилию только в марте сорок пятого. Вскоре после рождения ребенка я послал ей банковский чек. После октября сорок четвертого года я ни разу не видел ее и не разговаривал с ней.

Я сообщаю вам эти подробности только для того, чтобы избежать лишних расспросов. Я не располагаю никакими сведениями о том, встречалась ли она с Флойдом Вэнсом хоть раз после октября сорок четвертого года. Если он и в самом деле убил ее, то мотив мне неизвестен.

- А знает ли Вэнс, что вы его отец? - спросил Вулф.

Джаррет, похоже, ждал этого вопроса.

- Я уже ответил на этот вопрос, - сказал он. - Я сказал, что он вообще ничего про меня не знает. Его мать звали Флоренс Вэнс. В тысяча девятьсот четырнадцатом году ей было двадцать, а мне двадцать три. Она работала официанткой в одном из бостонских ресторанов. Она умерла через пять дней после того, как родился ребенок. Нет, Флойд Вэнс не знает, что я его отец.

Если у вас есть вопросы, которые имеют отношение к делу, спрашивайте.

- Я мог бы задать еще много вопросов, - сказал Вулф, - но самое главное я уже выяснил. Мне, конечно, было бы любопытно узнать, каким образом вы сумели две недели назад поставить Флойда Вэнса в известность о том, что я разыскиваю отца Эми Деново, но настаивать на ответе не буду. Но кое-какие замечания сделаю. Если бы вы рассказали все это мистеру Гудвину, когда он впервые приехал к вам, можно с достаточной уверенностью утверждать, что Флойд Вэнс не был бы арестован по подозрению в убийстве Элинора Деново. А Эми Деново не пришлось бы платить мне еще за две недели напряженной работы. Если вы пришлете мне чек в компенсацию за все затраты, то я верну ей задаток и не возьму с нее ни цента. Если вы согласитесь, то это обойдется вам в пятьдесят тысяч... Каково бы ни было ваше решение, я стану лучше разбираться в человеческой натуре... Арчи, с этого кресла трудно вставать. Помогите мистеру Джаррету подняться.

Я подошел, но Джаррет даже не посмотрел в мою сторону. Он подогнул ноги, напрягся и встал одним рывком. Пилюля определенно сработала. Джаррет, вынужден отдать ему должное, умел держать удар. Ни один из известных мне людей не сумел бы пропустить колкости Вулфа мимо ушей. Джаррет же даже глазом не моргнул. Я уже в третий раз наблюдал за его уходом, хотя при наших предыдущих встречах прощальные фразы принадлежали ему.

Когда "герон" отъехал, я запер входную дверь, прошагал к нише и сказал:

- Надеюсь, слышимость была хорошая? Делиться услышанным мы не имеем права.

Сол задвинул филенку. Эми, слезая с лестницы, споткнулась и пошатнулась. Я подхватил ее за локоть.

- Спасибо, - вежливо поблагодарила она. Лицо ее было заметно бледнее, чем обычно.

- Пожалуйста, - столь же вежливо ответил я. - Вы все слышали?

- Да. Но я... Вы не возражаете, если я уйду?

- Нет, конечно. Проводить вас?

- Нет, я хочу побыть одна. Потом... Я вам позвоню. Но одно я уже решила. Моя мать дала мне имя Эми Деново, и я не стану менять его.

- Рад за вас.

- Мне не нужно сейчас говорить с Ниро Вулфом? Мне бы очень хотелось избежать этого.

- Конечно. Я думаю, он уже забыл про вас и погрузился в книгу о Германии. Позвоните в любое время.

Эми повернулась и зашагала было к двери, но Сол преградил ей дорогу.

- Вы забыли свои туфли, - сказал он.

- Спасибо, - вежливо сказала она и, опершись на меня левой рукой, нагнулась и правой стала надевать туфли. Потом сказала:

- Не провожайте меня.

И ушла.

Когда дверь за ней закрылась, Сол сказал:

- Она хорошо держалась. Не плати мне за этот день - мои услуги не понадобились.

Глава 17

Это послесловие я пишу только для того, чтобы вы тоже стали лучше разбираться в человеческой натуре. Чек от Сайруса М. Джаррета на пятьдесят тысяч долларов - личный, а не банковский - прибыл по почте двадцать шестого января, через три дня после того, как суд присяжных осудил Флойда Вэнса за предумышленное убийство.